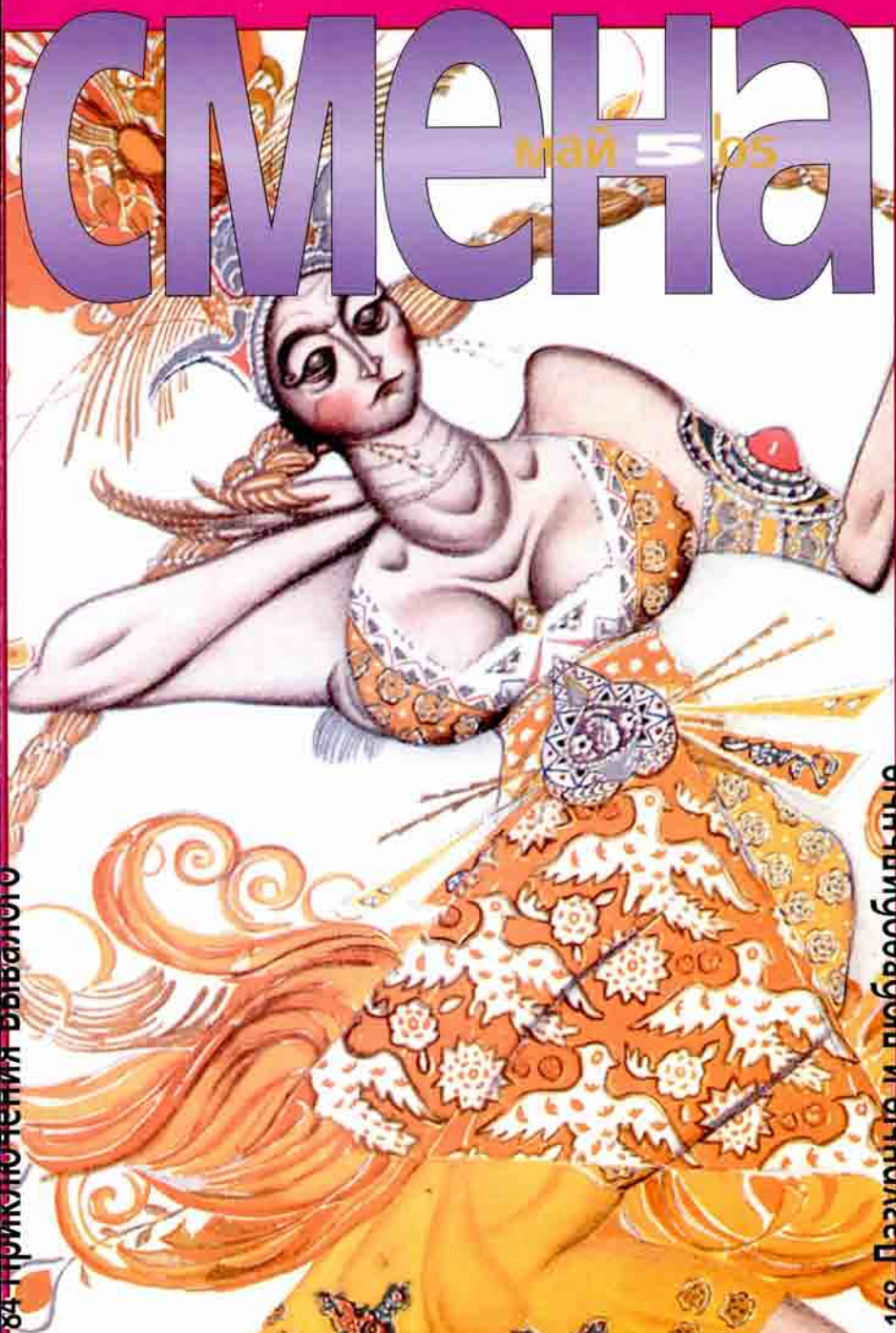

СМЕНА

май 5 05

84 Приключенция в вавилоно

168 Лазурные и любвеобильные

40 Как в кино?

28 Он был выше Сталина

Бакст
— 111

Лев Бакст

стр. 12–27

Литературно-
Художественный
Иллюстрированный
Журнал

Основан
в январе
1924 года.

5
2005
май (1687)

главный редактор

Михаил Кизилов

зам. главного редактора

Тамара Чичина

Над номером работали:

Башнеев Максим
Вартамян Галина
Исмагилова Олеся
Калинина Людмила
Ним Александр
Молчанова Надежда
Подольн Кирилл
Подорванова Светлана
Силанова Марина
Фоминова Светлана
Чейшвили Владимир

Сдано в набор 15.03.2005.
Подписано к печати 18.04.2005.
Печать офсетная.
Заказ № 10446
Тираж 50 000 экз.
Цена свободная.

Адрес редакции:

Бумажный проезд, 14,
Москва, А-15, ГСП-4, 127994.

212-15-07 — для справок

Факс (095) 250-59-28.

E-mail: jurnal@smena-id.ru

www.smena-id.ru

Отдел распространения:

257-31-37,

sales@smena-id.ru

Журнал зарегистрирован
в Комитете Российской
Федерации по печати.
Reg.№ 014832.

Учредитель —

**ООО "Издательский дом
журнала "Смена".**

Рукописи, фото и рисунки
не возвращаются.
Набор, верстка и цветоделение
ЗАО "НИИ НИТ".

Отпечатано в ФГУП "Смоленский
полиграфический комбинат"
по адресу: 214020, Смоленск,
ул. Смольянинова, д. 1.

**Журнал выходит
12 раз в год.**

© "Смена", 2005.

май'2005

наследие веков

Игорь Опарин
4 Фудзияма
Ирина Опимах
12 Лев Бакст

издалека

Любовь Русева
28 Выдающийся флотоводец

жизненные истории

Светлана Бестужева-Лада
40 Как в кино — не будет

зарубежный рассказ

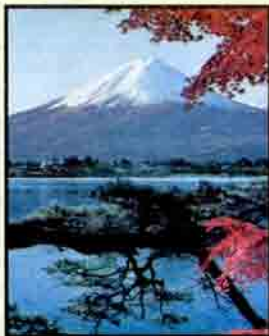
Лоренс Блок
70 Вор в ночи

▼ стр. 168

стр. 179 ►

стр. 4 ►

стр. 12 ►

криминал

Анатолий Пиманов

79 Хроника одной несчастливой квартиры

детектив

Александр Экштейн

84 Невероятные истории о майоре Пластовце

◀ стр. 142

▼ стр. 28

молодой бульвар

Ольга Павлюченко

142 Красны девицы и добры молодцы

Александра Зотова

147 Запретите жить красиво

Алла Пустынова

150 Дебютант — на сцену!

Просто Нир

154 Почему камешки?..

Нина Карпинская,

Марина Фетисова

156 От Библии до Камасутры

Екатерина Постникова

160 Полнолуние перед боем

Стрелы Амура

164 Любовь за деньги и без них

Ольга Быстрых

168 Лазурные и любвеобильные

Ник Сигарищенко

173 Телеоборзение

Максим Башкеев

174 В небе — монгольфьер!

Полина Теслер

179 Мячом по воде

Евгения Гордиенко

182 История одной рыбы

Джен Хиггинс

ЛЮБОВНИК ДОЖДЯ

Скотланд-Ярд в панике — как выйти на след Дождевого Любовника, убивающего молодых женщин и держащего весь город в страхе? Кто этот жестокий убийца, не знающий жалости? Идя вначале по ложному следу, детектив Ник Миллер сумеет все-таки разобраться в ситуации и вычислить преступника.

■ Однажды могущественные боги Изанаги и Изанами, сотворив радугу, спустились по ней с небес на землю. Их задачей было отделить твердь от хлиби. Богатырь Изанаги ударил своим огромным копьём по волнам, и упали на поверхность моря с его копья капли, которые тут же превратились в причудливо изогнувшуюся цепь островов.

Так в старых легендах рассказывается о сотворении Японии.

Фудзияма

Но вот почему эта страна стала страной гор, в легендах не рассказывается. Наверное, чтобы японцам было удобнее общаться с небожителями-богами. А еще Изанаги и Изанами произвели на свет Аматерасу — прекрасную богиню Солнца. Ее культ играл и до сих пор играет огромную роль в жизни японцев —

главной, самой почитаемой, самой известной по праву считается Фудзи.

Конус почти идеальной формы, освещенный утренним солнцем на рассвете или в потоках закатного света, она, подобно сказочному видению, словно парит в воздухе. Особенно прекрасна Фудзи весной, когда у подножия буйным цве-

Хокусай, Фудзи в ясный прохладный день.

недаром они называют свою страну Страной Восходящего Солнца. Солнце всегда связано с горами — оно или появляется на рассвете из-за гор, или на закате уходит за горы... По одной из религий Японии — синто — высшее божественное начало растворено во всех творениях природы, но горы — это нечто особенное, промежуточная ступень между небом и землей, святое место, куда навещаются боги, где поселяются души умерших и где обитает божественная сила. Иногда вырывается она в виде огненных потоков лавы и карает грешных людей. Японцы всегда строили на вершинах гор монастыри и храмы — ведь, как они свято верили, там, у самых облаков, живет горное божество. В Японии действительно очень много гор, но

том распускаются сакуры. Но и осенью гора хороша — тогда все вокруг пламенеет самыми разными оттенками красного. В ясную погоду гора видна с расстояния 80 километров. И это потрясающее зрелище. Но еще более удивительный вид открывается с ее вершины, откуда видно даже побережье Тихого океана.

Первыми поклонялись горе люди племени айну — его представители до сих пор живут на северных склонах Хоккайдо. Айну дали горе имя богини огня, сильной и прекрасной Фудзи. Фудзияма стала символом страны, главной национальной святыней. О ней слагают песни — японцы заучивают их с самого раннего детства, ей посвящают стихи поэты, ее пишут художники... В первом японском поэтическом сборнике "Манъёсю"

уже можно найти стихи о Фудзи как о священной горе Японии. Множество художников запечатлели на своих картинах образ прекрасной Фудзи. Наиболее хороша гора со стороны океана, где проходит Токайдо — знаменитая дорога между Киото и Токио. В 30-х годах XIX века по этой дороге путешествовал великий японский художник Кацусика Хокусай (1763—1840). Его серия гравюр "36 видов Фудзи" — настоящий шедевр мирового искусства. Позже гора вдохновила его еще на одну серию картин — теперь он создал "100 видов Фудзи". Другой замечательный японец — Хиросигэ (1797—1858) написал свою серию пейзажей с Фудзи, и, как и его великий предшественник, тоже просто назвал ее "36 видов Фудзи".

На одной из лучших картин Хокусая, которая называется "Победный ветер. Ясный день. (Красная Фудзи)" строгий конус горы, будто пламенеющий в лучах восходящего солнца, изображен на фоне неба с убегающими облаками; темные точки внизу, деревья, подчеркивают масштабность вулкана. Линии кисти вибрируют, дрожат — мы словно ощущаем трепет, волнение художника, в этих нечетких очертаниях ощущается движение воздуха и света... Поразительны краски картины: ясная голубизна неба и красный огненный тон горы — словно огненное нутро Фудзи рвется наружу! Будто сама Аматерасу, богиня Солнца, живет в Фудзи. Фудзи Хокусая — уже не просто гора, это символ Японии, Страны Восходящего Солнца.

Как рассказывается в древней легенде, Фудзи была создана богами за одну ночь в 285 году до н.э. Разверзлась земля, и образовалось самое большое в Японии озеро — Бава, а из выброшенной земли получилась Фудзи. (Кстати, у легенды есть основания — остров Хонсю сто-

Хиросигэ. Станция Мисима.

Хиросигэ. Станция Хара.

Хиросигэ. Станция Камбара.

ит прямо на основной линии разлома, вдоль которой выстроились двадцать пять вулканических конусообразных гор, но Фудзи, конечно же, самая высокая и самая красивая.) Но на этом история не закончилась. Великий Предок всех японцев Миоя-гами-но-микото пришел на закате на гору Фудзи и стал просить у божества горы приютить его на ночь. Но дух Фудзи отказал утомленному путнику в пристанище, ибо в ту ночь был занят празднованием Ниинаме (отмечал День осеннего благодарения). Великий Предок страшно обиделся, проклял духа Фудзи и жестоко наказал его — навечно покрыл его вершину снегом, чтобы никто не смог взойти на Фудзи и служить Духу Горы. Однако наказание Великого Предка ничуть не испортило жизнь Фудзияме, а, наоборот, сделало ее еще прекраснее и величественней — снежная шапка ей очень идет.

В 806 году, когда опасность извержения была особенно велика, император повелел на вершине горы, дабы задобрить разгневанных богов, выстроить синтоистский храм Фудзи-химэ. Приверженцы Фудзи-ко почитали дух ("ками") Фудзи, который они называли Сэнгэн Дайгонгэн. У духа Фудзи есть и другие имена — Асама или Коноха-на Сакуяхимэ ("Принцесса, заставляющая цвести деревья"). Синтоисты верят, что эта принцесса — очаровательная девушка с глицинией, Фудзи-химэ — охраняет гору от злых духов, паря над кратером Фудзи на светящемся облаке. Ее изображали на гравюрах и живописных картинках, дети играли кукольными Фудзи-химэ, а в театре Кабуки зрители восхищались "Танцем девушки с глицинией".

В Японии удивительным образом мирно уживаются две религии: японцы почитают как синтоистские божества, языческие по своей сути, так и Будду. Вот и Фудзи — священная гора не только для синтоистов, но и для буддистов, которые свято верят, что окаймляющая гору тропа на высоте 2500 м указывает путь в иной мир.

Чем же так замечательна эта гора?

Всех, кто видел Фудзияму, прежде всего поражает ее совершенная симметрия. Склоны ее расходятся под углом 45 градусов, в основании образует почти идеальный круг, окружностью 126 километров. Фудзи (яма — по-японски гора) — действующий вулкан высотой 3776 м с кратером диаметром около 505 м и глубиной до 200 м. Кратер, напоминающий цветок лотоса, окружен восемью гребнями — их называют Яксудо-Фуйо, что в переводе на русский означает восемь лепестков Фудзи.

Долгое время специалисты считали, что подножие горы Фудзияма формируют два старых вулкана — Старая Фудзи и Комитакэ. Совсем недавно, после трехлетних исследований, проведенных учеными Токийского института сейсмологии при Токийском университете, было уста-

новлено наличие еще одного вулканического образования, расположенного глубоко в недрах горы. "Нам удалось установить, что Фудзияма формировалась весьма необычным способом, отличным от общепринятой теории", — говорит Сэцзя Накада, профессор Института сейсмологии, возглавлявший эти исследования. До настоящего времени ученые считали, что Фудзияма приняла современное очертание в течение трех главных периодов ее вулканической активности, которая началась 300 000 лет назад. Вулкан, образовавшийся на этом месте во время первых извержений, получил название Комитакэ. Предполагают, что он имел высоту около 2500 м. Затем, около 100 тысяч лет назад, новые мощные извержения завершились образованием вулкана, известного под названием Старая Фудзияма. Комитакэ

стал подножием Старой Фудзиямы. Последние сильнейшие катаклизмы произошли около 10 тысяч лет назад. В итоге образовалась Новая Фудзияма, или современная, основанием которой и является Старая Фудзияма.

Но когда ученые произвели бурение глубинных пластов Фудзиямы, они обнаружили андезит, вулканическую скальную породу, которую раньше никогда не находили в ее недрах. Комитакэ и Старая Фудзияма состоят из базальта, по своей природе и структуре совершенно отличного от андезита. "Обнаруженный пласт андезита залегает намного ниже грунта Комитакэ, и это позволяет заключить, что вулканическая активность происходила на этом месте еще задолго до образования вулкана Комитакэ", — сообщили ученые. Они же назвали обнаруженное ими новое вулканическое об-

разование Сэн-Комитакэ, или "Прото-Комитакэ".

Фудзи по земным меркам — молодой вулкан. Сохранились сведения о том, как Фудзияма устраивала огненный фейерверк двенадцать раз. Самые сильные извержения случились в 800, 864 и 1707 годах. Во время последнего все близлежащие деревни были выжжены дотла, а вулканический пепел целых десять дней засыпал удаленный на сто километров от Фудзиямы Эдо (нынешний Токио).

Многие эксперты полагают, что наблюдаемое резкое увеличение низкочастотных колебаний в районе японской святыни делает весьма вероятным то, что пребывающий уже три столетия в спячке вулкан может проснуться. Сейчас "спящая красавица" демонстрирует некоторые признаки предстоящего пробуждения. В сентябре 2001 года сейсмологи зарегистрировали 33 низкочастотных подземных толчка, хотя за год их, как правило, редко бывает более десяти. В октябре последовало 133 толчка, в ноябре — 222, в декабре — 143. Только в течение одного дня — 18 декабря 2004 года — их было отмечено 53! И хотя в январе число низкочастотных землетрясений снизилось до 36, это все равно значительно выше нормы. Все толчки происходят на глубине 15 км под конусом Фудзи. Вероятно, как считают представители местных властей, все и обойдется, но необходимо не терять бдительность и быть готовым к взрывам капризной принцессы Фудзи-химэ.

С самых давних пор люди стремились подняться на вершину горы и послужить, поклониться ее Духу. Летом снежная шапка горы тает, и уже смело можно отправляться в путь. До наших дней дошли сведения о восхождениях паломников на Фудзи в 1500 году. А чуть позже создали специальное общество Фудзи-ко, объединявшего в своих рядах восторженных поклонников горы, на вершине которой, как они полагали, одновременно "начинались Небо и Земля". Сотни верующих в могущест-

во Духа горы отправлялись, взяв в руки посох и надев на себя белые одежды, символ непорочности помыслов, в путь. Тропы, ведущие на вершину, были усеяны брошенными, разбитыми сандалиями — путь ведь не прост, и паломникам приходилось сменить по нескольку пар обуви. "Тот, кто ни разу не поднимался на Фудзи, глупец, а тот, кто поднимался дважды — вдвое глупец", — гласит народная японская мудрость: один раз подняться нужно обязательно, но дорога столь терниста, что незначем себя мучить еще раз. Сюда люди приходили в самые важные моменты жизни — просили у богов помощи... Бывали случаи, когда на гору приходили и умирать — смертельно больные старики, желавшие уйти в другой мир в одиночестве, вдали от мирской суеты и страстей, умоляли своих близких помочь и привести их на гору; несчастные влюбленные, которые по тем или иным причинам не могли быть вместе, делали свой выбор — бросались, взявшись за руки, в кратер Фудзи.

В 1600—1868 годах (в эпоху Эдо) существовало уже более 800 организаций, ведавших восхождением на великую гору. Ныне восхождение на Фудзи — настоящий бизнес. На вершину проложена тропа с десятью площадками — станциями для отдыха. У подножия паломники покупают бамбуковые посохи с бубенцами — посох поможет идти, а на каждой станции на нем сделают — за отдельную плату — специальную отметку, клеймо, свидетельство того, что хозяин посоха дошел до этого этапа. Для подъема гора открыта с 1 июля по 31 августа, и множество как японцев, так и туристов из всех стран мира приезжают сюда, дабы прикоснуться к самой главной японской святыне. Едут семьями, классами, старые и молодые. Это раньше паломники сбивали себе ноги в кровь — теперь до середины пути, пятой станции, можно доехать на комфортабельном автобусе, а потом за четыре с половиной часа дойти до вершины. Правда, и это время прохо-

дит совсем не просто — для восхождения требуется напряжение всех сил. Каждый год пять миллионов человек приезжают к подножию горы, но только четверста тысяч из них поднимаются на вершину. После тяжелого ночного восхождения их ждет драгоценная награда — возможность встретить рассвет на вершине Фудзи. Это действительно потрясающее зрелище. За несколько мгновений до появления солнца из-за горизонта его диск полностью отражается в воздухе, и тогда небо озаряется такими удивительными красками, которые не придумает ни один художник. Чудо длится считанные мгновения, оно исчезает, как только восходит солнце, и, конечно же, стоит и разбитых сандалий, и мозолей, и того напряжения физических и моральных сил, которое требует восхождение на Фудзияму. А потом, стоя у древнего синтоистского храма, обращенного на север, к землям Японии, к этим каплям, упавшим с копыя Изагаи, повторяют туристы вслед за паломниками в белых кимоно слова древнего заклипания: "Да очистятся мои шесть чувств от всего суетного и грешного..." И даже если вы не верите в Духа Фудзи, трудный путь к вершине и прекрасный вид, открывающийся с нее, делают души людей чище, а помыслы светлее.

Цивилизация всегда несет с собой опеределенные, и порой немалые, разрушения. Туристический бизнес — строительство отелей, музеев, ресторанов, прокладка дорог, вырубка леса, мусор, который оставляют туристы (для очистки территорий даже привлекают армейские части!) — все это отнюдь не улучшает экологию в районе Фудзи. Да и храм на вершине не отстает от мирских фирм — монахи живо торгуют сувенирами с изображениями горы. И изо всех сил борются за право безвозмездного владения национальной святыней. Еще в 1974 году окончилась тяжба, продолжавшаяся много лет. Тогда суд постановил, что через тридцать лет вершина горы будет принадлежать храму. Это решение осно-

вано на исторических документах. Выяснилось, что храм контролировал земли священной Фудзи многие века, пока их не отоборало государство во второй половине XIX века. Правительство судилось с монахами семнадцать лет. В результате к храму сейчас отходит территория вулкана с уровня 3350 м и до самой вершины. У государства остаются лишь тропы, по которым совершают восхождение туристы и паломники.

Рядом с храмом стоит метеорологическая станция — центр всех метеостанций страны, в которой служба погоды одна из самых важных. Здесь торгуют сведениями о погоде. В Японии даже само название горы стало предметом торговли, торговой маркой. В стране множество фирм носит название священной горы — под этим именем живет один из крупнейших банков Японии, производится электроника, шоколад, плавится сталь, выпускается фотобумага и фотопленка... Но несмотря на такое растираживание Фудзи, гора остается национальным символом Японии. Для каждого японца Фудзи — это его страна, его народ, его история, культура... Фудзи всегда присутствует в жизни японцев — в любом доме висит гравюра с изображением священной горы. А уж если Фудзи приснится в новогоднюю ночь — значит, боги проявляют милость, значит, новый год обязательно принесет удачу, радость, благополучие и здоровье.

В любой момент Дух Фудзи может проснуться и проявить свое недовольство людьми — жизнь современных японцев отнюдь не образец праведности. А потому не исключено, что однажды божественная сила вырвется из Фудзи и потоки огненной лавы полностью уничтожат потрясающую красоту горы и ее окрестностей. Наверное, потому так щемяще становится на душе при взгляде на Фудзи, потому так поклоняются этому совершенству японцы, в глубине души осознавая недолговечность Прекрасного, хрупкость Гармонии, краткость Счастья...

Ирина ОПИМАХ

Лев Бакст

12

всемирная галерея

Эскиз декорации к балету "Послеполуденный отдых фавна" на музыку К. Дебюсси. 1912.

Лев Бакст... Чувственные красавицы в восточных одеяниях, белая пачка прекрасного Лебеда, удивительные декорации к классическим балетам дягилевских "Русских сезонов в Париже" — все это навсегда вошло в мировую культуру. Его вклад в театрално-декоративное искусство по достоинству оценен во всем мире. Вместе с другими замечательными художниками — А. Бенуа, К. Сомовым и Е. Лансере — он создал основы нового направления в графике, названного впоследствии "искусством книги". Великолепный портретист, Бакст сумел запечатлеть на своих полотнах многих выдающихся современников.

Его имя неотделимо от таких блестящих явлений русской культуры начала XX века, как объединение художников "Мир искусства" и дягилевские "Русские сезоны в Париже", оказавших огромное влияние на развитие всего мирового искусства XX века. Именно Льву Баксту из всех художников русского модерна удалось завоевать поистине мировую славу.

Лев Бакст (Лейб-Хаим Розенберг) родился в Гродно в 1866 году. Его отец, мелкий коммерсант Самуил-Барух Розенберг был, как правило, занят в своей конторе, и детьми, да и всем хозяйством занималась его жена Бася. Вскоре после рождения сына Розенберги переехали в Петербург. Мальчик оказался непростой — часто болел, капризничал и родители его баловали, ну а он, чувствуя их любовь, пользовался этим. Научившись читать, маленький Левушка проглатывал все книги, которые ему попадались в руки — рос любознательным, все хотел знать. А еще он стал рисовать, и это получалось у него замечательно. В Петербурге у Левушки обнаружился дед — известный портной, в ателье к которому приходили вполне состоятельные и высокопоставленные клиенты. Дед, хорошо ориентировавшийся в самых последних новинках моды, имел парижский лоск — недаром он провел некоторое время в этой столице мировой моды — и был принят в светском обществе. Дедова квартира на Невском казалась внуку настоящим музеем — там было столько старинной, роскошной мебели и изящных антикварных безделушек! Все хотелось рассмотреть и потрогать. Именно у деда Левушка приобщился к прекрасному, почувствовал прелесть изысканности и изящества.

Зато в скромном доме родителей у него был театр — вместе с младшими сестрами он устраивал настоящие представления: дети наряжались в придуманные и сделанные ими самими костюмы, строили декорации — как в настоящем театре, куда ходили родители. А когда он подрос, его тоже стали брать. Особенно нравились мальчику оперы, что давали в Петербурге итальянские труппы!

Еще в годы учебы в гимназии у Льва обнаружился талант к рисованию. Конечно же, отцу хотелось, чтобы сын продолжал его дело, но тот решил заниматься только искусством. Озадаченные родители, дабы принять правильное решение, показали рисунки Льва настоящему мастеру, знаменитому скульптору Марку Матвеевичу Антокольскому. Увидев первые опыты юноши, он тут же вынес свой вердикт — только Академия художеств, только это поприще принесет счастье и удачу Левушке.

И младший Розенберг, вместо того, чтобы овладевать коммерцией, поступает вольнослушателем в петербургскую Академию художеств. К сожалению, Лев попал туда не в лучший ее период — там царил сухой академизм и рутинная, без свободного полета мысли и кисти. Многие покидали сие почтенное заведение довольно быстро — так, например, Александр Бенуа, будущий друг Бакста, смог продержаться лишь четыре месяца, но ему было у кого учиться, все его семейство связано с искусством. У Бакста же ситуация оказалась совсем иная, и он, пока мог, брал у своих профессоров все, что они были способны ему дать. Прочувшись четыре года, юноша покинул стены Академии — он принял участие в конкурсе на Большую серебряную медаль и сотворил нечто абсолютно неприемлемое с точки зрения почтенных профессоров: изобразил на своей картине "Оплакивание Христа" Богородицу в виде пожилой, уставшей от жизни женщины, а остальных персонажей наделил ярко выраженными иудейскими чертами. Все это соответствовало Евангелию, ведь библейские герои действительно иудеи, но у представителей официального искусства был совсем иной взгляд на то, как должны выглядеть Христос и его близкие. Разразился настоящий скандал! Льва пригласили на заседание жюри конкурса, где он увидел возмущенных его дерзостью преподавателей и свою картину, безжалостно перечеркнутую крест-накрест толстой жирной линией. После сего прискорбного события молодому художнику ничего не оставалось, как, сославшись на болезнь глаз, уйти из Академии и постигать секреты мастерства самостоятельно.

А между тем умер отец, и Баксту пришлось задуматься о заработке — забота о матери и сестрах теперь легла на его плечи. Содержать большую семью было непросто, и он хватается за любой способ подзаработать — работает для разных из-

дательство, иллюстрирует детские книги... В журналах появляются его графические работы на театральные и другие темы. Не все его рисунки хороши, но есть и весьма удачные, а главное, он быстро приобретает опыт, совершенствует технику. Впервые Бакст представил свои работы публике на выставке в 1899 году, и тогда же появился его псевдоним Бакст, укороченная фамилия деда (Бакстер).

В 1890 году Бакст познакомился с Александром и Альбертом Бенуа. Любимец юных барышень и зрелых дам, настоящий светский лев, прекрасный пианист-импровизатор, особа, приближенная к императору (он даже путешествовал с царским семейством на яхте), Альберт, как и его брат, был еще и одаренным художником. Еще в 1887 году вместе со своими однокашниками по петербургской частной гимназии Карла Мая (известная на всю Россию школа) — В. Нувелем, Д. Философовым, К. Сомовым он организовал группу "Невские пиквикианцы" — где молодые люди из хороших семей изучали искусство и музыку. Позднее к кружку юных любителей прекрасного примкнул и приехавший из Перми Сергей Дягилев, сын генерал-майора и двоюродный брат Философова, казавшийся поначалу обитателям столичного Петербурга глубоким провинциалом, а также племянник Бенуа и сын известного художника Евгений Лансере. Главный в этой компании был Александр Бенуа. Молодые люди с увлечением и страстью говорят о Достоевском, Вагнере, Гофмане, обсуждают достижения своих современников, французских и английских художников. Бакст с огромным воодушевлением посещает эти собрания и многому учится у своих новых друзей. Его область — живопись. Он рассказывает друзьям о своих любимых художниках — а в то время его кумирами были Г. Семирадский, К. Маковский и другие представители официального, академического искус-

ства. Позднее к кружку юных любителей прекрасного примкнул и приехавший из Перми Сергей Дягилев, сын генерал-майора и двоюродный брат Философова, казавшийся поначалу обитателям столичного Петербурга глубоким провинциалом, а также племянник Бенуа и сын известного художника Евгений Лансере. Главный в этой компании был Александр Бенуа. Молодые люди с увлечением и страстью говорят о Достоевском, Вагнере, Гофмане, обсуждают достижения своих современников, французских и английских художников. Бакст с огромным воодушевлением посещает эти собрания и многому учится у своих новых друзей. Его область — живопись. Он рассказывает друзьям о своих любимых художниках — а в то время его кумирами были Г. Семирадский, К. Маковский и другие представители официального, академического искус-

Портрет художника А. Бенуа. 1898

ства. Позднее к кружку юных любителей прекрасного примкнул и приехавший из Перми Сергей Дягилев, сын генерал-майора и двоюродный брат Философова, казавшийся поначалу обитателям столичного Петербурга глубоким провинциалом, а также племянник Бенуа и сын известного художника Евгений Лансере. Главный в этой компании был Александр Бенуа. Молодые люди с увлечением и страстью говорят о Достоевском, Вагнере, Гофмане, обсуждают достижения своих современников, французских и английских художников. Бакст с огромным воодушевлением посещает эти собрания и многому учится у своих новых друзей. Его область — живопись. Он рассказывает друзьям о своих любимых художниках — а в то время его кумирами были Г. Семирадский, К. Маковский и другие представители официального, академического искус-

Портрет Сергея Дягилева с няней. 1905.

Обнаженная. 1900.

ва. (Правда, довольно скоро его взгляды существенно поменялись.) Бакста все любят — близорукий, слегка картавящий, в пенсне, рыжий, в веснушках, страшно влюбчивый, очень стеснительный, вечно находящий в себе кучу болезней, он удивительно добр и искренен. А.П. Остроумова-Лебедева, хорошо знавшая его в то время, вспоминает: "Бакст был живой, добродушный, шепелявый молодой человек, с ярко-розовым лицом и какими-то рыже-розовыми волосами. Над ним все подтрунивали, и над его влюбчивостью, и над его смешной шевелюрой, и над его мнительностью. Ему всегда казалось, что он болен или тяжело заболевает. Он был умен, блестяще одарен..." Но главное — он бесконечно предан искусству. А кроме того, так талантлив! Именно тогда, на собраниях этих молодых людей, интеллектуалов, образованных, дерзких, готовых свергать горы ради творчества, в гостеприимном доме Бенуа Левушка Розенберг становится Львом Бакстом.

В 1891 году в жизни Бакста происходит знаменательное событие — он отправляется в путешествие за границу. Германия, Бельгия, Испания, Италия, и конечно же, Париж — было от чего закружиться голове! Архитектура средневековья, величественные готические соборы, новые люди, разноязыкая толпа, а еще залы музеев, в которых он находит настоящие сокровища — полотна старых мастеров. Неужели и он когда-нибудь сможет хотя бы приблизиться по мастерству к этим недостижимым вершинам...

Через два года он снова в Париже, где оседает на шесть лет, иногда возвращаясь в Россию. Такую роскошную возможность ему дал заказ великого князя Алексея Александровича — высокородному ценителю прекрасного захотелось иметь полотно "Встреча адмирала Авелана в Париже". Писать монументальную картину оказалось непросто, а кроме того, творческому процессу не способствовали и душевные терзания, мучившие Льва. Дело в том, что в то время Левушка безнадежно влюбился в некую актрису Михайловского театра, которая с большим удовольствием растратила аванс, полученный художником от князя, и тут же перестала изображать глубокое ответное чувство. Посему обманутый Левушка чувствовал себя глубоко несчастным. Бенуа вспоминал: "Его швыряло и мотало, как тонущего в разбушевавшемся море". И в собственных силах как художника он теперь был не уверен. Поднабраться мастерства он решает в студии известного парижского живописца Ж.-Л. Жерома, потом посещает школу Р. Жульена, работает вместе со ставшим близким другом финном А. Эдельфельдом. Иногда, когда все надоедает, он уезжает — то в

Две беотийских девушек. Эскиз костюма к балету Н. Черепнина "Нарцисс", 1911.

Испанию, где в мадридском Прадо восхищаются Веласкесом, то в более экзотические края — Алжир и Тунис. И пишет, пишет... В его работах появляются прозрачность, легкость, поэзия. Его увлекает портрет, возможность показать личность модели. Кого только он ни написал! Тут и парижане, и французские крестьяне, и тунисцы. А еще — его лучшие друзья. Благодаря Баксту мы знаем облик тех, кто очень скоро будет определять пути развития русской культуры: А. Бенуа, К. Сомова, Философов, Левитана. Живя в Париже, он выставляется в Петербурге и становится в России известным. Его даже просят выполнить портреты членов царской семьи.

Наконец "Встреча адмирала..." закончена, и автор привозит ее в Россию. Картина, с точки зрения заказчика, явно не удалась, слишком

много в ней того, чего не подобало, и что затруднительно назвать парадным. Да и друг Бенуа, самый главный критик, от нее не в восторге — вялая, неинтересная живопись, таков его приговор.

А между тем из "Петербургских пиквианцев", группы приятелей, однокашников, по сути школьников, постепенно формируется объединение, сыгравшее колоссальную роль в русской культуре — "Мир искусства". Теперь вождем по праву становится бывший провинциал, а ныне завсегдатай самых высоких светских раутов, блестящий коллекционер, прекрасно умеющий распознать таланты, — Сергей Дягилев. Дягилев — человек несомненно умный. Быстро осознав, что сам великим творцом вряд ли станет, он выбирает себе иное поприще — решает быть покровителем искусств. Правда, для этого, как и теперь, требовались большие деньги, которых у него не было. Но тут ему помогло природное обаяние, умение увлечь и убедить самых разных людей в реальности его проектов. У него широкий круг знакомых и друзей, это уже знаменитости или те, кто вот-вот ими станет. Дягилев рано понял, что его в сексуальном плане влечет к мужчинам (потом его большой любовью станет гениальный танцовщик Вацлав Нижинский, именно благодаря Дягилеву он вошел в историю мирового балета), но и с женщинами он чрезвычайно мил и великолепно умеет использовать их в своих целях. Известная меценатка княгиня Тенишева с горечью вспоминала, как Дягилев ловко выманил у нее — как и у Саввы Мамонтова — немаленькую сумму на журнал, который он затевал. Получив деньги, он потом без зазрения совести забыл о ее существовании, перестав интересоваться мнением княгини на предмет печатавшихся материалов.

Итак, друзья решают, что им необходим журнал — тогда все узнают о них и их идеях. Так в 1898 году появляется журнал "Мир искусства", занявший ведущее место среди литературно-художественных изданий того времени. Литературной частью ведал Философов, музыкой Нувель и Нурок, живописью — Алек-

Портрет Иды Рубинштейн. 1921.

частности, Стасову она очень не понравилась. "Подворье прокаженных", "Нищие духом" — так назывались его статьи о выставке. Но многие пришли в восторг. Дягилев организовал еще пять выставок, и во всех них активно участвовал Бакст. Мирискусники, люди, прекрасно образованные и весьма осведомленные о том, что происходило тогда в мировом искусстве, были при-

сандр Бенуа. Вокруг журнала постепенно сосредотачиваются почти все наиболее яркие молодые художники Москвы и столицы — тут и Рерих, Остроумова-Лебедева, Васнецов, Коровин, Поленов, Врубель, Серов... Графические работы для журнала сделали Бакста известным художником, от номера к номеру его роль в оформлении журнала возрастала. "Жертва Сережиной (имеется в виду Дягилев) деспотии — Левушка Бакст — просиживал целыми днями, выводя изящные подписи под рисунками и ретушируя фотографии с целью придать им более художественный вид", — вспоминал Бенуа. А в 1899 году в Музее барона Штиглица открылась первая выставка "Мира искусства" — в присутствии великой княгини Марии Павловны, более того, на открытие прибыл и сам император Николай II! Выставка вызвала разноречивые отклики, в

Портрет Александры Дункан. 1908.

Эскиз декорации для II акта балета
"Дафнис и Хлоя" Мориса Равеля. 1912.

Искандер. Эскиз костюма к балету П. Дюка "Пери". 1911.

верженцами модерна и символизма. Они провозглашали абсолютно новые для России идеи: искусство — прежде всего выражение личности творца, самое главное — решение эстетических задач, а отнюдь не социальных, как считали их ярые противники, живописцы из "Общества передвижников". Утверждая, что современная цивилизация убивает культуру, мирискусники находили идеалы и образцы для подражания в культурах прошлого, в античности, в красоте средневековых соборов, они научились ценить красоту древнерусской иконы и совершенство классического Петербурга. Художественные выставки — их было пять — организованные Дягилевым в последующие годы, имели огромный успех, и всегда наиболее значительными среди выставленных работ оказывались картины Бакста. Он приобретает такую

известность, что его даже приглашают учителем рисования к детям великого князя Владимира, а в 1902 году он получает от царя специальный заказ — изобразить "Встречу русских моряков в Париже".

Бакста узнают и за границами России — он активно выставляется в Мюнхене и Берлине, Праге, Риме, Венеции, Брюсселе.

Художник пишет замечательные портреты, занимается книжной графикой, сотрудничает с журналами, оформляет интерьеры и выставки, преподает. Ему всегда хотелось организовать художественную школу, в которой были бы все условия для раскрытия талантов. И он открывает такую школу — вместе со своим другом и замечательным графиком Добужинским. Школа Бакста и Добужинского — так и называется это учебное заведение. Ученикам здесь уютно, учителя, сами прекрасные художники, уверены: самое главное — свобода творчества. Вот их ученики и творят, а молодые преподаватели умеют и похвалить, и с помощью острого, но не злобного слова указать на ошибки. Именно в этой школе получает свои первые серьезные уроки Марк Шагал. Лев Бакст — уже не тот Левушка, нелепый и неуверенный в себе юноша, появившийся в доме Бенуа. Теперь это известный живописец Лев Бакст. Один из учеников школы П.В. Андреев так вспоминал о своем учителе: "Небольшого роста, изящный рыжеватый человек в пенсне с золотой цепочкой. ...Короткие рыжеватые вьющиеся волосы на большом черепе с помощью фиксатуры тщательно зачесаны на одну сторону. Что-то верхарновское было в усах и подбородке. Голова крепко сидела на короткой шее, всегда затянутой великолепным воротничком. Спокойные карие искрящиеся глаза, меткие и добрые, они смотрели из-под пенсне, мудрые, меряющие и сравнивающие. ...Бакст располагал к себе. Это был интересный человек, его внешность красиво дополняла богатую внутреннюю сущность. Манеры простые, живые, деловые. ...Все в меру изысканно, тонко и доступно".

В 1907 году Бакст вместе с Серовым отправляется в Грецию — туда влечет его любовь к античности. Афины, Крит с Кносским дворцом, а потом Фивы, Микены, Дельфы, Олимпия — путешествие по гомеровским местам. Вернувшись, Бакст написал замечательные заметки "Серов и я в Греции" и картину "Древний ужас", на которой изобразил вариации на темы гибели Атлантиды. И опять, как и в парижской картине с генералом Авалоном, неудача — Бакст явно не силен в монументальной живописи, и он понимает это лучше всех.

С конца 1900-х годов Бакст полностью посвящает себя театру, самой своей сильной любви. Первый его балет — "Сердце маркизы", поставленный в Эрмитажном театре престарелым Петипа. Потом были другие спектакли — "Ипполит", "Фея кукол". В "Фее..." впервые в его костюмах танцевали Анна Павлова, Матильда Кшесинская, Тамара Карсавина и Михаил Фокин, выдающийся реформатор искусства балета. Бакст все больше погружается в волшебный мир кулис. У него явно подъем, множество идей. Творческому процессу весьма способствует пламенная любовь — он безумно увлечен Любовью Гриценко, дочерью Петра Третьякова и вдовой художника Н. Гриценко. На сей раз все складывается хорошо — 12 ноября 1903 года он женится на своей избраннице. Для этого он даже переходит из иудаизма в лютеранство — так велика его любовь! Через четыре года у Бакста рождается сын Андрей (Андрей тоже стал художником, работал в кино, сотрудничал с великим французским режиссером Рене Клером и свято хранил память о своем отце. В 1960-х годах он передал в дар Третьяковской галерее архив отца, а Русскому музею — полотно "Древний ужас"). Бакст обожает сына, очень любит свою приемную дочь Марину. Все хорошо в его жизни, и все хорошо в творчестве. Балет идет за балетом, и в его костюмах блистают Вацлав Нижинский, Тама-

ра Карсавина, Матильда Кшесинская, Ида Рубинштейн, Айседора Дункан, Мария Кузнецова, Михаил Фокин. И, конечно же, несравненная Анна Павлова. В 1907 году именно он придумал костюм Лебедя для танца на музыку Сен-Санса. Знаменитая белоснежная пачка и головной убор, отделанный перьями, стали символом не только русского балета, но и всего русского искусства — символом трагическим и бесконечно прекрасным...

А между тем Дягилеву и Филоосовову надоело возиться с журналом — теперь неутомимому Сергею Павловичу пришла новая фантастическая идея — показать Европе все, что есть самого выдающегося в русском искусстве. В 1906 году он убедил своих парижских знакомых пригласить русских художников выставиться на Осеннем Салоне, самой главной выставке Парижа. На "Русской художественной выставке" он показал собрание икон и живописи XVIII—XIX

веков, а также мирискусников. Оформить Салон поручено Баксту, что он и сделал блестяще — поставил решетку в виде решетки петербургского Зимнего сада. Все так просто и вместе с тем великолепно передавало атмосферу русской столицы. В 1907 году Дягилев организовал пять концертов русской музыки, поставил там же "Бориса Годунова" с Шаляпиным в главной роли. Публика была в восторге! А потом пришла очередь балетов — сначала "Павильон Артемиды" и "Клеопатра", для оформления которых снова позвали Бакста. Вместе с Дягилевым и его группой Бакст уезжает в Европу. Успехом "Клеопатра" во многом обязана декорациям Бакста: он создает на сцене Древний Египет — на ярко-голубом небесном фоне огромные колонны и скульптуры словно излучали зной, и зноем веяло от томных египетских красавиц, несущих смерть своим обожателям. Бакст становится ведущим художником знаменитых парижских "Русских сезонов" и "Русского балета С. Дягилева", оформляет балеты и создает костюмы для танцоров. Его работы в сценографии балетов "Шахерезада", "Нарцисс", "Карнавал", "Дафнис и Хлоя" и другие — признанные во всем мире шедевры — поражали сказочной роскошью, изысканностью, утонченностью и смелостью решений.

Особенное впечатление на зрителей произвел балет "Шахерезада". Либретто было весьма захватывающе: султан Шихрияр, объявив, что уезжает на охоту с братом, внезапно возвращается в гарем, чтобы проверить, верны ли ему жены. Увидев, что, воспользовавшись его отсутствием, султанша Зобеида и остальные наложницы развлекаются в объятиях прекрасных невольников, он впадает в ярость и приказывает своим воинам перебить всех — и неверных жен, и их любовников. Это "сотканное из ласк и убийств" представление было просто великолепно! Публика взрывалась аплодисментами при каждом поднятии занавеса. Баксту удалось создать пряную, полную сладострастия и истома атмосферу сказочного Востока. Бенуа, который придумал все либретто и активно участвовал в создании балета, не найдя свое имя на программке, сначала страшно разозлился,

но потом, захваченный фантастическим зрелищем, все простил своим друзьям-врагам. "Париж был подлинно пьян Бакстом", — писал свидетель тех исторических спектаклей А. Левинсон. Эскизы декораций, вывешенные в парижском Музее декоративного искусства, распродали в один день! А потом представили удивительную "Жар-Птицу" Стравинского, с яркой, восточной Жар-Птицей и такой трогательно русской Ненаглядной Красой, "Карнавал", "Призрак Розы"... Жан Кокто, восторженный почитатель Дягилева и всей его труппы, замечательный поэт, художник, драматург, пишет десять эссе о спектаклях Бакста. И вот Лев Бакст, неожиданно для себя превратившись в знаменитого Леона Бакста, становится преуспевающим европейским художником и законодателем парижской моды, и самые известные парижанки требуют, чтобы он работал и для них, придумывая им туалеты в стиле модерн. Самые прославленные Дома моды почитают за честь сотрудничать с русским художником. В ювелирных магазинах появились броши и диадемы, украшенные сапфирами и изумрудами — странное сочетание для европейцев, но любимое Бакстом, а потому модное. На приемах, в театральных залах дамы одевались, как наложницы в гаремах восточных властителей — и все это благодаря Баксту!

Плж. Эскиз костюма к балету П. Чайковского "Спящая красавица" 1921

В 1910 году Анна Павлова, поссорившись с Дягилевым, организовала свою труппу и отправилась на гастроли в Америку. И танцевала прославленная балерина, конечно же, в костюмах Бакста. Она же открывала его выставку в Нью-Йорке — сам художник не смог приехать на вернисаж.

А между тем его семейная жизнь разлагается. Все чаще и чаще между супругами Бакстами вспыхивают ссоры. В 1910 году они решают развестись, и Бакст демонстративно возвращается к вере отцов. Тут же последовала жесткая реакция властей — они высылают знаменитого художника из Петербурга. Отныне ему запрещено как иудею проживание в столице. Черта оседлости — его удел.

В годы своего триумфа Бакст не мог вернуться в Россию, путь на Родину ему был заказан, там его как еврея, посмеявшего публично перейти в иудаизм, преследовали черносотенцы, зато его работы раскупались посланцами музеев всего мира — кроме России. Особенно его почитают во Франции — впервые в истории страны русский художник избран вице-президентом жюри Общества декоративных искусств и удостоен ордена Почетного легиона!

В 1913 году Бакст создал декорации для балета «Пизанелла» с участием знаменитой танцовщицы Иды Рубинштейн. Мейерхольд вспоминал, что в зале раздавались стоны восторга при появлении каждой новой декорации. Казалось бы, такой успех, такое признание, но все это не приносило счастья художнику. Он страдал от разлуки с сыном, Петербургом, а, кроме того, от огромного переутомления — Дягилев умел выжимать соки из всех...

Между тем в 1914 году друзья и поклонники художника добились своей цели: Баксту позволили вернуться в Петербург, наконец он обрел признание и на Родине — его даже выбрали действительным членом Петербургской академии художеств! Но началась война, и он остался за границей. А затем — революция, Гражданская война... Бакст так и не вернулся в Россию.

Шли годы, постепенно Дягилев стал поручать оформление балетов другим художникам, стараясь найти возможности для продолжения своих сезонов, выискивая средства, пытаясь соответствовать меняющимся вкусам публики. Он привлекает к своему делу новых людей, приверженцев новых течений — кубистов, конструктивистов. Однажды Дягилев отверг оформление балета "Волшебная лавка", сделанное Бакстом, и передал балет Дерену. Это было уже настоящее оскорбление! Бакст страшно обиделся. Но, несмотря ни на что, его тянуло к Дягилеву — столько вместе пережили! Его последний балет для дягилевской труппы как всегда был прекрасен — им стала невероятно эффектная, сказочная, волшебная "Спящая красавица".

Остывая от Дягилева, Бакст остается в центре художественной жизни Парижа, он признан как выдающийся сценограф художниками, композиторами, режиссерами, его связывала личная дружба с А. Модильяни, П. Пикассо, И. Стравинским. Он по-прежнему много работает — создает великолепные панно на темы "Спящей красавицы" для лондонского особняка Д. Ротшильда, выступает с лекциями. В 1923—1924 годах художник два раза посещает Америку, проехав огромную страну от Нью-Йорка до Лос-Анджелеса с циклом лекций о современной моде. Его выступления собирали огромные залы — так в Нью-Йорке в роскошный зал отеля "Плаза" послушать русского художника пришли более полутора тысяч человек! Чикагский музей искусств закупил несколько картин Бакста.

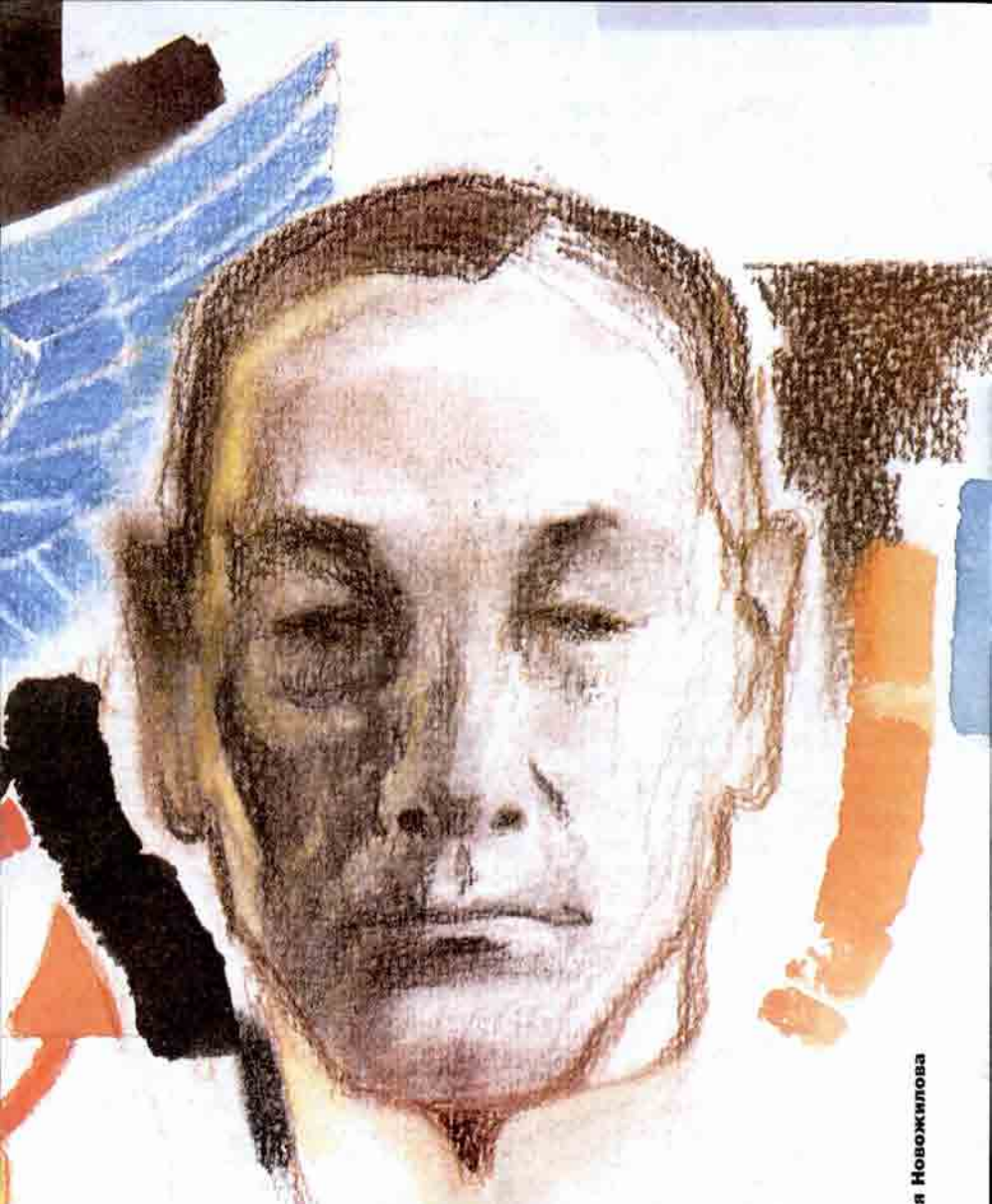
В 1924 году Бакст участвует в постановке своего последнего балета — "Истар" (Гранд Опера), с Идой Рубинштейн в главной роли, и, как часто бывало в его спектаклях, яркие, изысканные декорации затмевали и танцовщиков, и музыку.

Лев Бакст умер 27 декабря 1924 года на пятьдесят девятом году жизни от отека легких. Его похоронили на кладбище Батиньоль. Проводить в последний путь замечательного русского художника пришел весь художественный и театральный Париж.

Бакст дал театру невероятно много, — как писал выдающийся русский танцовщик и балетмейстер М. Фокин, "и богатство красок, и чувство эпохи, и костюм, не похожий на прежние". Он умел "создавать фантазии красок и линий, сказочные видения, каждый раз новой красоты".

Бакст стал реформатором русского и западно-европейского театра, сделав сценографию одним из важнейших компонентов спектакля. При этом все его работы для театра имеют и, несомненно, самостоятельную ценность — недаром его эскизы выставляются в лучших музеях мира.

И сейчас, спустя десятилетия после смерти, появление его работ на международных аукционах вызывает неизменный интерес. Произведения художника хранятся в крупнейших музеях мира... Он был настоящим поэтом, этот удивительный художник, потому что только поэт может написать такие слова: "В каждом цвете существуют оттенки, выражающие иногда искренность и целомудрие, иногда чувственность и даже зверство, иногда гордость, иногда отчаяние. Это может быть почувствовано и передано публике... На печальный зеленый я кладу синий, полный отчаяния... Имеются красные тона торжественные, и красные, которые убивают... Художник, знающий, как извлечь из этого пользу, подобен дирижеру оркестра, способному одним взмахом палочки привести все в движение и извлечь тысячу звуков...Такой художник может ожидать от зрителя именно тех душевных порывов, которые он хотел в нем вызвать". Именно таким художником был Лев Бакст, и потому его искусство по-прежнему заставляет страдать и радоваться, вызывая восторг и восхищение изяществом линии, изысканностью и богатством красок, ароматом давно ушедшей эпохи.

21 июня 1941 года Главный морской штаб Наркомата ВМФ разослал на все флоты и флотилии экстренную телеграмму: "Немедленно перейти на оперативную готовность № 1. Народный комиссар Военно-Морского Флота Союза ССР Кузнецов".

— Срочно свяжите меня с командующим Балтфлота! — на ходу приказал адъютанту нарком. — Товарищ Трибуц, Кузнецов. Ты получил директиву?

— Нет.

— Не дожидаясь ее, переведи флот на оперативную готовность номер один, боевую. Повторяю еще раз — боевую.

— Разрешается открывать огонь в случае явного нападения на корабли или базы?

— Да!

Положив трубку, Кузнецов посмотрел на часы — 23.35. (В журнале боевых действий Балтийского флота записано: "23 часа 37 минут. Объявлена оперативная готовность № 1". В 23.50 такие записи появятся на базах и в частях сектора береговой обороны. Телеграмма придет позже.)

В Севастополе тоже еще не получили телеграммы. Нарком повторил начальнику штаба Елисееву то, что приказал остальным и добавил:

— Иван Дмитриевич, действуйте без промедления! Докложите о моем приказе командующему...

Машина завелась. Теперь каждое подразделение, каждый корабль, подлодка, самолет занимают свои места. Каждый человек знает, где и что он должен делать. Переход с ОГ №2, объявленной еще 19 июня, на №1 займет минимальное время, тем более, что еще в 18 часов нарком обзвонил флоты и попросил принять "дополнительные меры". Сейчас дергать подчиненных указаниями — только мешать.

У руководства ВМФ тоже свое место и свои задачи. Две опасности не давали покоя: высадка десанта и налеты с воздуха на базы. Как же тревожно за Балтику! Хорошо, еще удалось сломить сопротивление Сталина и перебазировать из Либавы в Рижский залив легкие силы и бригады подводных лодок.

Адмиралы не знали, что еще 3 февраля Гитлер приказал руководству вермахта: "При дальнейшей разработке "Барбаросса" не упускать из виду главную цель: овладеть Прибалтикой и Ленинградом". Не знали, но ждали именно здесь. Однако первый удар был нанесен на юге. В 3 часа 07 минут ночное севастопольское небо разорвали лучи прожекторов. Батарея лейтенанта Котова открыла счет сбитых вражеских самолетов...

— Докладывает командующий Черноморским флотом. На Севастополь совершен воздушный налет. Зенитная артиллерия отражает нападение самолетов. Несколько бомб упало на город...

...Получив в 1.45 приказ наркома, штаб Дунайской флотилии через 10 минут принимал от всех своих частей доклады. Причем поступали они уже на оснащенный для боевого управления флагманский командный пункт, заблаговременно оборудованный в подвале. Здесь же аппараты прямой связи с пограничниками, соседями-армейцами и штабом округа. В 3.35 из Севастополя радиовали: "Ураган". Условный сигнал, адресованный всему флоту, означал: где-то на Черном море начались боевые действия. Тишина, к которой напряженно прислушивались на ФКП, оборвалась в 4.15, и мгновенно затрезвонили все телефоны... Операторы наносят на карту донесения. Стало ясно: под огнем весь берег Дуная.

Война или широкомасштабная пограничная провокация? Начальник штаба Григорьев и начальник оперативного отделения Тетюркин высказались за открытие ответного огня. А если все-таки провокация, и твой приказ ввергнет страну в бойню?! Как же тяжело решиться ввести флотилию в бой, не имея сведений об объявлении войны... Вечность прошла, а командующий молчит. Ну, сколько можно смотреть на карту?! Наконец, Абрамов выпрямился и отчеканил:

— Начальник штаба! Всем кораблям и батареям открыть огонь по противнику! О наших действиях донести Военсовету флота. Исполняйте!

Шквальный огонь обрушился на врага ровно в 4 часа 20 минут.

Через полчаса на ФКП свободно вздохнули — Севастополь ответил: “Молодцы, дунайцы, бейте врага по-черноморски. Октябрьский”.

...Не дождавшись указания правительства, Николай Герасимович взваливает на себя еще большую ответственность — приказал передать всем флотам официальное извещение о начале войны. На основании этого Балтийский Военсовет уже в 4 часа 59 минут 22 июня объявил по флоту: “Германия начала нападение на наши базы и порты. Силой оружия отражать всякую попытку нападения противника”.

Благодаря мужественным действиям Кузнецова в ту трагическую ночь флот не понес ни одной потери. А это 600 боевых кораблей, 218 подводных лодок, 2581 самолет. Первое сражение с фашистами флот выиграл.

Предупреждение о нападении было получено накануне. 21 июня около 17 часов Сталин вызвал к себе Тимошенко и Жукова, но почему-то забыл о наркоме ВМФ — его поставили в известность только после 23 часов. “Когда мы вошли в кабинет Тимошенко, — писал Кузнецову Алафузов, — то Жуков в расстегнутом кителе... сидел за столом и заканчивал писание под копирку документа... Тимошенко, обращаясь к тебе, сказал... что возможно нападение на нас Германии, и он дает нашим пограничным округам об этом шифровку... Ты, бегло ее просмотрев, передал мне... Я прикинул, что на одно зашифровывание этой телеграммы уйдет час-два, столько же на расшифровывание, а если сюда добавить время на розыски и доклады командующим... и отдачи ими распоряжений войскам, то... приготвления к отражению противника начнутся... не раньше полудня... Подробности, которые я здесь уточняю, очень существенны, так как наглядно показывают преимущества нашей системы готовностей перед армейской, при которой, вместо молниеносного приказа, пришлось давать длинные указания...”

“Мне неоднократно приходилось слышать, что более высокая готовность флота объясняется якобы лишь спецификой морской службы, — писал Кузнецов. — “В чем же заключается эта специфика?” — допытывался я, но резонного ответа не получал... “Специфика” заключалась в том, что почти два года на всех флотах шла разработка документов по системе готовностей. Их настойчиво вводили в жизнь, проверяли и отрабатывали на сотнях учений — общих и частных... Поначалу не получалось гладко. Первые проверки и учения на кораблях вскрыли массу недостатков. Не меньше года понадобилось, чтобы флоты научились быстро и точно переходить на повышенную готовность... Большая это была работа, шла упорная борьба за время — не только за часы, но и за минуты, даже секунды с момента подачи сигнала до получения доклада о готовности флота. Такая борьба за время в военном деле чрезвычайно важна... Много было позади, но все труды, потраченное время и нервы — все было оправдано сторицей в минуты, когда флоты уверенно, слаженно и без проволочек изготвились к встрече врага”.

Николай Герасимович не пропускал ни одной истины, ни одной мудрости, высказанной полководцами Фрунзе и Блюхером, старшими командирами, старыми моряками. И на все эти уроки, как на платформу, ложился опыт, полученный в боях Испании, на Хасане и в Финляндии. В Испании он убедился, “насколько быстротечны события в современной войне, особенно в ее начале, как внезапным ударом можно повлиять на весь ход войны”. Там же Кузнецов увидел, как беззащитны корабли перед авиацией. Находясь во время бомбежки в плохом укрытии, он подумал, что хорошие бункеры надо строить в мирное

время. И еще Николай Герасимович понял: стреляют не пушки — стреляют люди. Его потряс испанец, который впервые видел новое орудие, но во время налета не просто с ходу открыл огонь по самолетам, а сбивал их один за другим.

Став в 1939 году наркомом ВМФ, тридцатипятилетний Кузнецов сразу же начал готовить флот к отражению внезапного нападения.

— Флоту необходима постоянная готовность, — твердил он. — Готовность флота к войне — это прежде всего готовность его людей. Все, от наркома до матроса, должны знать, что им надлежит делать в случае нападения. Военные люди не имеют права быть застигнутыми врасплох. При высокой готовности внезапно наступает потеря силы. Организация — ключ к победе.

Кузнецов взял на себя и другую ответственность: объединил службы связи с шифрослужбой. "Это было решение потрясающей силы, так как степени оперативных готовностей подкреплялись единством ответственности за прохождение информации во всех звеньях управления, введением специальных сигналов с передачей их по радио с адресом "по флоту". Вот и получилось, что к началу войны были готовы только моряки, благодаря их смелому и талантливому наркомом. Армии теряли связь, управление, попадали в окружение в первый же день войны. Почему они не сделали то, что смог сделать молодой нарком ВМФ?" /Вице-адмирал-инженер Толстолуцкий/.

Благодаря Кузнецову войну встретили опытные моряки. Он усилил вербовку на сверхсрочную службу, заинтересовав моряков материально, и вскоре сверхсрочники занимали на кораблях все старшинские должности, а на подводном флоте составляли три четверти экипажа. "Это был поистине наш золотой фонд". Рискуя головой, нарком вытаскивал из застенков "врагов народа", посаженных в 38-м. Тогда флот потерял около 85 процентов комсостава.

Рисковал он, и проводя учения в условиях, близких к боевым, что увеличило число аварий, а за это можно было потерять не только кресло.

Первые же распоряжения молодого наркома воодушевили моряков. "Из Москвы повеяло морским ветром", — говорили они. 19 ноября 39-го Кузнецов приказал проводить боевую подготовку круглогодично. Не устраивало его и долгое бездействие флотов: осенью все корабли становились на ремонт, а командиры отправлялись в отпуска.

— Почему все решили, что войны осенью и зимой не будет? — И нарком установил процент кораблей для ремонта, а остальным плавать и стрелять!

Не все воспринимали новшества, но Кузнецов помнил уроки Испании и проводил одно учение за другим, анализировал их, выявлял недостатки. На разборе учения Балтфлота нарком отметил неправильную оборону кораблей. Командир эскадры не согласился с замечанием. Кузнецов подробно разъяснил ошибки, и чем они грозят.

— Я действовал правильно, — заупрямился Несвицкий.

— Николай Николаевич! Я не забыл, что ходил под вашим началом в лейтенантах, и хорошо помню, чему вы меня учили...

— Видно, плохо учил!

— Ну, это уже упрек в свой адрес, — спокойно ответил Кузнецов и улыбнулся. — Насколько помню, учился я у вас с прилежанием. К тому же, никогда не прерывал на полуслове не только вас, своего командира, но и подчиненных. Да, вы меня, Николай Николаевич, многому научили, за что я вам благодарен. Но теперь, что ж поделать, придется чему-то поучиться и у меня. Время такое — всем надо учиться, и учиться по-новому.

Перед началом учений произошел другой инцидент. Лидер "Минск" готовился поднять якорь, но неожиданно с сигнальной вышки передали: командиру и военкому явиться к наркому. Вернувшись, командир собрал личный состав.

— В поход мы не пойдем. Народный комиссар заявил, что плавать он с таким кораблем не желает. Причину можете узнать у нашего фельдшера.

"У фельдшера причину узнать было невозможно, — пишет капитан 1-го ранга Ананьин, — так как он сидел на гарнизонной гауптвахте за пьяный дебош, учиненный на Петровской пристани за день до начала учений".

Кузнецов нетерпимо относился к пьянству, и в походах соблюдался сухой закон. Зато в свободные минуты все читали и учились. Николай Герасимович сам всю жизнь учился и учился "с прилежанием", что уже отмечено в характеристиках военно-морского училища. "Курс усваивает легко. Решителен, выдержан... Говорит коротко, толково, командирским языком... Сжато и грамотно излагает мысль письменно..." О своих преподавателях (бывших офицерах царского флота) Кузнецов вспоминал тепло. В стенах училища курсанты получали не только основательные знания, но и приобщались к высокой культуре. Принципиальность многих преподавателей служила наглядным примером, как нужно относиться к себе и другим. Начальник учебной части Безпятков, например, был одинаково строг с преподавателями и курсантами. Ну и влетало от него коллегам за завышенные оценки: не у всех поднималась рука ставить двойку героям гражданской войны. Безпятков в таких случаях на учебном совете, куда входили представители от курсантов, первым же вопросом ставил в тупик:

— Господа! Что значит сорок с сорока минусами?.. Вот я тоже не понимаю, что такое три с тремя минусами.

На всю жизнь Николай Герасимович запомнил слова Фрунзе о самовоспитании и дисциплине, его требование к молодым командирам повышать общую культуру, без чего нельзя говорить о воспитании. Чтобы читать в оригинале труды выдающихся теоретиков морского дела, Кузнецов выучил немецкий, французский и английский языки. В Испании он заговорит на языке народа, за который сражался. Там же он "откроет" для себя Сервантеса, который разительно отличался от русских переводов. Дон Кихот станет одним из любимых его героев.

Эрудиция Кузнецова, закончившего 3 класса церковно-приходской школы, потрясала. "Если мы говорили о древности, — вспоминает подполковник Макаров, — Римской империи, морских путешествиях, он исчислял прошлое по морским ориентирам: "Неужели, Саша, ты этого не помнишь, ведь это было еще до появления галер или триер"... Битва при Абукире или Трафальгаре, взятие Корфу были для него хрестоматийными — кто, когда, какие суда, какие маневры. Это вызывало удивление: зачем это знать современному моряку-флотоводцу... Очевидно, в том и заключается особенность выдающегося интеллекта, что он нуждается в постоянном накоплении информации, выстраивает ее в стройный логический ряд и выбирает для своей практики опыт и мудрость предков, чтобы избежать повторения ошибок".

Нарком ВМФ внимательно следил за действиями гитлеровского флота, анализировал их. Еще в 1940 году, когда разговоры о войне с Германией классифицировались как провокационные, Кузнецов со свойственной ему прямотой спросил об этом Сталина, поскольку флоту нужна ориентировка.

— Когда надо будет, получите все указания, — бросил Сталин.

Но не в характере наркома ждать указаний, тем более, что обстановка накаляется. 3 марта 1941 года Кузнецов отдает приказ без предупреждения открывать огонь по немецким самолетам, пролетающим над базами ВМФ. "Что же делать, если агрессор нагнет? — напишет он позже. — Уговорами его не приведешь в чувство". После очередного приветствия чужака зенитчиками наркома вызвал Сталин, в кабинете находился и Берия.

— На каком основании вы, товарищ Кузнецов, отдали распоряжение открывать огонь по самолетам-нарушителям?

Николай Герасимович получил строгий выговор и приказ немедленно отменить распоряжение. 29 марта флоты получили директиву: "Огня не открывать, а высылать свои истребители для посадки самолетов противника на аэродромы". Не прошло и недели после выговора, как очередного непрошеного гостя радушные хозяева настойчиво приглашают сесть. Немец, естественно, не подчинился, а русские (что еще естественнее) дали 20 предупредительных выстрелов.

Германия заявила протест по поводу обстрела самолета, летавшего "для метеорологических наблюдений". Можно только догадываться, что выслушал нарком ВМФ. Во время войны не раз повторится ситуация, когда на отданные приказы наркома ВМФ Сталин никак не отреагирует, но если во время боевых действий флот понес потери, то непременно следовало грозное: "Кто вам дал право отдавать такой приказ?!"

В двухтомнике документов "1941 год" дается статистика наших потерь. В ней 4 графы: "численность", "безвозмездные", "временные" и "всего". Так оказывается, если флот сражался на море, в третьей графе стоит прочерк, а в "безвозмездных" и "всего" — одна цифра! Раненых на флоте не бывает. Приведу лишь один пример. С 22 июня по 9 июля 41-го года на Западном фронте из 625.000 человек погибло 341.012, ранено 72.717, всего — 417.729; на Балтийском флоте из 58.000 человек погибло 1.278; на Пинской флотилии из 2.300 — 202. И еще одна "специфика": благодаря адмиралу Кузнецову довоенная доктрина "бить врага на его территории" не превратилась в шапкозакидательство. Всего несколько страничек из боевой летописи ВМФ за июнь-август 1941 года.

Немцы поспешили заявить о разгроме русской авиации. Вряд ли с этим согласились их союзники, испытывавшие на своей шкуре ежедневные бомбежки морской авиации. Первой засомневалась Констанца — главный румынский порт и военно-морская база. Уже 22 июня торпедоносцы нанесли удары по элеватору, портовым сооружениям, нефтегавани и нефтехранилищам, а также по аэродрому Мамайя, по складам и транспортам в Сулине. Заодно наши асы сбивали самолеты. Только 23 июня враг потерял 12 истребителей Me-109.

Корабли Черноморского флота присоединились к авиации 25 и 26 июня. А орудия на них, надо заметить, были самыми совершенными в мире. Чего стоила 130-миллиметровая пушка эсминцев с дальностью боя около 25 километров или созданная в 1937 году 180-миллиметровая трехорудийная башня для крейсеров, стрелявшая на расстояние свыше 45 километров. В результате их обстрела разрушен вокзал, взлетел на воздух состав с боеприпасами, запылало еще одно нефтехранилище.

В ежедневных сводках моряков фигурируют Констанца, Сулина, Тульча, Исакача... Поражают внушительные цифры после слов: потоплено, повреждено, взорвано, сожжено, сбито. В июле и августе к портовым городам присоединятся Плоешти. Румынская нефть позарез нужна германским войскам, и Кузнецов ставит перед своей авиацией задачу: продолжая наносить удары по Констанце,

уничтожить нефтяные объекты Плоешти, разрушить мост и нефтепровод через Дунай в районе Чернаводы.

Но на подходах к Плоешти — мощная противовоздушная оборона, моряки тщательно готовились к операции, и первый удар нанесли 2 июля. С этого дня по 18 августа на Плоешти было совершено 22 налета. В прямом смысле слова земля горела под ногами врага. Пожары сопровождалась сильными взрывами. Экипажи наблюдали зарево на удалении 300 километров. 13 июля самолеты ВМФ разрушили нефтеперегонный завод "Униреа". Пожар полыхал трое суток. К портовым городам и нефтяным объектам присоединился и Бухарест. Первые бомбы на столицу Румынии упали в ночь на 15 июля.

Урожайным оказался и последний месяц лета 41-го. Только 3 августа в одной Констанце летчики разрушили 5 нефтебаков, склады, мастерские, товарную станцию, железнодорожные пути, множество вагонов, молы порта, зажгли нефтегородок, уничтожили зенитную батарею, вывели из строя эсминец "Реджеле Фердинанд", минные заградители "Адмирал Мурджеску" и "Кароль", плавбазу "Констанца", 2 канонерские лодки, 3 торпедных катера и самоходную баржу, сбили 7 истребителей. Морская авиация при налете потеряла три самолета.

Через Чернаводский мост шли перевозки Бухарест-Констанца, а под его нижним настилом проходил нефтепровод Плоешти-Констанца. Сильная зенитная оборона делала этот стратегически важный объект недосягаемым. Но для штаба ВВС флота неразрешимых задач не бывает. 10 августа три группы самолетов последовательно нанесли удары. "Илы", пикируя с 4000 метров до 300, точно били по цели. Голубой Дунай превратился в огненную реку. Повторный удар нанесли 13 августа — еще пять попаданий. Чернаводский мост вышел из строя, на румынскую нефть враг мог не рассчитывать.

Адмирал Руге, умалявший в своей книге роль русского флота в войне, операцию по обстрелу Констанцы признает по-настоящему морской и активной. Английский историк Тонстолл в 1942 году напишет: "В ходе нынешней войны морская стратегия России планировалась и осуществлялась весьма трезво; кроме того, она в гораздо большей степени содействовала успехам Красной Армии, чем это хорошо известно. На Черном море эта стратегия помешала вторжению на Кавказ с моря; в то же время русский флот беспокоил неприятельские морские коммуникации у берегов Болгарии и Румынии". Гитлер прикажет расстрелять бывшего военно-морского атташе в СССР фон Баумбаха за неправильную информацию о мощи советского флота.

Сомневались в полном уничтожении русской авиации и жители Германии. 24 июня 41-го балтийцы нанесли удар по исконно прусскому городу Мемелю. Но самой яркой страницей в истории нашей морской авиации является, пожалуй, бомбежка Берлина.

Первые бомбы упали на Москву в конце июля. Хорошо бы в ответ ударить по Берлину! В наркомате ВМФ над обзорной картой склонились Кузнецов и Алафузов, исполнявший обязанности начальника ГМШ. Обсуждают положение на морских театрах, а взгляды упрямо тянутся к Берлину. Алафузов циркулем промеряет, как далеко долетят самолеты.

— С Ленинграда дотянут немногим дальше Либавы... А вот если стартовать с острова Эзель, можно долететь до Кенигсберга и дальше...

— Ну а если взять предельный радиус самолетов?

— Да, тогда и до Берлина можно достать...

И забегали карандаши по блокнотам. "Вместе с Алафузовым мы проверяли расчеты. Брели различные нагрузки бомб при полном запасе топлива. Ставили

одну ножку циркуля на аэродром, на остров Эзель, засекали дугу окружности на предельный радиус на территории Германии и рассуждали примерно так: "До Кенигсберга долетит? — Долетит". "А до Берлина не долетит? — Не долетит". Совсем как у Гоголя с колесом: "До Москвы доедет?... До Москвы не доедет"... И адмиралы снова считают, пересчитывают, взвешивают, перепроверяют... Наконец, нарком сообщил об идее бомбить Берлин командующему ВВС ВМФ Жаворонкову.

— Дайте подумать, посоветоваться с исполнителями.

Расчеты штурмана капитана Хохлова (будущий генерал-лейтенант авиации) подтвердили — налет возможен. Кузнецов доложил Сталину.

— Вы лично отвечаете за выполнение операции.

В ночь на 8 августа 15 самолетов во главе с командиром минно-торпедного полка Преображенским тяжело оторвались от земли. При подходе к Берлину они разлетелись веером — у каждого своя цель. "...И вдруг луна озарила неожиданно открывшийся гигантский город, Берлин... — напишет Петр Иванович Хохлов. — Я определяю, где наша цель, и даю поправку на курс, чтобы ударить поточнее... Определил контуры цели — заводы Симменса, — вывожу бомбардировщик на боевой курс... Стрелок-радист Кротенко передал радиограмму на базу: "Мое место — Берлин. Задачу выполнили. Возвращаемся". Немцы открыли огонь только, когда бомбы стали рваться в центре города. Несмотря на зенитный шквал и тучу истребителей, все наши самолеты вернулись.

Немецкие газеты сообщили: "Английская авиация бомбардировала Берлин. Имеются убитые и раненые. Сбито шесть английских самолетов". Англичане не остались в долгу: "Германское сообщение о бомбежке Берлина интересно и загадочно, так как 7-8 августа английская авиация над Берлином не летала". Во избежание недоразумений, все следующие налеты летчики, помимо бомб, сбрасывали листовки. А налеты эти ни много, ни мало продолжались до 5 сентября.

С первых дней войны доставали врага на его собственной территории и подводники. Проникая в бухты, они сбрасывали там глубинные бомбы, а то и вовсе всплывали на их базах и торпедировали корабли. Подобные демарши вошли в "дурную" привычку, и один из них поверг в шок Германию. Речь идет о гибели "Вильгельма Густлава" 30 января 45-го в Данцигской бухте, потопленного "С-13" под командованием "аса подводных атак" Александра Маринеско. "Если этот случай можно считать катастрофой, — пишет Гейнц Шен, — то это несомненно была самая большая катастрофа в истории мореплавания, по сравнению с которой даже гибель "Титаника", столкнувшегося в 1913 году с айсбергом, — ничто". Как и после уничтожения армии Паулюса, в стране был объявлен трехдневный траур.

Следуя с первого дня войны лозунгу: "Топи их всех!", Маринеско, возвращаясь на базу, торпедирует еще один крупный транспорт — "Генерал Штойбен", на борту которого находилось 3 600 солдат и офицеров. "Таким образом, — пишет Кузнецов, — за один только поход Александр Маринеско уничтожил восемь тысяч гитлеровцев. Полноценная дивизия! Да еще какая дивизия! Отборные офицеры, первоклассные специалисты — подводники, эсэсовцы, фашистские бонзы..." Подвиг капитана помог спустя 4 месяца его наркому в Потсдаме. Сталин предложил поделить трофейный флот на три равные части, Черчилль желал львиную долю, ибо его страна нанесла фашистам наибольший урон на море. Кузнецов тогда ненавязчиво вспомнил о "Вильгельме Густлаве", посочув-

ствовал союзникам по поводу потопления их кораблей немецкими субмаринами, присовокупив, что Данциг ("гнездо фашистских подводных пиратов") взяли советские войска.

За годы войны ВМФ не позволит противнику высадить с моря ни одного десанта, сам же осуществил 113 операций, в которых приняли участие около 330 тысяч человек, до 2000 боевых кораблей и несколько тысяч вспомогательных судов. Первые же десанты высадились опять-таки на территории врага: 24 и 26 июня 1941 года Дунайская флотилия доставила моряков, пограничников и красноармейцев на румынский берег Дуная. Они закрепились на плацдарме протяженностью в 76 километров, захватили первые значительные трофеи, первых пленных (800 солдат и офицеров). Северному флоту принадлежит почин в тактических десантах. Первый (6—9 июля) способствовал успеху 52 дивизии, второй (14.07—3.08) ослабил натиск на Мурманск. Самая крупная десантная операция Великой Отечественной войны — Керченско-Феодосийская — по признанию адмирала Руге, отодвинула взятие Севастополя на полгода. Командовавший войсками Манштейн сожалел, что на море господствовали русские. Одни только подводные лодки с 15 мая по 2 июля 1942 года доставили в Севастополь 4000 тонн боезапаса, бензина, продовольствия, а вывезли 1303 раненых.

Нарком вместе со штабистами анализировал сводки с фронтов, разрабатывал операции, писал приказы и непременно вылетал туда, где ситуация становилась критической. Энергичность, спокойствие и уверенность наркома заражали. Чрезвычайно строгий, он не спешил наказывать, не разобравшись, и тем более не позволял это другим. Когда в 42-м на Керченском полуострове войска отступили, Мехлис обвинил в поражении всех генералов и адмиралов, убеждал Сталина с ними разобраться. Позвонил и Кузнецову.

— Я требую немедленно отдать под суд адмирала Фролова! Если вы этого не сделаете, то я своим приказом и своими руками расстреляю его.

— Этого вы не посмеете сделать! — нарком бросил трубку.

Спас Кузнецов и все руководство Балтфлота, который, по приказу Сталина, заминировал все корабли на случай сдачи Ленинграда. Когда положение на фронте стабилизировалось, Жуков, командовавший фронтом, написал Сталину, что на флоте все руководство в панике, собирается уничтожить весь флот и все батареи. Кузнецову приказали снять Трибуца, начштаба адмирала Пантелева и всех членов Военного совета.

— На Балтике никакой паники нет, товарищ Сталин! Комфлот Трибуц точно выполнит ваше приказание, которое вы лично отдали мне.

"Если бы Николай Герасимович промолчал, — писал Пантелеев, — а документа, подписанного Сталиным, ни у наркома ВМФ, ни у нас в штабе не было, то всем нам было бы несдобровать в тот горячий 41-й год..." Подобных примеров заступничества масса, не сдавал нарком своих людей. Но сам он спуску подчиненным не давал, действовать мог очень жестко. В мае 42-го нарком прибыл в Новороссийск, который безнаказанно бомбили.

— Немцы хорошо изучили дислокацию батарей и умело обходят опасные зоны огня. Ночью переместите зенитные батареи на новые позиции, пожалуй, лучше всего вот сюда, — и Кузнецов указал места на плане города начальнику ПВО.

— За ночь не управиться, у меня нет таких сил...

— Если к рассвету зенитные батареи не будут перемещены, вы будете расстреляны, — оборвал побледневшего начальника ПВО нарком.

Утром Кузнецов восхищался работой зенитчиков, сбивавших самолеты с новых мест. Те стали уходить в море, да не тут-то было — налетели наши истребители...

Все помнят, как моряки защищали Ленинград, Москву, Одессу, Севастополь, Сталинград... Об их героизме писали прославленные маршалы. Девизом защитников Сталинграда стали слова старшины Тихоокеанского флота Зайцева: "За Волгой для нас земли нет!" В Великую Отечественную войну флот уничтожил свыше 1285 боевых кораблей и вспомогательных судов противника, около 1300 транспортов; переправил 10 миллионов человек и более 100 миллионов тонн грузов, обеспечил охрану 77 союзных конвоев. Морская авиация сбивала 5000 самолетов.

На приеме в Георгиевском зале Кремля после парада Победы к Кузнецову подходили маршалы и генералы, благодарили за помощь. Жена Николая Герасимовича писала: "Помню, как всплакнул Еременко: "Спасибо, что моряки перевозили наши войска"; слова Рокоссовского: "Всегда был рад, когда в моей армии воевала хотя бы рота бесстрашных моряков"; слезы на глазах Чуйкова, вспоминавшего моряков под Москвой, дом Павлова в Сталинграде (тогда я узнала, что, оказывается, Павлов был моряком) и что благодаря морякам 62-я армия не погибла. Подходили другие и говорили о Ленинграде, Севастополе, Одессе, Новороссийске..."

Кто из нас не помнит или не видел хронику первого парада Победы, но мало кто знает, что идею этого торжества подал адмирал Кузнецов. "Почему бы не отметить победу над Германией, как не раз делалось в подобных случаях?" — сказал я и привел пример торжеств в Москве после "вконец истребленных" шведов". Сталин тут же одобрил эту идею, и "колесо завертелось". С легкой руки Кузнецова появились Нахимовское училище, День Военно-морского флота, ордена "Нахимова" и "Ушакова". Ему мы обязаны возвращением забытых песен "Калинка" и о бессмертном "Варяге". "Как-то я спел "Калинку" адмиралу, — вспоминал Козловский. — Она ему очень понравилась, о чем он рассказал тогдашнему наркому обороны Ворошилову. И тогда было поручено руководителю ансамбля песни и пляски Красной Армии композитору А.В. Александрову разучить "Калинку". И вскоре песня зазвучала в одном из концертов в Кремле..."

Героем Советского Союза Кузнецов стал после разгрома Квантунской армии. В войне с японцами он координировал действия Тихоокеанского флота и Амурской флотилии с армией.

— Не задерживайтесь. Надо решать вопрос о новой судостроительной программе, — вызвал Кузнецова с Дальнего Востока Сталин.

Возвращаясь на "дугласе", Кузнецов набрасывал список: каких и сколько нужно кораблей, и не знал, что через три года возникнет "дело четырех адмиралов". Николая Герасимовича и его подчиненных, сделавших больше всего для подготовки флота к войне и руководивших им всю войну — Галлера, Алафузова и Степанова — обвинят в предательстве и осудят! Позже их реабилитируют.

Кузнецов летел и мечтал о крупных авианосцах и атомных подводных лодках, и не подозревал, что ему не только не дадут воплотить программу в жизнь, но, по указанию Хрущева, крупные корабли за ненадобностью распилят. Сердце флотоводца не выдержит, и он надолго свалится с тяжелым инфарктом.

Адмирал Флота Советского Союза летел и мечтал о могущественном флоте и не предвидел, что его лишат звания, которое он получил за войну, и уволят

без права восстановления, не объяснив причин. Этого выдающегося флотоводца, "отца современного советского флота" (как назовут его американские газеты), которого уважал Рузвельт и высоко ценил Черчилль, лишат даже законной пенсии, положенной всем Героям Советского Союза. Будет сделано все, чтобы имя его забылось. Дойдет до того, что от вдовы потребуют отменить вечер памяти, который устраивали моряки, ученые, творческая интеллигенция, все, кто любил его и высоко ценил.

Но моряки не забыли любимого наркома. Помнит и пехота, как родной флот прикрывал ее фланги, как перевозил ее, как высаживал прямо на пирсы, прорываясь сквозь стену огня, как всего лишь один моряк удержал высоту, час сдерживая атаки более тысячи фашистов, пока она не подошла.

Кузнецова приказами лишили всего: звания, заслуженной славы, доброго имени, но нет такой силы, которая может лишить его нашей признательности и любви. В годы репрессий двери квартиры не закрывались — приезжали моряки со всей страны, оставляя жене свои адреса. В годы "забвения" шел нескончаемый поток писем.

Не только своему Адмиралу и Человеку писали люди, тысячи граждан писали руководителям страны, начиная с 1956 года. Но глас народа оказался гласом вопиющего в пустыне. Просили вернуть Кузнецову звание и честное имя к 20-летию Победы, 30-летию, 40-летию, 50-летию. Звание вернут (посмертно) в 1988 году, но не отменяют постановление, которым уволили, а главная причина — развал флота! "Мне трудно поверить, что наказание моего мужа останется и будет вызывать недоумение и разные толки", — писала Кузнецова Горбачеву.

— От службы во флоте я отстранен, но отстранить меня от службы флоту невозможно.

Николай Герасимович до конца дней служил родному флоту — писал статьи, книги, воспоминания... Его наследие — это гимн морякам, чьими подвигами и самопожертвованием он искренне восхищался и гордился.

В 1974 году Николая Герасимовича оперировали. 6 декабря Вера Николаевна вошла в палату с цветами и... "Дон Кихотом".

— Почитай, — тихо произнес он и улыбнулся.

Под звуки голоса любимой жены Николай Герасимович отошел в Вечность.

"Мы не в праве забывать тех, кто отдал жизнь за счастье народа. Их пример — школа патриотизма" — Адмирал флота Советского Союза, Герой Советского Союза Николай Герасимович Кузнецов. ■

Очерк написан на основании опубликованных архивных документов, воспоминаний адмирала флота Советского Союза Кузнецова Н.Г. и других флотоводцев. Благодарю Р.В. Кузнецову и сыновей адмирала за консультацию и предоставление мне огромного количества материалов. Большую помощь оказал и журнал "Виктория. Большой сбор".

Как в кино – не будет

Глава первая. Наследники и подселенцы

История, которую я хочу вам рассказать, началась давным-давно, когда москвичей еще не испортил квартирный вопрос, а в центре столицы находились не офисы и фирмы, а жилые дома: один из таких домов, построенный в самом начале прошлого века, стоит в одном из арбатских переулков — Чистом, который выходит на улицу Пречистенка. Дом, в общем-то, ничем не примечательный, поскольку никто из революционных деятелей и даже крупных ученых или там архитекторов в нем не жила. Посему мемориальной доски нет и теперь уже, конечно, не будет. А жаль.

Ибо в этом доме, в бельэтаже, до прошлого года находилась квартира, которую в свое время обессмертил Михаил Булгаков в повести "Собачье сердце".

Настоящая история квартиры куда более драматична, хотя обходилось без чудесных превращений и прочих бесовских штук, от которых ум за разум заходит. До пятидесятых годов, то есть почти тридцать лет, квартира "выбирала" себе жильцов, призванных сыграть в ее стенах коммунальную драму: жестокую, нелепую, сентиментальную, временами поднимающуюся до трагедии, а временами смахивавшую на баглан. Но — все по порядку.

Многие события происходили при мне, Регине Белосельской, даже, можно сказать, на моих глазах. О многих мне рассказывали соседи по квартире. Кое о чем догадалась самостоятельно. Благо времени на размышление у меня хватает. И все услышанное, увиденное, обдуманное я едва ли не с семнадцати лет приучилась записывать в дневник. Я не графоманка, нет, просто для меня эти записи долгое время были одной из форм самовыражения.

Для начала могу лишь сказать, что достаточно объективно отношусь почти ко всем своим соседям — и к ныне здравствующим, и уже покойным.

Отца, за год до моего рождения, в апреле 1954 года, перевели из Воронежа в Москву. Мама говорила, что в тамошнем гарнизоне им все завидовали. Как же, столица, не провинциальное захолустье! Театры, концерты, магазины, тряпки... Только маме моей не до того было: она работала. И никак не могла привыкнуть к коммунальному житью-бытью первопрестольной после "провинциальной глуши". Там, в Воронежском гарнизоне, отцу, подполковнику инженерных войск, полагалась отдельная двухкомнатная квартирка в двухэтажном особнячке: таком, каких во множестве построили после войны пленные немцы. В той квартирке все было крохотное, но — свое.

А здесь на одной кухне, громадной, метров тридцать, не меньше, — четыре газовые плиты и восемь столов. И очередь к единственной раковине с холодной водой. По утрам и вечерам — хвост в туалет и в ванную. Это уже потом, когда я подросла, в квартире стало поменьше народу. А в пятидесятых годах...

Хотя, слышала от соседей, до войны еще "веселее" было. Началось все с того, что в двадцатых годах изначальных хозяев квартиры, родственников Булгакова, разумеется, "уплотнили". Сам хозяин, присяжный поверенный Степан Иванович Лоскутов, к счастью для себя, этого не увидел: скончался от удара на втором году революции, оставив вдову и двух дочерей без средств к существованию. Во внезапное исчезновение многолетних сбережений Степана Ивановича долго не могли поверить не только "компетентные органы", несколько раз устраивавшие обыск в квартире, но и убитые горем домочадцы. Деньги, по тем временам немалые, однако, пропали бесследно. А вдове и двум дочерям удалось сохранить за собой три комнаты и вообще выжить только благодаря своей бывшей прислуге Фросе — Евфросинье Прохоровне Ивановой.

Фрося, устроившись посудомойкой в общепитовской столовой, кормила "барыню" и "барышень", совершенно не приспособленных к жизни вообще, а к наступившей тем более. Она держала в страхе "товарищей-подселенцев", непрестанно сменявших друг друга в трех остальных комнатах. И именно она после смерти "барыни" заменила сестрам Лоскутовым мать. Хотя, собственно, тогда "барышни" уже давно вышли из отроческого возраста: старшей, Анне, было сорок, младшей, Марии, тридцать пять. Обе были "совслужащими", но все, на что их хватало, — приносить домой крохотное жалованье. Остальным занималась Фрося, по каким-то одной ей ведомым причинам не пожелавшая "устраивать личную жизнь", то есть выходить замуж.

И вдруг все резко переменялось. В один прекрасный день Анна вдруг привела домой молодого представительного мужчину и объявила: "Это мой муж". В середине 30-х годов это было несложно: дошли до ближайшего загса, расписались — и, пожалуйста, создана новая ячейка общества. Правда, от сорокадвухлетней старой девы никто уже ничего подобного не ожидал. Да и супруг, лет на пятнадцать ее моложе, вполне мог полюбить сухопарую, сутулую, с жидким "кукишем" на затылке, очкастую библиотечаршу. Ничего сверхъестественного в этом не было, коль скоро невеста обладала бесценным по тем временам приданым — шестнадцатиметровой комнатой в центре Москвы.

Многомудрая Фрося предпочла промолчать и не вмешиваться. Зато сестры разругались вдрызг. Мария пыталась объяснить Анне легкомысленность такого поступка. Познакомиться с молодым провинциалом и за неделю настолько потерять голову, чтобы не только расписаться с ним, но и прописать у себя...

— Неужели ты не понимаешь, что нужна этому типу только как приложение к жилплощади?! — кричала Маша прямо в присутствии новоявленного зятя. — Он ведь выкинет тебя из комнаты и глазом не моргнет. Куда ты тогда денешься, дура несчастная!

— Не твоя печаль! — отрезала Анна. — К тебе не попрошусь, не беспокойся. Просто ты мне завидуешь...

Завидовать, однако, было нечему. Семейная жизнь у Анны явно не складывалась. Супруг ее, Яков Петрович Романов, правда, не бил и жену не бил. Но и внимания на нее не обращал. Мог неделями не появляться дома, а мог заявиться совершенно неожиданно и устроить скандал за невкусную еду, неубранную комнату и вообще, как говорится, "на ровном месте".

Спустя полгода после свадьбы Анна Степановна, вернувшись со службы, обнаружила в супружеской постели не только мужа, но и довольно смазливую девицу лет двадцати, не больше.

Последовавшая за этим сцена была ужасна. Нет, не криками или, сохрани Господи, рукоприкладством. Анна Степановна в принципе была, что называется, "овцой" и постоять за себя не умела. Ужасно было то, что Яков Петрович спокойно сообщил: они уже неделю как состоят в разводе. И он вправе жить так, как ему заблагорассудится. Если это Анну Степановну не устраивает, пусть ищет размен. Ему лично она не мешает, а ночевать может на раскладушке, за ширмой.

Три дня спустя Фросе, вообще-то не жаловавшейся на плохой сон, слышались глубокой ночью какие-то стоны на кухне. Когда она вышла из своей комнатенки и зажгла электричество, то в тусклом свете лампочки увидела Анну Степановну, корчившуюся в углу, перед дверью на черный ход. На истощенные Фросины вопли сбегалась вся квартира, но ни сестра, ни соседи, ни вызванная "Скорая помощь" ничем помочь не могли. Анна Степановна отравилась крысиным ядом, и причина ее самоубийства была ясна абсолютно всем.

Тем не менее, Яков Петрович отделался лишь легким испугом. С покойной он официально состоял в разводе, поэтому не нес никакой ответственности за то, что спокойному разделу-размену жилплощади та предпочла мучительную смерть. И на угрозу Маши, Марии Степановны, младшей сестры: "Ну, смотри, Яков, тебе это даром не пройдет!" — лишь пожал плечами. Но, как оказалось, кое-какие выводы для себя сделал.

Комнаты, которые занимали сестры, бывшую спальню и бывшую детскую, соединяла общая дверь. После замужества Анны дверь, естественно, заперли, а со стороны "молодых" задрапировали каким-то ковром. Ключ же был только у Анны Степановны, поскольку инициатива полного размежевания с сестрой исходила от нее. Маша успела забыть о злополучной двери, поэтому ночной визит бывшего зятя застал ее врасплох. Кричать, сопротивляться было стыдно, хотя расставаться с невинностью в тридцать восемь лет — не самое приятное занятие для женщины. А Яков Петрович, уходя, посулил:

— Проболтаешься — посажу. Скажу, что ты фамильные драгоценности прячешь, вместо того, чтобы государству нашему сдать. Поняла?

Шел страшный, 1937-й год. Так что Маша прекрасно поняла, что если захочет, непременно посадит. Тем более, что доля правды в его словах была. Небольшие фамильные драгоценности мать-покойница действительно куда-то запрятала. Но умерла так внезапно, что не успела показать дочерям тайник. А последующее уплотнение квартиры сделало поиски невозможными. В том же, что во время обыска тайник безусловно найдут, Маша не сомневалась...

Несколько недель терпела она периодические ночные визиты Якова Петровича. Тому, по-видимому, доставляло какое-то садистское удовольствие издеваться над безответной и беспомощной женщиной. А через два месяца Маша поняла, что беременна.

Если кто не знает или забыл, напомним: аборт в Стране Советов были официально запрещены с 1936 года. За аборт же криминальный женщина получала срок: три года тюремного заключения. Это считалось уголовным преступлением, предусмотренным статьей 140 "б". В просторечье статью так и называли — "букашка", и о ней прекрасно знала каждая совгражданочка.

То ли от безысходности, то ли от неутоленной жажды мести за все, что Яков Романов сделал с ее сестрой и с ней самой, Маша пошла на поступок, о котором совсем недавно и помыслить не могла. Она написала донос на Якова Петровича "куда следует". Наверное, написала убедительно, поскольку через какое-то время обитатели квартиры были разбужены среди ночи повелительным звонком в дверь. Кто мог так звонить, было ясно.

Но одна Маша знала, за кем пришли. Остальные могли только гадать и с одинаково бледными, неживыми лицами застыли у дверей своих комнат. Прийти могли за кем угодно.

Открыла входную дверь, конечно же, Фрося, по привычке клявшая вполголоса "бессовестных паразитов, которые шляются по ночам и не дают людям спать". По привычке потому, что за три года раза четыре звонили вот так, ночью, в их квартиру. Да и не только в их. На Арбате доживало в переулочках в домиках и в многоэтажных домах немало "осколков" прошлого, которые власть методически вычищала из "исторического центра сердца нашей Родины". А на их место приезжали новые люди. Кто — ненадолго, а кто — навсегда.

Итак, вошли трое в форме и дворник Григорий — бессменный понятой. И спросили гражданина Романова Якова Петровича. После чего не то стон, не то вздох глубочайшего облегчения пронесся по квартире, и все остальные двери бесшумно и бы-

стро закрылись изнутри. Темнота воцарилась за ними, темнота и тишина. Хотя никто, разумеется, не спал.

Два часа спустя гражданина Романова увели, а на дверь его комнаты повесили сургучную печать. Как только хлопнула входная дверь, Маша кинулась к Фросе.

— Фросенька, милая, что же теперь будет? Ведь это я его...

Всякого насмотрелась Фрося за тридцать шесть лет, проведенных в семье Лоскутовых, но тут даже она, многоопытная Евфросинья Прохоровна, была потрясена. Настолько, что забыла, какая власть на дворе, и обратилась к Маше по-старорежимному:

— Что же вы, барышня, дите малое? Да кричать надо было на всю Пречистенку, рожу ему, подлецу, исцарапать, нос расквасить! Стыдно ей, вишь, было. А сейчас не стыдно? Куда одна с дитем? Лучше б вы на этого кобеля в суд подали, на алименты. А теперь что? Да еще неровен час, он вас за собой потянет, подлец этакий.

— Но ведь я действительно не знаю, куда мама драгоценности спрятала.

— И я не знаю. Но это — дело десятое. А сейчас вам нужно о себе подумать. По-езжайте-ка в деревню, к моей сеструхе. Денег немного наберем, а там и копейка — капитал. Бог даст, родите спокойно, запишете ребеночка в сельсовете, никто ничего и знать не будет. А как все стихнет — вернетесь.

Маша послушалась и как-то незаметно для соседней исчезла из квартиры. Фрося же открыто перебралась в ее комнату. Собственно, она никого и не интересовала: после ареста Якова Романова еще два раза приходили ночью в "окающую квартиру", еще две двери украсились печатями. А потом появился какой-то неприметный, словно бы линялый тип и начал задавать вопросы: где, мол, находится Мария Степановна Лоскутова и отчего не сдала свою комнату. Евфросинья Прохоровна отвечала так, как испокон веков отвечали на подобные вопросы люди на Руси:

— Знать ничего не знаю, ведать ничего не ведаю. Нужна комната — так их еще три штуки опечатанных, выбирайте любую. А мое дело маленькое, мне не докладывают.

Выбирать комнату, однако, посетитель не стал и ушел, предупредив на прощание о том, что "молчание — золото". Из чего Евфросинья Прохоровна сделала свои выводы.

Всю ночь после этого в комнате Маши шла какая-то возня, стук, иногда даже грохот. Но соседние комнаты были пусты, а капитальные стены хорошо гасили звуки. Наутро же Фрося отправилась к дворнику Григорию, с которым ее связывала едва ли не сорокалетняя дружба. К тому же Фрося осталась единственной из прежних, дореволюционных жильцов дома. Да еще и такой, которая не брезговала "покалякать" с дворником по душам и вспомнить добрые старые времена.

Они вдвоем наглухо замуровали дверь между комнатами сестер. Конечно, Григорий заметил, что из опечатанной снаружи комнаты покойницы Анны в комнату Маши перекочевала почти вся мебель, но промолчал и только понимающе ухмыльнулся. Оно и понятно: комнату не сегодня-завтра займут чужие люди, а вещей, конечно, жалко. Да еще подивился, как это Фросе удалось в одиночку перетащить тяжелую старинную мебель красного дерева.

Новых жильцов, однако, подселять не спешили. Пусто и тихо стало в квартире, за которой как-то исподволь укрепилась слава "недоброй"...

В конце июня 1941 года в квартиру позвонили. Евфросинья Прохоровна открыла дверь — и ахнула. На пороге стояла Маша, похудевшая, побледневшая. А рядом с ней — малышка, похожая на куклолку.

— Ну, здравствуй, Фросенька, — сказала Маша. — Вот мы и вернулись. Это моя дочка, Оленька, ей скоро три годика будет. А больше ничего хорошего тебе

сказать не могу. Выбрались мы из деревни чудом, а сестра твоя старшая со всей семьей... Война.

Все это я узнала от бабы Фроси постепенно. Она вообще была не слишком разговорчивой. Кое о чем рассказывала мне и Мария Степановна, баба Маня. Оленьку я не знала: она погибла вскоре после моего рождения. Но это уже другая история из другого времени.

— Баба Фрося, — приставала я, — а чего ты все вздыхаешь: "Раньше-то лучше жили, раньше-то лучше было..."? Тебя же революция от эксплуататоров освободила, комнату дала...

— Комната у меня и так была. При кухне, где сейчас кладовку устроили. И в квартире, кроме меня, четверо жили, а не сорок четыре.

— А баба Маня богатая была, да?

— Глупая ты все-таки, Регина. Богатые в особняках да дворцах жили. И вообще, спроси лучше у Лидии Эдуардовны. Она образованная, не мне чета. Да еще баронесса фон Кнорре.

Да-да, в нашей квартире жильцы в конце концов подобрались по принципу "каждой твари — по паре". Кроме баронессы, была семья рабочего с Дорогомилковского завода, полусумасшедшая вдова репрессированного военного, еврейская семья с сыном-диссидентом и дочерью-эмигранткой. Баба Маня с внучкой Ириной, моей ровесницей, молочной сестрой и единственной подружкой. Ну, и мои родители со мною, долгожданным, единственным ребенком, наследной принцессой (Регина — значит "царица"), получившей в конце концов свой "трон"... Нет, об этом позже. В общем, веселее, чем в нашей коммуналке, было, наверное, только в Ноевом ковчеге.

Глава вторая. До и после детства

Помимо всех "радостей" перенаселенной квартиры, мою маму угнетало еще и то, что оба окна большой, двадцатиметровой, комнаты выходили в узкий переулок, на стену соседнего дома — Главного пожарного управления. Солнце в окно не заглядывало никогда. Впоследствии и я "оценила" это качество: было зябко, сыро, и только зимой, когда включали центральное отопление, жизнь становилась сносной...

Единственное, что примирило маму с Москвой, — мое рождение. До этого у них с отцом детей не было. Пятнадцать лет прожили, папа всю войну прошел почти невредимым (легкие ранения не в счет), десять лет потом ждали, ждали... И вот, наконец! Трое суток мама мучилась — и родила меня как раз к началу общенародной демонстрации в День международной солидарности трудящихся. То есть 1 мая. В детстве я полагала, что красивые флаги, музыка и вообще праздник — это в честь моего дня рождения. Когда объяснили, наконец, что не совсем так, долго плакала.

В тот же день и в том же роддоме, знаменитом, имени Грауэрмана, на Арбате, родилась Ирина, внучка Марии Степановны Лоскутовой, нашей соседки по квартире. А вот семнадцатилетняя Ольга, Иринина мама, умерла через несколько дней после родов. Врачи сказали: слишком молода, неокрепший организм, тяжелое детство. У Ольги оно действительно было тяжелое — военное, да и юность, судя по всему, нелегкая. Мать воспитывала ее в такой строгости, что даже Евфросинья Прохоровна, баба Фрося, иной раз сердилась:

— Маша, погубишь девку. Для нее чужое слово — закон, она за себя постоять не сможет.

— Береженого Бог бережет, — огрызалась Мария Степановна. — Может, хоть она свое счастье найдет.

Не нашла... Как в воду смотрела баба Фрося: кто-то из "крутых", как сказали бы сейчас, парней с Арбата воспользовался Ольгиной безответностью и безропотностью. Поняла она, что дело неладно, лишь через четыре месяца, когда поздно было принимать меры. Да хоть бы и не поздно: аборт официально разрешили лишь через год после моего рождения. А мы с Ириной родились в 1955 году.

И росли мы, как сестры-близняшки. О декретных отпусках на год, а тем более на три, тогда никто слыхом не слыхивал. Два месяца после родов — и на работу, если не хочешь потерять место. А маме повезло, она работала машинисткой в Генштабе, пятнадцать минут ходьбы от дома. Так что со мной и с Ирккой нянчилась баба Фрося, а моя мама оставляла для нас сцеженное молоко в бутылочках, благо, его на двоих хватало и еще оставалось.

А потом у нас появилась... гувернантка. Соседка наша, Лидия Эдуардовна, пенсию получала по старости — копейки, лишь бы с голоду не помереть. До пятидесяти шестого года она еще каким-то чудом ухитрялась подрабатывать чтением лекций. Учила хорошим манерам и этикету студентов Института международных отношений. А потом понемногу стали возвращаться эмигранты из Харбина и как-то вытеснили ее. Вот моя мама и придумала: пусть Лидия Эдуардовна за мной присматривает и одновременно учит иностранным языкам и хорошим манерам. Не бесплатно, разумеется. Папа у меня по тем временам достаточно зарабатывал.

Наверное, такого воспитания, как мы с Ирккой, никто в нашей стране тогда не получал. Уже давно Лидии Эдуардовны нет на свете, а я и в инвалидном кресле сижу прямо, не разваливаюсь, и хлеб не откусываю, а отламываю, и владею французским и немецким абсолютно свободно. Английским — чуть хуже, но я учила его уже в школе и самостоятельно. В общем, тем, что я не оказалась в специальном интернате для инвалидов, а способна самостоятельно зарабатывать на жизнь переводами, я обязана своей "гувернантке".

Она же, кстати, давала нам с Ирккой первые уроки рисования. У меня как-то не пошло, хотя мельницу на пригорке изображать и научилась. А Ирина поступила в Суриковское училище и стала довольно известной художницей.

Баба Фрося занималась сугубо хозяйственными делами: готовила, стирала, убирала. А ведь ей уже было за семьдесят — и хоть бы что. Еще одна наша соседка — Елена Николаевна Шацкая, вдова репрессированного военного, была лет на двадцать моложе бабы Фроси, а смотрелась ее ровесницей. Впрочем, тут были свои причины.

Мужа Елены Николаевны посадили и, по всей вероятности, расстреляли в страшном 1937 году. Она от мужа отреклась: тогда и такое делали, пытаясь выжить. Только не всегда это спасало. И не только отреклась, но и заставила сделать то же самое единственного сына. Константин был ребенок "домашний" и маму послушался. А в сорок первом году, в первые же дни войны, был призван и отправлен на передовую. Оттуда мать получила первое и единственное письмо, в котором сын писал, что прокладывает тот день и час, когда откажется от родного отца, и винит в своем предательстве только ее — Елену Николаевну.

Больше писем не было. Через полгода пришло казенное извещение — "пропал без вести". А у Елены Николаевны произошел своего рода "сдвиг по фазе". Она решила, что Бог наказал ее за предательство, отняв сына. И в то же время была уверена, что сын жив, просто отрекся от нее таким хитрым способом. Помешательство ее было вполне безвредно для окружающих. Просто каждого незнакомого мужчину, попадавшего в квартиру, Елена Николаевна встречала воплем "Костенька!", потом, кое-как осознав ошибку, запиралась у себя в комнате на несколько суток. А время от времени устраивала то, что Ирка впоследствии метко окрестила "сеансами покая-

ния": становилась на колени посреди кухни и начинала умолять всех присутствующих молиться за нее и за Иуду. В остальном — старушка как старушка. Только очень молчаливая.

Разговаривала она с одним-единственным человеком в квартире — Лидией Эдуардовной. Чем она руководствовалась в своем выборе — Бог ее знает. Но если "сеансы покаяния" оказывались слишком затяжными, или Елену Николаевну никак не удавалось убедить в том, что пришедший по вызову монтер или сантехник — не Костенька, шли за Лидией Эдуардовной. "Баронесса" несколькими словами меняла обстановку коренным образом и уводила несчастную помешанную в свою комнату — отпаивать валерьянкой.

"Баронесса" вообще была в нашей квартире чем-то вроде ООН, тогда как баба Фрося представляла собой нечто вроде НАТО. Лидия Эдуардовна убеждала — Евфросинья Прохоровна действовала. Но работали они, как говорится, "в паре" и удивительно слаженно.

Единственной "горячей точкой" в квартире было семейство Сергеевых с безупречно пролетарским происхождением и главой — профессиональным алкоголиком. Пил Иван Ильич, правда, "с умом": чекушку после смены на Дорогомилловском химзаводе, чекушку — дома после обеда, после чего ложился спать до следующей смены. Но иногда на него "накатывало", и он пару дней пребывал в состоянии, которое сам же кратко характеризовал — "ухрюкаться в...". Жена его, Клавдия Ивановна, торговала пивом возле метро "Кропоткинская" и пыталась воспитывать двух сыновей: Илью, 46-го года рождения, и Ивана, 47-го года рождения. Когда Ивану стукнуло двадцать, у Сергеевых родилась еще и дочка Верочка. По-моему, тетя Клава так и не поняла, откуда у нее в пятьдесят с лишним лет да от почти семидесятилетнего мужа появилось такое сокровище. И баловала ее отчаянно, преодолев даже свой панический страх перед грозным "повелителем".

А муж, Иван Ильич, и в трезвом, и в пьяном виде был неизменен в двух вещах. Во-первых, являлся убежденным и непоколебимым сталинистом, а во-вторых, таким же беззаветным антисемитом. Но если его первая заповедь никого в квартире особо не волновала, то со второй оказалось сложнее. Ибо в одной из комнат проживало семейство, которому для полноты картины в жизни не хватало только старика Сергеева.

Моисею Семеновичу и Ревекке Яковлевне Френкелям чудом удалось выбраться во время войны из Киева с последним поездом и даже не попасть под бомбежку. В Москве повезло получить комнату в центре — и на этом период удач в их жизни надолго завершился. Моисей Семенович ушел в ополчение и пропал без вести во время битвы под Москвой. А Ревекка Яковлевна осталась с полторагодовальными близнецами Софьей и Семеном. Работала она врачом в госпитале, сутками там пропадала, и, если бы не баба Фрося и тогда еще относительно вменяемая Елена Николаевна, семейство не вынесло бы и первой военной зимы. А так — ничего, выжили.

После войны Ревекка Яковлевна хотела вернуться в Киев, даже съездила туда "на разведку". Но через неделю вернулась, постарев лет на двадцать. Все родственники — и ее, и мужа — погибли. Кто в Бабьем Яре, кто в концлагерях. Квартира на Крещатике превратилась в руины, как и весь проспект, впрочем. Так что возвращаться было некуда.

Госпиталь, где она работала, закрыли. С большим трудом удалось устроиться участковым врачом в районной поликлинике. И то лишь потому, что в анкете она написала, что ни сама, ни ее родственники на временно оккупированных территориях не проживали. И это было почти правдой: они там умирали. Причем очень быстро.

Софе и Семе исполнилось по двенадцать лет, когда началась очередная антисемитская кампания в стране — “Дело врачей”. Каким-то чудом Ревекка Яковлевна, еврейка-врач и жена пропавшего без вести врача-еврея, не пострадала. Но атмосфера удушливого страха, в котором она и ее дети прожили целый год, сделала из Софы и Семы не забытых обывателей, а яростных борцов. Заводилой, правда, был Семен. Софа лишь слепо копировала обожаемого брата. Чем бы это кончилось, неизвестно, но как раз в год моего рождения вернулся их отец. Живой, хотя порядком измочаленный пленом, концлагерем у немцев, фильтрационным лагерем в Сибири. На его беду, освободили от немцев его не советские солдаты, а американские союзники. И компетентные органы, разумеется, решили, что врача-ополченца Моисея Френкеля, безусловно, завербовали в шпионы. Да и вообще подозрителен был сам факт того, что он, пленный, да еще и еврей, остался в живых. За это он десять лет и провел в “фильтрации”. Домой вернулся отфильтрованным настолько, что в свои сорок пять выглядел ровесником семидесятилетнего соседа.

С возвращением отца Семен несколько притих. Они с сестрой закончили десятый класс, оба с золотыми медалями, и собрались поступать в институт. Разумеется, медицинский. И тут уже совсем некстати состоялся Международный фестиваль молодежи и студентов в Москве. И красавица Софа (до недавнего времени я могла судить об этом лишь по фотографиям) без памяти влюбилась в одного из иностранцев. Чувство оказалось взаимным, и после недолгой, но отчаянной борьбы с властями Софа вышла замуж и уехала вместе с мужем в Америку, создав тем самым совершенно кошмарную жизнь и для родителей, и для брата.

Больше всех пострадал, разумеется, Семен. Ни в какой институт его, золотого медалиста, не приняли. И вообще намекнули, что высшего образования не видать ни ему, ни его детям. Участковый же регулярно напоминал, что за тунеядство можно быстро оказаться за 101-м километром. Пришлось устроиться санитаром в больнице, где-то на окраине Москвы в Кузьминках, два часа езды в один конец.

Родителей же Софкино замужество просто добило. Ревекка Яковлевна кое-как дотянула три года до пенсии, после чего и она сама, и ее муж выходили из дома только в случае крайней необходимости. Боялись всего и всех. А самым страшным был тот день в году, когда приходило письмо “оттуда”. От Софы. Месяц после этого старики спали одетыми, с готовыми узелками в головах. Ждали ареста. Потом Софка помучилась, и письма стала присылать “с оказией”.

Вот такой семье “повезло” попасть в одну квартиру с Сергеевыми. Воинствующий антисемитизм старика Сергеева сам по себе был крестной мукой. Но глупость его супруги, полжизни проводившей в очередях “за дефицитом” и приносившей из этих очередей самые невероятные слухи и сплетни, могла доконать и куда менее робких людей, чем Френкели-старшие. Кроме того, Сергеев был абсолютно убежден в том, что “у нас зря никого не сажают”, и десять лет, проведенные соседом, бывшим военнопленным, да еще и “лицом еврейской национальности”, считал заслуженным наказанием. Сыновья Сергеевы воплощали теорию в практику, причем методы их день ото дня становились все изощреннее. Дошло до того, что Ревекка Яковлевна выходила на кухню только тогда, когда убеждалась, что молодых соседней нет дома. Или в присутствии Семена, которого “братья-разбойники” немного побаивались.

По иронии судьбы, оба брата Сергеевых один за другим оказались в тюрьме: старший, кажется, за фарцовку, младший — за банальную квартирную кражу. По этому поводу отец семейства разразился на кухне пламенной обличительной речью против подлецов-судей, которым бы только выполнить план и засадить за решетку побольше народу. А виноватых или невинных — дело десятое. Присутствовавшая при сем баба Фрося негромко обронила:

— Ты же сам говорил, Иван Ильич, что у нас зря никого не сажают. Или ошиблась я?

Иван Ильич запнулся, будто налетел на невидимую стену. Но потом все-таки нашелся.

— Это раньше, при товарище Сталине, все было по справедливости. Порядок был. А теперь распустили всех, сукины дети, хрущевские выкорыши! Из тюрем врагов повыпускали, хороших людей грязью замазали, мелют языками что ни попадя. Иностранцев полна Москва, ихние фильмы о красивой жизни крутят. А все они — евреи!

— Ты, Иван, на старости лет да от водки совсем рехнулся, — отмахнулась от него баба Фрося. — Софка, что ли, твоего парня на чужую квартиру навела? Или Моисей Семенович постарался?

— Все равно от них все зло! — продолжал бушевать старик.

— Твоя Клава сядет за недолив — тоже они виноваты будут? У моих хозяев, царствие им небесное, евреи в гостях бывали, точно помню. Культурные люди, обходительные, воспитанные. А тебя, хама, дальше кухни не пустили бы.

— А может, твои хозяева тоже евреями были, почему я знаю! — не желал сдавать позиции старик.

Тут подоспела Лидия Эдуардовна.

— С таким именем, как у вашего отца, милейший, я бы помалкивала. Самое что ни на есть еврейское имя — Илья. Хоть кого спросите.

С двумя "миротворческими силами" Ивану Ильичу было уже не справиться, и он убрался с кухни, бормоча себе под нос что-то о сионистском логове и мировой заразе. А баба Фрося, увидев меня в дверях кухни, погрозила пальцем:

— Нечего тут подслушивать! Старые — что малые, несут невесть что. Лучше пойди скажи тете Риве, чтобы шла стряпать. Теперь он не скоро выйдет, да и мы тут.

Такой была наша квартира в самый ее расцвет. Смешно, но иногда я скучаю о том времени. Конечно, в основном, потому, что тогда мне можно было носиться по всей Москве, ходить с подружками в кино, бегать на свидания. Мне было всего пятнадцать лет, жизнь только-только начиналась, и для меня она была прекрасна. Другой я не знала и не хотела.

Тогда было безумно модным фигурное катание. Соревнования фигуристов показывали по телевидению, имена чемпионов были известны всем не хуже, чем имена первых космонавтов. Мои родители хотели, чтобы у меня было все. Поэтому я ходила в музыкальную школу и занималась в секции фигурного катания. И если успехи в игре на рояле у меня были, мягко говоря, посредственными, то на катке мне кое-что удавалось. Печально только то, что наши с Ирккой увлечения перестали совпадать. Ей, что называется, "медведь на ухо наступил", поэтому она сразу отказалась от всего, что связано с музыкой. Зато не пропускала ни одной выставки живописи, в которой я не понимала абсолютно ничего.

Разделял нас еще один момент. Ирка была круглой сиротой, а я — любимой дочкой обеспеченных родителей, не отличавшейся, кстати, особой тактичностью. Потому и услышала как-то от ближайшей подруги и молочной сестры вполне заслуженный упрек: "Конечно, тебе все на блюдечке преподносят! Несправедливо это. Нужно, чтобы все было поровну".

Присутствовавшая при этом баба Фрося резко оборвала Ирку. Будто чувствовала, что по большому счету нам все поровну и достанется... со временем. А пока... пока, засыпая, я видела себя на льду катка под ослепительным светом прожекторов, в костюме, расшитом блестками, и слышала, как диктор объявляет:

— Первое место и золотую медаль завоевала спортсменка из Советского Союза Регина Белосельская!

Эти мечты оборвались в тот день, когда во время одного из сложных упражнений я упала и сильно ударила спиною. Год после этого прошел в самых разных больницах и мучительных процедурах. Наконец врачи вынесли окончательный приговор:

— Ходить не сможет никогда. Но все остальное, в принципе, не запрещено...

Интересно, что они имели в виду под остальным?

Свое шестнадцатилетие я встретила в инвалидной коляске.

Глава третья.

Каждой коммуналке — своего сумасшедшего

Первые крохи утешения, как ни странно, я получила от... Семы Френкеля. К семьдесят первому году он уже вернулся в столицу из очередной поездки "за романтикой" и продолжал расшатывать нервную систему родителей. Одно время развлекался тем, что сутками напролет перепечатывал на старенькой портативной машинке произведения "самиздата". Как только отлучался из дома, Ревекка Яковлевна сгребала в охапку его продукцию и... не знала, что с ней делать. Сжечь? Когда-то на кухне стояла большая печь, но ее давно разломали и провели газ. Выбросить? А если кто-то найдет это в мусорном баке? В конце концов, она робко случалась ко мне:

— Региночка, деточка, можно это у тебя полежит? Я боюсь...

Потом приходил Семка и забирал свои сокровища обратно. Так продолжалось до тех пор, пока мое терпение не иссякло.

— Слушай, Сема, перестань мучить своих родителей. Они же не перенесут, если с тобой что-нибудь случится.

— Ничего со мной не случится! — легкомысленно отмахнулся Семка. — Впрочем, мне самому надоело. Тюкаешь по клавишам, тюкаешь, а результатов никаких. Десять человек прочитают, десять миллионов по-прежнему будут считать вершиной человеческой мысли передовицу в "Правде". Тебе-то понравилось?

— Я не читала, — сухо ответила я.

— Напрасно. Будь я на твоём месте, я бы читал сутками. Особенно это.

— Давай поменяемся местами, — уже со слезой в голосе ответила я.

Но Семку бесполезно было даже пытаться разжалобить.

— Не ной, моя милая. Голова на месте, руки в порядке, мозги варят. Сидишь в тепле, мама с папой рядом. А в брезентовую палатку на шорокаградусный мороз не уютно? Или шпалы поворочать на ветру? Я ведь на стройке санитаром был. Такого насмотрелся — во сне не приснится. Там десятки человек лишались рук и ног просто потому, что отмораживали их. При скольких ампутациях я присутствовал...

— Это, конечно, очень утешает: другим еще хуже, чем мне.

— Нет, иначе: тебе лучше, чем другим. А вместо того, чтобы оплакивать себя, научись на машинке печатать. И готовься поступать в институт. Заочный, разумеется. Программы я тебе на днях принесу, выберешь. Ты не еврейка, тебя примут. — И исчез на несколько дней.

Лидия Эдуардовна приходила каждый день. Она, как нечто само собой разумеющееся, возобновила занятия со мной. Один день мы говорили по-немецки, другой — по-французски. Как будто вместе со мной готовилась поступать на заочное отделение исторического факультета. Всегда была ровна, улыбочива, выдержанна. Если же у меня начинали дрожать губы, а глаза становились подозрительно влажными, пресекала эмоции в зародыше:

— Слезами горю не поможешь. Пережить можно все, кроме собственной смерти.

А однажды рассказала мне, что в самом начале войны ее арестовали и забрали на Лубянку. Просидела она там ровно сутки, по-видимому, в сорочке родилась. Тем более что именно за эти сутки одна из двух немецких бомб, упавших на Арбат, срынула с землей тот дом, где жила Лидия Эдуардовна. Погибло все, кроме иконы Николая-угодника. Зато, возвращаясь домой пешком по бульварам, нашла она золотое колечко с изумрудом и по сей день хранит, как талисман. Да еще ее, как погорелицу, поселили в хорошую квартиру, в большую — аж четырнадцать метров — комнату. А если бы не арестовали? Так что во всем нужно искать положительные стороны.

Я не могла найти ничего положительного в том, что в шестнадцать лет стала калекой. Наоборот, все больше ожесточалась. Все раздражало, все, казалось, делалось специально для того, чтобы я острее чувствовала свою ущербность. Школьные друзья понемногу исчезали из моей жизни, а новых, разумеется, не было. На заочное отделение истфака меня приняли, но я не видела смысла в учебе. А тут еще произошло событие, надолго выбившее из колеи не только меня — всю квартиру.

В семьдесят втором году Семена арестовали. Пришли ночью, перерыли всю комнату и увели с собой. В ту же ночь его отца разбил паралич. Первой — и весьма своеобразно — отреагировала на это Елена Николаевна, которая внезапно ворвалась ко мне в комнату и закричала во весь голос:

— Из этой проклятой квартиры исчезают все сыновья! Но они вернутся! Все вернется, нужно только вымолить у Бога прощение.

Зато откровенно радовался старик Сергеев.

— Я же говорил, что у нас зря никого не сажают. Доигрался, щенок, в свои игры. Вот ведь народец: живут, понимаешь, на всем готовом, комнату им государство предоставило, пенсию платит, а они только и думают, как бы ему нагадить да в свой Израиль удрать. Вот и уезжали бы, освободили рабочим людям комнату.

На его беду, в кухне в этот момент находилась Мария Степановна, органически не переношившая "митинги".

— Вы бы сократились, Иван Ильич, не на собрании. Тесно вам? А ведь эта квартира вся принадлежала нашей семье, когда я родилась. И живете вы, между прочим, в кабинете моего покойного отца. И я уже полвека терплю всевозможных "товарищей", вплоть до, извините, уголовников. Так что и вы потерпите, невелики баре!

— Ах ты, буржуйка недорезанная! — взвился было тот, но тут в дверях кухни возникла баба Фрося, и Иван Ильич предпочел ретироваться.

Понять раздражение Марии Степановны было можно. Ирка, моя подруга и ее внучка, вступила в "опасный возраст" первых влюбленностей и свиданий, и не было никакой уверенности в том, что она не пойдет по стопам своей несчастной матери (да и бабки, если уж на то пошло) и не принесет кого-нибудь в подоле. На Фросю надежды уже не было: старуха разменяла восьмой десяток. И квартира эта проклятая, в которой вечно что-нибудь случается...

Но бывали и радостные события. Например, однажды отец пришел домой и торжественно объявил:

— В будущем году определенно переезжаем! Квартиру мне обещали твердо. Три комнаты, большая кухня, лоджия. И никаких соседей!

Только отец так и не дождался переезда — умер прямо в своем служебном кабинете от инфаркта. И остались мы с мамой в коммуналке пожизненно: двадцать пять метров на двоих исключали даже призрачные надежды на отдельную квартиру.

Когда мне исполнился 21 год, вернулся Семен. С целым букетом хронических заболеваний, растерявший половину роскошных кудрей, но оптимизма от-

нюдь не утративший. Вернулись и сыновья Ивана Ильича, здоровье сохранившие, но, вместо прежних хулиганских замашек, приобретшие повадки настоящих хищников.

Возвращение их ознаменовалось грандиозной пьянкой. А на следующий день Лидия Эдуардовна хватилась своей старинной иконы. При всех конфликтах и скандалах в нашей квартире ни одна дверь в ней никогда не запиралась. Кроме входной, разумеется.

Лидия Эдуардовна от огорчения слегла. А баба Фрося попыталась навести порядок.

— Взял кто-то из своих. Извини, Иван Ильич, но на твоих орлов прежде всего думается. Может, по-доброму вернуть, без милиции?

Старик замельтешился, надулся, но молодое поколение, позабыв характер бабы Фроси, вообразило, что имеет дело с выжившей из ума древней старухой.

— Давай, бабка, ползи в свою щель! — отрезал ей младшенький Сергеев, Илья. — А будешь много выступать, и до твоего барахла доберемся. Поглядим, не завалылось ли там чего от проклятого царизма...

— Что, гегемон, воспитал достойную смену? — не без ехидства спросила баба Фрося. Но дальше разговаривать не стала, ушла к себе.

А вещи из нашей квартиры стали пропадать регулярно, практически у всех жильцов. Только меня братцы не трогали, наверное, считали, что и так Богом обижена. Да и я все время торчала дома — это, наверное, было важнее. В общем, наконец та же баба Фрося поставила братцам ультиматум:

— Или вы перестанете пакостить в собственном доме, или через неделю оба сядете по новой. Я разговоры разговаривать не буду. Я враз делом займусь.

Вспомнивши о том, что у старухи слова действительно с делом не расходятся, братья унялись. А затем, по-видимому, поняли, имеются вполне законные способы зарабатывать на хлеб с маслом. Иван пошел в официанты, Илья стал... сутенером.

Соседи — не правоохранительные органы, от них трудно что-либо скрыть. Когда выяснилось, чем занимается младшенький Сергеев, все дружно ахнули, а старик-отец стал помаленьку заговариваться. Но еще пытался как-то повлиять на непутевого сыночка.

— Тебя же опять посадят, дурья твоя голова. Я за всю жизнь копейки чужой не взял, герой соцтруда, а ты меня теперь позоришь...

— Не герой вы у меня, батя, а дурак, — получил он в ответ. — Вы, папаша, отстали от жизни, не понимаете требований времени. И не посадят меня, потому как в нашей стране проституции нету. Не существует такого явления. А раз нет явления, то нет и статьи. А без статьи никто не посадит. Что я плохого делаю? Знакомлю девушек с мужчинами. Может, они сами стесняются первыми подойти. А я — тут как тут, помогаю. И не платят они мне — благодарят. За помощь в устройстве личной жизни. Поняли, папаша?

Пока Илья пытался втолковать отсталому родителю благородную цель своих занятий, его брат Иван без особого шума и сравнительно быстро накопил денег на кооператив. И переехал туда, заявив ошеломленному отцу:

— Деньги заработаны, не украдены. Ордер выписан честь по чести, на, полюбуйся. А тебе, как герою и ветерану труда, квартиру дадут бесплатно. Лет через тридцать, если очередь подойдет.

Ивана не видела после этого лет пятнадцать. Даже на похороны отца он не приехал. Как, впрочем, и Илья, который в скором времени женился на одной из своих "подопечных" и, не получив родительского благословения, отряс с ног прах родного очага и прописался у молодой супруги.

В одну из последних ночей, которые Илья провел дома, мне, как со мной часто бывает, не спалось. Я сидела в своем кресле, не зажигая света, чтобы не беспокоить маму, и вдруг услышала какой-то шорох в коридоре. Открылась и закрылась входная дверь. Послышался громкий шепот:

— Достал доску? — Голос принадлежал Ивану.

— Не, не успел. Все время народ колготился, то в кухне, то в ванной. Мне не с руки было.

— Дурак! Заперся бы, пустил воду, а сам вытащил бы иконку, да и вынес под пой... Крутишь ты что-то. Не иначе, все себе хочешь забрать.

— Может, и хочу. Только у меня надежных покупателей нет пока.

— Завтра приду в это же время. Чтобы все сделал.

— Сделаю, не волнуйся.

Дверь снова открылась и закрылась. Послышались удаляющиеся по коридору шаги Ильи. А я все еще сидела в оцепенении и мучительно размышляла: о какой иконе шла речь? Что на сей раз затеяли "братья-разбойники"? И вдруг меня осенило: это же икона Лидии Эдуардовны! Они ее прятали прямо в квартире, до лучших времен. А теперь, видно, нашли хорошего покупателя, вот и торопятся вынести. Илья, хоть и ловкий парень, но соображает туговато. Не нашел времени, чтобы без свидетелей в ванную зайти. Ничего, зато я найду.

Я сползла со своей коляски и по-пластунски двинулась в коридор. Добралась до комнаты Френкелей, поскреблась в нее. Семен спал чутко, сам жаловался. Поэтому через минуту он открыл дверь и в недоумении замер на пороге. Потом глянул вниз.

Я приложила палец к губам, потом сделала знак рукой и поползла в сторону кухни. Ошалевший Семен крался за мной, даже не пытаясь помочь.

В кухне я шепотом велела ему закрыть обе двери, в коридорчик и в саму кухню, и также шепотом проговорила:

— Иди в ванную, там в старой трубе должен быть сверток. Достань его, пожалуйста.

— Ты в своем уме? — обозлился Семен.

— В своем, в своем, — успокоила его я и быстро посвятила в суть дела.

Семен слегка свистнул и кошкой метнулся в ванную. Там когда-то, еще до войны, стояла дровяная колонка. Потом провели газ, колонку убрали, а отверстие для трубы осталось, куда при желании можно было спрятать средних размеров радиоприемник.

Через минуту Семка вернулся с газетным свертком в руках. Я тем временем не без труда перебралась на табуретку у окна. Мы развернули бумагу и в тусклом свете уличного фонаря увидели знакомую нам обоим икону. Бесценный Николай-угодник, единственная ценность Лидии Эдуардовны.

— Что это вы тут затеяли? — Негромкий голос бабы Фроси заставил меня подскокнуть от неожиданности.

— Да вот Регинка икону нашла, — как нечто само собой разумеющееся объяснил Семен. — То-то наша баронесса обрадуется.

Пришлось коротко объяснить все и бабе Фросе. Она выслушала — и протянула руку.

— Пока этот ирод не съехал, я ее у себя спрячу. Ко мне не сунется. А то, чего доброго, он со зла такого наворочает, сам не рад будет...

Что ж, она была права. Мы с Семеном разошлись по своим комнатам. Точнее, он отнес меня на руках в мою коляску, а уж потом проскользнул к себе. Весь следующий день я не без удовольствия наблюдала ошарашенную физиономию Ильи. Ночного разговора с Иваном, правда, не слышала — спала. Но об итогах догадалась сразу, ед-

ва увидела роскошный, новенький, отливавший перламутром синяк под глазом у соседа. С этим украшением он из родительского дома, наконец, убрался. А мы с бабой Фросей отправились к Лидии Эдуардовне и без лишних слов вернули ей икону. Чем, в полном смысле слова, вернули к жизни: почти не поднимавшаяся с постели со времени пропажи своей реликвии наша баронесса уже на следующий день самостоятельно вышла на кухню, а потом вообще вернулась к прежнему образу жизни. И я — тоже.

А в моей обычной жизни никаких ярких событий не происходило. На машинке печатать я в свое время выучилась и теперь зарабатывала себе на жизнь переводами для одного научного журнала. Тексты были скучными, платили до обидного мало, но все-таки эти деньги составляли довольно ощутимую прибавку к моей инвалидной пенсии. Ведь после папиной смерти мы с мамой считали не рубли — копейки. Сбережений мои родители отродясь не делали, да и моя болезнь стоила им, прямо скажем, немало. По меркам нашей квартиры, мы, правда, жили средне. По меркам более общим — ниже среднего уровня. Но ведь мне не нужны были ни обувь, ни новые тряпки. Тем более что я и из дома-то выходила в исключительных случаях.

Точнее сказать, не выходила, а меня выносили и усаживали на лавочку во дворе. Потом следом вытаскивали коляску и пересаживали меня в нее. Для всех этих сложных манипуляций был необходим мужчина плюс теплая и сухая погода. Сначала этим занимался папа, а когда его не стало — Семка. Но уж тут, ко всему прочему, он должен был находиться дома в дневное время — редкость чрезвычайная. Так что после папиной смерти я бывала на воздухе в среднем три-четыре раза в год. И если честно — не очень-то любила эти “выходы в свет”: терпеть не могу, когда меня жалеют.

В восьмидесятом году, как раз перед Олимпиадой, слегла баба Фрося, никогда и ничем не болевшая. Слегла — и уже не встала. А буквально за несколько часов до смерти, когда я захала в своем кресле проведать ее, шепнула:

— Боюсь, что умру и все прахом пойдет. Ты девка разумная, да и из квартиры, почитай, не уходишь. Так вот, на самый-самый крайний случай, если с кем из вас большая беда будет, запомни: в чулане при кухне, в том углу, где железный лист прибит, я еще в семнадцатом году спрятала пять тысяч царских золотых. Покойный хозяин мне их отдал, когда обыски начались. Прислугу-то не трогали. Да и потом... любили мы с ним друг друга. Сильно любили, потому я в девках и осталась, его помнила. Я спрятала, конечно, а он через месяц после этого умер. Только помни: в самом крайнем случае. И никому ничего не говори. А в мою комнату теперь уже никого не посылать, точно знаю. Все, устала я. Иди с Богом, ты ведь мне тоже как внучка была, может, даже ближе, чем остальные... Иди уж...

Баба Фрося умерла так же, как и жила: думая о других. С вечера, неизвестно откуда взяв для этого силы, встала, умылась, оделась во все новое, приготовила свечку и снова легла в постель. Утром мы нашли ее уже без дыхания.

Глава четвертая. Нехорошая квартира

Несмотря на все эти малоприятные происшествия, я, до поры до времени, считала, что ничего сверхъестественного в нашей квартире не происходило. Так, коловращение жизни, смена поколений. Но вот Ирина категорически утверждала: квартира, мягко говоря, нехорошая. И, едва выйдя из отроческого возраста, поставила себе цель: любой ценой выбраться из нашей квартиры.

Ребенком-то она наше жилище воспринимала спокойно: почти все школьные подружки жили в таких же арбатских коммуналках. У нас еще было, пожалуй, поти-

ше, чем у других. Но чем старше становилась, тем тяжелее переносила домашний очаг. Особенно болезненно воспринимала мою скрюченную фигуру в коляске. Если бы я не знала Ирину так хорошо, то, пожалуй, решила бы, что она мною брезгует. Как раздавленной кошкой на мостовой.

Конечно, это было не так. Просто жизнь у самой Ирины с каждым днем становилась... не труднее, нет, но ожесточеннее, что ли. А когда умерла баба Фрося, то моей подруге стало просто немоготу. Старуха еще как-то разряжала атмосферу, а без нее, казалось, даже нечем дышать. Баба Маша, родная бабка Ирины, никогда не отличалась легким характером, но с возрастом начала терять чувство меры вообще.

Во сколько бы ни вернулась Ирина домой, она тут же попадала под перекрестный допрос: "Где была?" "С кем была?" "Надеюсь, глупостей не наделала?" А заканчивалось все одинаково: "Принесешь в подоле, как твоя мать, — выгоню из дома!"

Надо отдать должное Ирке: она терпела, сколько могла. Даже тогда, когда бабка залепила ей в моем присутствии: "Лучше бы тебя парализовало, как Регину, все спокойнее бы мне было!", даже тогда, повторяю, наорала на Марию Степановну я, а не Ирина. Она просто молча повернулась и ушла. Вернулась через несколько дней, что, естественно, ее отношения с бабкой не улучшило никоим образом.

— Ты бы вышла замуж, — посоветовала я ей как-то в один из тех редких вечеров, когда она сидела дома и была расположена со мною беседовать. — Нельзя же жить в такой атмосфере — так и спать недолго. У тебя же поклонников полно. Олег, например, просто сохнет по тебе уж который год. Чем не жених?

— Он-то жених, только я пока не невеста, — вздохнула Ирина. — Понимаешь, у меня с ним уже все было и... Не нравится мне это, хоть убей. Кто придумал, что женщины от этого удовольствия получают? Сейчас немного притерпелась, а вначале б-р-р! Сплошной ужас! А Олег, конечно, хочет жениться — он же у меня первый. Я не готова. Не люблю его по-настоящему.

— Не мое дело советы давать, но можешь человека сделать абсолютно счастливым. Как в одной из кинокомедий говорил герой: "Жениться нужно на сироте". На мне, как ты понимаешь, никто не женится. А на тебе — сию же минуту.

— Перестань ерничать! У меня бабка есть, забыла? Впрочем, если я соглашусь выйти замуж за Олега, он должен будет благодарить за это в первую очередь ее. Достанет она меня окончательно — уйду замуж. Не в петлю же лезть?

Мария Степановна Ирку в конце концов "достала", и свадьба, таким образом, состоялась. Ирина переехала к мужу в мастерскую. Но, по-видимому, в чем-то она оказалась права, приписывая нашей коммуналке магические свойства. Квартира "не захотела" ее отпустить: через два года первое замужество Ирины закончилось, и она вернулась в ненавистные ей стены. А куда еще более деваться?

Потом, много позже, Ирина мне кое-что рассказала о своей семейной жизни. Не хочу вдаваться в подробности, но причиной разрыва оказалась Иркина беременность. Ее муж, как и она, художник, но, в отличие от нее, гениальный, вечно сидел без денег, так как считал ниже своего достоинства "работать", а не "творить". Деньги зарабатывала Ирка — художник-иллюстратор в одном из крупных издательств. На жизнь хватало, но не более. А тут — ребенок.

Ирка пропустила — то есть просто проворонила по темноте своей все признаки "интересного положения", а когда спохватилась, денег на нелегальный аборт у специалиста не нашлось. Хватило на криминальный, в результате которого она чуть не отдала Богу душу, после чего попала в больницу с заражением крови. Ее спасли чудом и... дали стопроцентную гарантию того, что детей у нее уже не будет никогда и ни при каких условиях. А ее прекрасный муженек ни разу не выбрал времени ее известить. К Ирине ездила Лидия Эдуардовна и Семен Френкель. Родная же бабка на-

отрез отказалась даже слышать о внучке и встретила ее дома одним-единственным словом:

— Детоубийца!

В результате Ирка перетащила кое-какие пожитки в опустевшую комнату бабы Фроси, а с Марией Степановной просто перестала разговаривать. По правде сказать, и та не стремилась помириться.

— Я свою жизнь прожила. Думала, понадобится правнуков нянчить, так откуда же они теперь возьмутся? Ты, Регина, вообще невинная девушка, как ты с этой распутницей разговариваешь? Это надо придумать — аборт делать!

В общем, без мужа рожать — грех, аборт делать — преступление, а я — "голубица непорочная". Я глюнула и перестала вмешиваться. У бабки явно поехала крыша, а Ирину мне было безумно жаль.

Самое забавное заключалось в том, что баба Маша, в пику родной внучке, начала привечать соседскую девочку — Верочку. Забавно это было потому, что хорошенькая, как куколка, Верочка была отнюдь не безгрешна, скорее наоборот. Ее мама тихо скончалась во сне, братцы давно жили своими домами, а отец по старости уже начинал заговариваться. Поэтому Верочка вытворяла все, что приходило в ее прелестную голову. К тому же не училась и не работала.

Помимо Ирины мне, честно говоря, было жаль себя. Когда я только-только притерпелась к своей инвалидности, закончила институт и получила надомную работу, стала прихварывать мама. Сначала мы с ней все списывали на усталость — уставала она каждый вечер смертельно. Потом начались всякие недомогания. Но, как это у нас водится, к врачам она до самого последнего момента обращаться не желала. А когда наконец обратилась...

В общем, в больницу ее положили просто для соблюдения формальностей: рак крови неизлечим. Да еще потому, что "вошли в положение": сиделка из полупарализованной дочери — из рук вон. Но перед самой смертью все-таки выписали. И две недели мама пролежала дома, угасая у меня на глазах. Беспокоилась она только об одном: что будет со мной после ее смерти? Хотя оставляла не маленького ребенка, а женщину "за тридцать". И все же, все же...

И в эти же страшные две недели я совершила смертный грех — возропала. Мама только-только исполнилось шестьдесят семь — и она умирала. А Елена Николаевна — безумная, одинокая, никому не нужная в семьдесят с лишним — жила. Две другие старухи — "ровесницы века" — на моей памяти ничем серьезным никогда не болели и в свои восемьдесят с бо-о-льшим хвостиком могли дать фору любой пятидесятилетней тетке. Почему мама, а не они, свое уже отжившее? Да, это были жестокие мысли, но и ко мне ведь жизнь была не слишком ласкова.

В один из вечеров мы курили с Ирой на кухне, и я призналась ей в своих мысленных жалобах. Та фыркнула:

— Велик грех, подумаешь! Но я тебе скажу: это поколение особой закалки. Тройной. Они столько вынесли, что у них, наверное, особый иммунитет выработался. Мы с тобой из другого теста. Пожиже.

— Можно подумать, ты живешь в Калифорнии и получаешь от жизни только наслаждение! О себе вообще молчу.

— Мы с тобой войну не переживали и того, что до нее, — тоже. А наше личное... Это для нас трагедия, а с точки зрения истории — так, плевок из космоса.

На скромных маминих поминках Лидия Эдуардовна неожиданно произнесла вслух то, о чем я думала и за что себя упрекала:

— Несправедливо. Обо мне смерть забыла, молодых подбирает. Ну, да с Господом судиться не будешь, он знает, что делает.

— Да, зажились мы с тобой, — поддержала ее Мария Степановна. — Хотя у нас теперь Регина — как оставишь? Придется, видно, тянуть...

— Я могу переселиться в интернат, — неизвестно на что обиделась я.

— Туда, как и на кладбище, всегда успеешь, — отмахнулась Лидия Эдуардовна. — Жизнь, Региночка, штука сложная, никогда не знаешь, что завтрашний день принесет.

Вот это было правильно, хотя завтрашний день ничего не принес. Но через неделю после этого семья Френкелей получила разрешение на эмиграцию, которого они дожидались всего-навсего десять лет.

Возможно, их выпустили бы давно, если бы не Семка. Мало того, что он успел срок в лагере отбыть, так не было ни одной диссидентской акции, в которой бы он не принимал самого деятельного участия. За что его регулярно задерживала милиция и, похоже, избивала. Почему не посадили снова — загадка. Или просто недосмотр.

Когда же разрешение было, наконец, получено, его мать, Ревекка Яковлевна, боявшаяся всего на свете, вдруг наотрез отказалась везжать, намереваясь умереть на Родине. Семен терпеливо уговаривал ее, пока не взорвался:

— Или мы едем все вместе, или вообще не едем! Как ты будешь одна с отцом, подумай? Дом расселят, через пару лет очутишься одна на последнем этаже где-нибудь у черта на рогах, и никому до тебя не будет никакого дела. Последний шанс — дожить остаток дней по-человечески. Там ты спокойно сможешь поставить чайник на плиту, и никто тебя за это не обзовет "жидовской мордой".

Тетя Рива сдалась и начала готовиться к отъезду, то есть перебирать свои нищенские "сокровища" и размышлять, что брать, а что оставить. Размышления эти прерывал тот же Семен, который просто сгребал в охапку содержимое очередной коробки или узла и молча тащил все это на помойку. Одним словом, не соскучишься.

Меня он развеселил тоже: предложил руку и сердце. Наверное, следовало согласиться, но здравый смысл удержал. Кому я там нужна — калека?

— А кому ты нужна здесь? — резонно спросил Семен. — Елене Николаевне? Марии Степановне? Или нашему передовику-антисемиту?

— Не знаю. Знаю только, что с таким "обозом" — парализованный отец и полупарализованная жена — тебе там не обрадуются. И вообще не дури. Что тебе пришло в голову тащить за собой жену местного изготовления? Да еще — русскую. Женишься там на своей...

— А я, может, патриот! И потом, лучше русских женщин не бывает, это уж ты мне поверь. Когда-то я это на практике проверил. А теперь, Региночка, мне никакой женщины уже не нужно — охранники в лагере постарались, соседи по нарам добавили, родная милиция в Москве завершила.

— Не сходи с ума. Спасибо, конечно, за заботу, но никуда я не поеду. Женись на Ирине, она не чаёт отсюда выбраться.

— Ладно, — покладисто согласился Семен, — посиди пока здесь. А когда надоест — напиши. Я тебе оттуда жениха пришлю. Настоящего.

— Договорились. Только чтобы брюнета, с голубыми глазами, не старше тридцати пяти, рост — метр девяносто, вес — девяносто, плечи широкие, пальцы — тонкие. Я девушка привередливая, с моей красотой можно и повыпендриваться.

— Не ерничай, терпеть этого не могу! Это у нас если в кресле — то инвалид и должен плести авоськи. А там — просто немного ограниченный в передвижении человек. А вообще ты довольно красивая, особенно, если прищешься...

Я запустила в Семку подушкой. А он в тот же вечер сделал предложение Ирке. Если Семеном овладевала идея — средства против нее не было.

Ирина тоже отказала: она все еще надеялась на брак по любви. Так что Семену и во второй раз не удалось никого осчастливить. А вот третья попытка была успешной.

Верочка Сергеева, к неопишуемому ужасу своего одряхлевшего отца-антисемита, оказалась, как тогда говорили, "девицей легкого поведения". "Интердевочка" еще не была написана, посему профессия путаны в моду не вошла. Верочка была одной из первых, так сказать, "легальных", то есть не слишком маскирующих свое занятие от общественности. Отец, разумеется, все узнал последним. И то, когда чисто случайно уронил дочкину сумочку на пол, и оттуда выпала пачечка "ненаших" денег.

Сцена, разыгравшаяся вслед за этим, была чудовищной. Иван Ильич кричал так, что слышно было не только по всей квартире, но, наверное, и в доме напротив. Слов, разумеется, не выбирал, говорил те, которые хорошо усвоил с детства. Верочка отвечала тише, но лексикон у нее был примерно такой же. Самым приличным выражением в устах отца было "шлюха", у дочери — "старый идейный козел". Старик посулил проклясть родное дитяtko, но это не произвело на юную деву решительно никакого впечатления. Она только фыркнула:

— Ты уже двоих проклял, так они как сыр в масле катаются, да еще тебя не видят, как я, каждый божий день. Прокляни — может, и мне повезет.

И Иван Ильич действительно проклял Верочку.

Я напомним: Вера говорила сравнительно тихо. Поэтому Семен, вообще глуховатый, слышал только ругань старика. И, одержимый своей навязчивой идеей спасти кого-нибудь еще из этого совкового кошмара, предложил Верочке стать его женой и уехать за границу. А там она сама будет решать, что ей делать.

С моей точки зрения, Верочка была вполне нормальной и неплохой девочкой. Просто ею некому было заняться. Поздний ребенок, предмет слепого обожания отца и матери, она была, безусловно, страшно избалована. А ее "валютные занятия"... Я лично о них догадалась довольно быстро, потому что поздно вечером или даже ночью частенько видела, как ее подвозят к дому на роскошных машинах. Окна мои прямо над подъездом, бессонница давно стала неотъемлемой частью жизни, так что и не захотела бы — так увидела. Да и она сама от меня особенно не таилась.

Так уж вышло, что о своем первом "любовном" опыте — а было ей лет шестнадцать, — Верочка рассказала именно мне: больше было некому, а выговориться хотелось. Собственно, любовь там была ни при чем: любопытство и легкомыслие с ее стороны, плюс несколько бокалов шампанского. Было их в компании шестеро — три девочки и три мальчика. Как потом выяснилось, более опытные подружки просто решили "сделать Верку бабой", чтобы была — как все. И с интересом наблюдали за процессом со стороны, да еще советы давали...

Ни матери, ни, тем более, отцу Верочка ничего не сказала. Я утешала ее, как могла, говорила, что бывает хуже. самого страшного, к счастью, не произошло: девочка ничем не заразилась и не забеременела. Но зато озлобилась. И мне как-то сказала:

— Теперь ни одному мужику не разрешу себя даже пальцем бесплатно коснуться. Пусть платят за удовольствие!

И программу эту стала воплощать с железной выдержкой. У нее появились дорогие вещи, украшения, она не нуждалась в деньгах и уже собиралась снимать квартиру: совместная жизнь с отцом становилась все кошмарнее. Тем более, что призванные в качестве арбитров старшие братьцы, сами отнюдь не святые, дружно осудили сестру за "развратный образ жизни".

— Чья бы корова мычала... — прокомментировала мнение братьев Вера. И вычеркнула их из своей жизни. Оставалось разъехаться с отцом, когда на Верочку точно с неба свалилось брачное предложение Семена. Разумеется, она согласилась.

Все держали в строжайшем секрете не только от Ивана Ильича, но и от Семкиных родителей. В курсе были только я да Лидия Эдуардовна, с которой Верочка все-таки посоветовалась. Советов "баронесса" давать не стала, сказала только, что Семен, по ее мнению, горячится. На что он ответил страстным монологом о Раскольникове, Сонечке Мармеладовой, Катюше Масловой и исторической роли российских интеллигентов-подвижников, после чего Лидия Эдуардовна махнула рукой и сказала:

— Мало тебя жизнь учила.

А дальше все пошло своим чередом, и в один прекрасный день Семен с Верой явились домой рука об руку и объявили родным, что отныне они муж и жена, а по-сему Верочка едет вместе с ними.

Ревекка Яковлевна восприняла это на удивление спокойно. Значит, так ее Бог наказывает за строптивого сына. Впрочем, никакой неприязни лично к Верочке она не испытывала, будучи вообще человеком фантастической доброты. Моисея Семеновича мало что волновало. А вот когда новость сообщили Ивану Ильичу — произошел взрыв.

Дочь "шлюху" старик еще как-то пережил, утешая себя тем, что и сыновья у него — не герои соцтруда. Но зять-еврей для него, потомственного, можно сказать, и убежденного антисемита, — уже чересчур. Да еще Верочка заявила, что ему нужно подписать бумагу — согласие на ее отъезд с семьей мужа в Израиль. То-есть в самое логово...

— Не дожدهшься! — взревел старик. — Сдохну, никакой бумаги не подпишу! Сиди здесь, в дерьме... — И, нелепо дернувшись, вскрикнул и стал оседать на пол.

Вызванная "скорая" установила смерть от обширного инфаркта. Через два дня Ивана Ильича похоронили. Он до конца остался верен своим идеям: умер — не написал.

А Френкели всем семейством, вместе с молодой невесткой, через какое-то время уехали. По странному совпадению, ночью после их отъезда в их почти пустой комнате провалился пол. Проклятая квартира жила своей, только ей ведомой жизнью.

Глава пятая. Перемены, перемены...

Возможно, для нормального человека наша квартира — не самое лучшее место для жизни. И я могу понять Ирку, которая задышалась в этих стенах. Но для меня это был весь мир. А сто пятьдесят метров — это, согласитесь, значительно больше, чем, скажем, тридцать пять. Или даже пятьдесят.

К тому же я притерпелась. Научилась сносно пользоваться костылями, габариты квартиры позволяли почти везде проехать на коляске. И, главное, соседи. Все без исключения прекрасно относились ко мне, какие бы склоки ни происходили между ними.

Но постепенно квартира стала умирать. В буквальном и переносном смысле слова. Умерла баба Фрося, уехали Френкели, скончался Иван Ильич Сергеев. Приходили какие-то люди со смотровыми ордерами, но заселиться никто не спешил: в квартире остались две глубокие старухи, полоумная и тоже очень пожилая женщина плюс я — инвалид в коляске. Состав "труппы", прямо скажем, не для слабонервных. Единственный полноценный человек — Ирина — домой приходила только ночевать.

Помимо потенциальных жильцов, постоянно наведывались какие-то странные личности. То нам предлагали расселиться на сверхвыгодных условиях, то написать дарственную на комнату в обмен на пожизненный уход, то совершенно официально

предупреждали, что не сегодня-завтра дом пойдет на капитальный ремонт, а нас, то ли временно, то ли навсегда, переселят в коммуналки по соседству. Разобраться во всем этом не было никакой возможности, потому что и три наши старухи, и я одинаково плохо ориентировались в непрерывно меняющейся обстановке. Впрочем, как и большинство наших сограждан в то время.

С экрана телевизора преподносилось такое, за что еще не так давно могли "дать срок", причем вполне приличный. Поскольку у двух старух — Лидии Эдуардовны и Марии Степановны — давно вошло в привычку смотреть телевизор в моей комнате, то я могла наблюдать за реакцией обеих. Мария Степановна постепенно доходила до белого каления и начинала ругать всех: и правых, и левых, и коммунистов, и беспартийных. Лидия Эдуардовна, похоже, получала какое-то мстительное удовольствие от того, что система, искорежившая столько жизней, в том числе и ее собственную, оказалась не такой уж несокрушимой. Я все больше помалкивала, однако надеялась на какие-то перемены к лучшему. Только никак не могла понять, каким образом эти перемены свершатся.

Ирина, которая телевизор в принципе не терпела, приговор свой относительно происходящего вынесла сразу: "Ерунда!" А когда я пристала за разъяснениями, только хмыкнула:

— Ты чудачка, Регина. Что может измениться в стране, где всегда признавали только одно — силу? Ни ты, ни я никогда не станем полноценными в этом обществе, где инвалиды и калеки не люди даже, а досадная помеха на пути к любому будущему.

— Две злюки-гадюки в одной квартире — не много ли? — попыталась я перевести разговор в шутку.

Ирина, однако, шутки не приняла.

— Какова квартира, таковы и жильцы. Да-да, я опять со своей навязчивой идеей — "проклятая квартира"!

— Далась тебе эта квартира! Хоть бы объяснила по-человечески, почему ты ее так ненавидишь? Ну, соседки с приветом — так ведь не алкоголики и не бандиты. Ну, ремонт нужен основательный — так давай хоть обои новые попросим кого-нибудь поклеить. На это у нас с тобой средств хватит. В чем дело?

— Это трудно объяснить, Регинка, просто до этого нужно дойти самой. Только не спрашивай меня больше, почему умерла твоя мама, а не наша "придворная сумасшедшая". И не сердись на меня. Иногда кажется, что все зря, никому ничего не нужно, и что закончу я свои дни в этой вот развалюхе... если она раньше не обвалится и не похоронит нас всех сразу.

— Это только если землетрясение будет, — уточнила я.

— Для того, чтобы рухнул один дом, совершенно не обязательно устраивать такие катаклизмы, — серьезно ответила Ирина.

К счастью, бабки, во-первых, довольно скоро пресытились политикой и приходили смотреть только выпуски новостей. А во-вторых, кто-то умный придумал показывать по нашему телевидению латиноамериканские телесериалы. Вот где начался цирк!

Старухи смотрели все подряд, приоткрыв от волнения рот, а потом долго обсуждали на кухне содержание очередной серии и моральный облик героев. Первоначально и я заинтересовалась: другая, яркая жизнь, красивая сказка. Но когда этих сериалов стало по три штуки на день... Во-первых, у меня практически не выключался телевизор, а во-вторых, мне было некогда работать. К тому же все сериалы слились у меня в голове в какой-то невообразимый салат. Как в них разбирались старухи, ума не приложу.

Ирина, гордившаяся тем, что не посмотрела ни единого кадра из этих сериалов, тем не менее поняла, что еще немного, и в нашей квартире будет не одна, а две патентованных сумасшедших. Как она это устроила, не знаю, но в один прекрасный день какие-то ее знакомые, собиравшиеся уезжать за границу, приволокли к нам в квартиру чудовищных размера и веса телевизор — цветной “Рубин” двадцатилетнего возраста. Для антикварного магазина он еще не годился, а в комиссионный его уже не брали. Выбрасывать, естественно, было жалко — в свое время деньги на него копили чуть ли не год.

Этого монстра установили в одной из пустующих комнат, и на нашу квартиру в кои-то веки снизошла благодать. Старухи перенесли свои “тусовки” из моей комнаты в “телевизионную”, а я вздохнула с облегчением. Все это было тем более кстати, что Ирина нашла мне временную, но довольно интересную работу: редактировать перевод текстов одного из этих самых сериалов.

— Понимаешь, в таком виде это никуда не годится. А дать переводить другому нельзя, потому что сейчас это делает одна дама, супруга очень-очень важного человека. Да, она не знает ни испанского, ни русского, но она Жена, и ей скучно. В общем, эту “рыбу” нужно изложить нормальным и грамотным языком. Деньги за это платят не бог весть какие, но все же деньги.

Разумеется, я согласилась. Это было куда интереснее, чем занудные научные тексты, над которыми я трудилась много лет. Жаль только, что даме довольно быстро надоела ее игрушка, и переводы отдали специалисту.

Сериалы внесли в жизнь нашей квартиры еще одну неожиданную черту: выяснилось, что они оказывают прямо-таки магическое действие на Елену Николаевну. Она просиживала у телевизора часами, смотрела все по два раза: и утром, и вечером, и значительно реже устраивала “сеансы покаяния”. По-моему, этой проблемой надо бы заняться психиатрам, особенно у нас, при постоянной нехватке лекарств и медицинского персонала в дурдомах.

К сожалению, они никак не действовали — в плане успокоения — на бабу Маню. Она чудила все больше и больше, причем специального повода для очередного припадка раздражения даже не требовалось. То разговаривала сама с собой на кухне, причем темой разговоров неизменно было резкое падение нравов у современной молодежи. То пыталась устроить Ирке громкий скандал, поскольку та целые дни пропадает невесть где, да и ночевать домой не всегда приходит, а старухе-бабушке, которая ей жизнь посвятила, некому подать стакан воды. И так далее, и тому подобное.

В какой-то степени утихомирить ее могла только Лидия Эдуардовна, но и та не молодеда. Посему предпочитала иной раз не выходить из комнаты и не трепать себе зря нервы. Тогда я выезжала, как танк, на своей коляске и начинала “отвлекать противника” на себя. Как правило, мне это удавалось: по каким-то одной ей ведомым причинам Мария Степановна, баба Маня, меня обижать не решалась. Даже голоса на меня ни разу не повысила, что бы я ей ни говорила. Родную внучку костерила в хвост и в гриву, а меня только жалела. Возможно, считала, что грех обижать убогую — Бог накажет. Как бы то ни было, мое вмешательство всегда оказывалось действенным.

К сожалению, иногда в наш чересчур замкнутый мирок вторгалась настоящая жизнь, и каждое такое вторжение было, мягко говоря, болезненным. Например, безумная “павловская” денежная реформа. Отлично помню тот зимний вечер, когда об этом мероприятии впервые официально заявили по телевизору. Меня лично все это никаким боком не затрагивало: больше двадцати пяти рублей я за свою работу не получала. А моя ежемесячная пенсия до пятидесяти рублей тоже не до-

тягивала. Но Мария Степановна и Лидия Эдуардовна ударились в настоящую панику — первый раз в жизни. Оказывается, обе десятилетиями откладывали по рублику "похоронных", а для удобства хранения постепенно переводили их в крупные купюры.

На следующее утро обе помчались в сберкассау и вернулись через несколько часов в шоке: очередь собралась чуть ли не с вечера, и уже записывались на три дня вперед. Все арбатские старухи и немногочисленные уцелевшие старики вспомнили многолетний опыт очередей. Ирина опять исчезла на несколько дней, а я была бессильна помочь, разве что валерьянки накапать.

К счастью, этот кошмар продолжался всего сутки. Потом объявилась Ирка и прекратила панику. Сказала, что ни в каких очередях стоять не нужно: у нее в издательстве все сделают "чохом". Лидия Эдуардовна вздохнула с облегчением и тут же передала Ирине деньги. А родная бабка заявила:

— Морочь голову кому-нибудь другому. Ты все это придумала, чтобы присвоить мои деньги. Не выйдет, моя милая. Ни копейки не получишь даже после моей смерти. Я все завещаю Регине. При свидетелях говорю.

— Маша! — воскликнула Лидия Эдуардовна. — Опомнись, что ты несешь? Кому нужны твои деньги? Да и что ты собираешься, как изволишь выразаться, "завещать"?

— Мебель. Одежду. Украшения, — отчеканила Мария Степановна.

Ирка за ее спиной покрутила пальцем у виска. В данном случае я с ней была совершенно солидарна.

— Баба Маня, о завещании мы поговорим отдельно, — начала я привычные маневры, — но зачем же деньгам пропадать? Вы их сначала обменяйте. А Ирина вам даст расписку, что получила такую-то сумму...

Мария Степановна продолжала стоять с поджатыми губами, но хотя бы не спорила.

— Значит, договорились, — поспешила я укрепиться на захваченных позициях. — Ирина обменяет деньги, а вы передадите их мне или спрячете у себя до поры до времени.

— Регина права, Маша, — поддержала меня "баронесса". — Обменяют тебе деньги, а там делай, что хочешь. Хочешь — дари, хочешь — завещаю, хочешь — в тайник закладывай.

— В нашей семье уже такое было, — вздохнула Мария Степановна. — Мамочка-покойница куда-то спрятала свои украшения, а нам сказать не успела. Уж мы с сестрой искали-искали... Ладно, если вы ручаетесь за то, что деньги не пропадут...

Я умоляюще взглянула на Ирину: не дай Бог, взвоется. Но она, похоже, думала совершенно о другом, причем скорее приятном. Во всяком случае, на бабкины фокусы она не обратила особого внимания. Почти машинально написала эту фильную грамоту-расписку и ушла к себе в комнату. Мы тоже разбрелись по своим. Тем дело и кончилось. Через какое-то время Ирина принесла старухам их сбережения в новом типографском исполнении, и инцидент с деньгами безвозвратно канул в прошлое. Жизнь продолжалась.

К осени я заметила, что Ирка стала следить за своей внешностью и проявлять активный интерес к телефонным звонкам. И, что самое интересное, перестала выключать телевизор, как только переступала порог моей комнаты. Наоборот, кое-что внимательно смотрела: в основном, передачи, от которых лично меня клонило в сон, — беседы с так называемыми "интересными людьми". Вывод можно было сделать только один, и я его сделала: у Ирины завелся поклонник, скорее всего, серьезный,

который имеет какое-то отношение к телевидению. Дальнейшие события показали, что "метод дедукции" в данном случае сработал со стопроцентной точностью.

Но до того, как моя догадка подтвердилась, произошло еще одно событие из разряда тех, на которые была так богата наша квартира. Незадолго до Нового, 1992, года раздался звонок во входную дверь. Как всегда, когда она бывала дома, Елена Николаевна с диким криком "Сыночек!" помчалась открывать. Несчастная помешанная все ждала своего без вести пропавшего на войне сына. И от каждого нового разочарования становилась все менее нормальной.

Разумеется, это был не ее Костя. В квартиру вошел высокий худой старик с массивной тростью в руках. Быстро отвязался от Елены Николаевны и обратился ко мне:

— Скажите, здесь жила Мария Степановна Лоскутова?

— Почему "жила", — поразилась я. — Она здесь живет. Последняя дверь по коридору налево.

— Я помню, — усмехнулся странный посетитель. — А она как? В здравом уме? Или тоже, как эта? — Он кивнул вслед Елене Николаевне, семенившей к себе в комнату.

— Пока — да, — осторожно произнесла я. — А вы по какому делу?

— По личному, — бросил старик и пошел к бабе Маше.

А я, выждав какое-то время, покатила следом. Подслушивать хотя и стыдно, но иногда просто необходимо.

— Честно говоря, Маша, я думал, что ты уже того... померла.

— Да и я тебя, Яков, считала покойником. Оба ошиблись. Зачем пожаловал?

— Кое-что из вещей забрать хочу. Понадобилось.

— Твои вещи остались после ареста в запечатанной комнате.

— А ты, умница, их забрала. Буфет сама передвигала, или кто помог? У меня там сверточек...

Тут в коридор вышла Лидия Эдуардовна и застала меня на "месте преступления". Но сделать выговор не успела.

— Ничего твоего здесь не осталось. Уходи.

— Возьму свое и уйду. Меня ведь по твоему доносу посадили. А доносчиков сейчас не жалуют...

Неожиданно для меня Лидия Эдуардовна распахнула дверь и вошла в комнату. Такой разгневанной я ее никогда не видела.

— Машенька, что здесь происходит? Чего от тебя хочет этот тип? Кто он вообще?

— Это отец Ольги, — прошептала Мария Степановна. — Он хочет забрать какой-то сверток из буфета.

— Через полвека? Опомнитесь, милейший. Я сейчас милицию вызову.

— Я тебе вызову, старая ведьма! — заорал старик и поднял свою палку.

Мария Степановна кинулась к нему, а я метнулась, если можно так сказать, к телефону и вызвала милицию. Отперла дверь на лестницу и стала звать на помощь. Из соседней пожарной охраны прибежали два солдата. Они поймали старика уже в коридоре и держали до прихода милиции. А Лидия Эдуардовна беспомощно хлопотала вокруг Марии Степановны, навзничь лежавшей на полу.

Старика увели, но баба Маша в себя так и не пришла, скончалась через несколько минут после приезда "скорой". Нервное потрясение, удар палкой по голове, падение — в восемьдесят восемь лет этого более чем достаточно.

— Я же говорю: проклятая квартира! — сказала Ирина, вернувшись вечером домой. — Новое дело: чуть ли не с того света за какими-то свертками из буфета приходят. Только тайника в этом гробу и не хватало. Что еще за фокусы, черт побери?

Я только пожала плечами.

Глава шестая. Герой нашего времени

— Проклятая квартира! — повторила Ирина и повернулась к своему спутнику, все время державшемуся в стороне. — Раз в жизни собралась пригласить к себе гостя, прекрасно зная, что после десяти вечера здесь всегда сонное царство, — и вот вам, пожалуйста. Очередной труп, остальные — в экстазе.

— Ира, прекрати! — одернула ее Лидия Эдуардовна. — Твоя бабушка погибла, а ты говоришь такое, да еще при посторонних. Кстати, ты нас не познакомила...

— Ах, ну да, конечно! Цинизм здесь неуместен, необходимо проявить подобающую скорбь и не забывать о хороших манерах. Лидия Эдуардовна, позвольте представить вам Никиту Сергеевича Трубникова. Никита Сергеевич, это — ее сиятельство баронесса фон Кнорре. Регина, позволь тебя познакомиться... Да ну вас, в самом деле! Мне только интересно, кто следующий?

Неожиданно вмешался Никита Сергеевич, мужчина лет сорока пяти, относящийся к тому типу, который обычно называют "представительный".

— Насколько я понял ситуацию, следующим может быть кто угодно. То есть любой, кто встанет между этим загадочным старцем и буфетом.

— Старика милиция увела, — робко заметила я.

— Он вернется, — уверенно проговорил Никита. — И вернется скоро, потому что предложит властям долю от того, что находится в буфете. Они посчитают его ненормальным, но все-таки проверят. И если ничего не найдут — упекут всерьез и надолго, а если найдут, то отберут все, а он явится сюда выяснять отношения со всеми вами. Таков примерный сценарий.

— Вы из органов? — спросила Лидия Эдуардовна.

Никита неопределенно хмыкнул.

— В данном случае это не важно. Считайте, что я — журналист. Тележурналист. А сейчас покажите мне этот самый буфет.

Произведение мебельного дизайна прошлого века было сделано из красного дерева и занимало едва ли не четверть комнаты, и без того забитой. Двухпальная кровать черного дерева, комод, два резных кресла и несметное количество всевозможных старинных и старых вещей. Единственной современной вещью была кушетка за ширмой, на которой спала Ирина, пока жила с бабушкой.

— Н-да, — крикнул Никита. — Лавка древностей. Для любителя — просто находка, но милиция, слава Богу, пока в таких тонкостях не разбирается. Так что посмотрим буфетик изнутри...

Никита возился полчаса, предварительно попросив у Ирины какой-нибудь тонкий и острый нож. Наконец, с возгласом "Эврика!" поддел какую-то балясину, украшавшую верхнее отделение, и достал оттуда небольшой, с папиросную коробку, туго перевязанный пакет.

— Прошу вас, сударыня, — протянул он его с полупоклоном Лидии Эдуардовне. — Если сочтете нужным, разверните.

Та слегка пожала плечами и принялась разматывать бечевку, стягивавшую сверточек. Под пожелтевшей и пропылившейся бумагой находилась еще более старая папиросная коробка, явно дореволюционного происхождения. А в этой небольшой жестянке лежали... драгоценности: три золотых кольца — два обручальных и одно с небольшим блестящим камешком, нитка жемчуга и сережки, судя по всему — бриллиантовые.

— Господи, что это? — ахнула Ирина.

— Скорее всего, драгоценности семьи Лоскутовых, те самые, которые старуха-профессорша спрятала от обыска да не успела сказать дочерям — куда. Эту историю я знаю и от Фроси, и от Маши, царствие им обеим небесное. А этот тип, значит, нашел. Но не успел или не сумел сбить — его арестовали...

— Прямо роман! — восхитился Никита. — Только давайте вот что сделаем сначала... — Он открыл верхний ящик комода, вынул оттуда какие-то дешевые пубрикушки и сложил в коробку из-под папирос. А потом чрезвычайно ловко запаквал сверток так, как было, и положил его на прежнее место — в тайник. Мы с недоумением смотрели на него. — Теперь быстро уходим отсюда. Хоть на кухню. Если верить моей интуиции, гости могут пожаловать с минуты на минуту.

— А драгоценности куда же? Они способны обыскать всю квартиру, — обеспокоилась Лидия Эдуардовна.

— Вряд ли, — усомнился Никита. — Времена не те... Однако... Береженого, как говорится, и Бог бережет. Пусть кто-нибудь из дам спрячет пока в... то есть, пардон, за корсаж! Туда-то уж точно не полезут.

Лидия Эдуардовна так и поступила. Но потом почему-то раздумала и передала маленький сверток мне:

— Спрячь ты, деточка, ты помоложе и в эту стародавнюю историю никаким боком не замешана.

Ирина наблюдала за происходящим с какой-то неприязнью, не без определенного, правда, интереса.

— Подумать только, что именно эту квартиру описывал Булгаков!

— Где? — встрепенулся Никита.

— В "Собачем сердце". Ну, пойдём, наконец, ко мне! Я устала, а тут еще эти вечные детективы...

— Почему вечные? — не унимался Никита, но Ирина не ответила и пошла по коридору. Никите ничего не оставалось, как сделать общий полупоклон и отправиться вслед за нею.

Пришли через два дня, но не с обыском, а как бы для беседы, — двое в штатском с соответствующими удостоверениями. Дома были только мы с Лидией Эдуардовной. Вежливые до приторности мужчины объяснили, что "поступило заявление" от находящегося в данный момент под стражей гражданина Пименова о том, что он желает сдать государству ценности, оставленные им в данной квартире. Тайник он указал, так что...

Лидия Эдуардовна только покачала головой:

— По-видимому, он, если и жил здесь, то до войны. Я в этой квартире с 1941 года. А покойная хозяйка той комнаты, где стоит буфет, всю жизнь прожила в бедности, так что, скорее всего, старик по старости лет несет ахинею. Впрочем, проверьте, господа, работа ваша такая.

"Господа" проверили. Тайник открыли мгновенно, распаковали сверточек и явно огорчились. То, что им, судя по всему, описывалось как "драгоценности", оказалось дешевой бижутерией, да еще чуть ли не полувековой давности.

— Я же говорил — врет, — вполголоса заметил один из визитеров.

— Проверить все равно надо было, — так же вполголоса отозвался другой. — В этих дореволюционных домах то и дело сокровища находят...

Вечером Ирина снова пришла с Никитой. Выслушав наш рассказ, он необыкновенно воодушевился.

— Вот и все, теперь вас никто не тронет. Живите спокойно, милые дамы. А чтобы вас и в дальнейшем ничто не тревожило, хочу сообщить: сегодня я сделал

предложение Ире, и мы с ней теперь — жених и невеста. Надеюсь, вы разрешите мне переехать сюда до свадьбы. А то прописка есть, квартира есть, а жить негде.

Возражений, разумеется, не было, поздравлений же посыпалось множество. Но они быстро прекратились: Елена Николаевна, последнюю неделю переживавшая "тихий период" и безвылазно сидевшая в своей комнате, вдруг распахнула дверь и с воплем "Костенька!" кинулась к ошеломленному Никите.

— Я не Костя, вы обознались, — попытался он освободиться из цепких объятий. — Я вообще только родился в тот год, когда ваш сын пропал без вести...

Но безумная женщина его явно не слышала. Она обнимала Никиту, гладила его по голове, плакала, шептала какие-то молитвы. И, наконец, обессиленная сползла на пол в глубоком обмороке.

— Надо бы "скорую" вызвать, — отдышавшись, произнес Никита. — Похоже, Ира, ты верно оценила свою квартиру. Скучно здесь, во всяком случае, не будет!

На следующее утро Елена Николаевна подкараулила несчастного Никиту в коридоре, затащила к себе в комнату и там довольно громким шепотом сообщила, что все поняла. Конечно, нельзя было возвращаться на Родину под своим именем: НКВД тут же обнаружил бы его и отправило в застенки. Она мать, она понимает, что он вернулся, несмотря на смертельную опасность, только чтобы увидеться с нею. Для этого он и придумал жениться на соседке. Умно, никто ничего не заподозрит. Она, Елена Николаевна, никому ничего не скажет, ей только видеть его и знать, что он жив-здоров. И еще — она за эти годы скопила для него немножко денег, пусть возьмет. На свадьбу понадобится, да и вообще... А она теперь может спокойно умереть, наглядевшись на своего любимого сыночка.

Финал разговора оказался вообще потрясающим. Елена Николаевна полезла под кровать и выползла оттуда с каким-то газетным свертком. Уже в своей комнате окончательно обалдевший Никита развернул бумагу и увидел... пачку денег. Пятьдесят тысяч, как выяснилось, причем дореформенных, имевших хождение в стране с 1947 по 1961 годы.

Ирина была просто в шоке. Если сумасшедшая начнет откалывать такие номера и дальше, то на семейной и личной жизни можно поставить большой и красивый крест. Ни один нормальный мужчина не выдержит такого "приданого" и, разумеется, сбежит.

— Понимаешь, — шепотом жаловалась она, сидя как-то вечером у меня в комнате, — Никита — человек непредсказуемый. Он может сорваться в командировку, о которой еще два часа тому назад и речи не было, и пропасть на неделю, а то и две. А может сутками сидеть над каким-нибудь сценарием или статьей, и тут его лучше не отвлекать и вообще не мешать ему. В личной жизни — полная неразбериха: от первой жены он ушел давно, но развелся только что. Там остался сын, второй сын у него от женщины, которая замужем за другим. Квартиру он оставил первой жене, прописан у матери, ждет свою квартиру. И еще — только это, Регинка, никому — он только формально работает на телевидении, а фактически он — контрразведчик. Подполковник. Поэтому с отпусками всегда безумные сложности: то там не отпускают, то здесь отпуска не дают.

— Семейная жизнь у тебя, похоже, будет интересная, — хмыкнула я. — Ты просто какой-то специалист по незаурядным личностям. А попроче тебя не устраивает?

— Где же на всех простых взять, нужно кому-то и со сложными жить, — отшутилась Ирина. — Зато он прекрасно чувствует живопись, вообще хорошо разбирается в искусстве. А главное — я его люблю.

— А он тебя?

— А он мне в любви признался при первой встрече.

— Прямо подошел к тебе на улице и сказал: "Девушка, я вас люблю. Как вас зовут, кстати?" Да?

— Не язви. Мы познакомилась в мастерской у моей приятельницы — скульптора. Она — ученица Эрнста Неизвестного, феноменальной красоты женщина. Настоящая персидская княжна. И, по-моему, к Никите неровно дышит. А он весь вечер от меня не отходил, потом пошел провожать и у самых дверей сказал: "Я вас люблю"...

— И прослезился...

— Да что ты сегодня такая злая? Он тебе не нравится?

— Может, потому и злая, что немного нравится. Не сердись, Ирка. Просто иногда обидно, что меня никто не пойдет провожать и никто не скажет, что любит. Даже не при первой, а при сто первой встрече. Зависть это, подруга, зависть. И не к тебе, а к здоровым людям.

— Я понимаю, — тихо сказала Ирина. — Я иногда тоже это чувствую, когда вижу женщин с детьми...

Однако при всей непредсказуемости и таинственности Никита, похоже, не собирался бежать из "странной квартиры". Наоборот, начал обустриваться в ней всерьез. Несмотря на ожесточенные протесты будущей жены, перетащил в ее комнату практически всю обстановку из комнаты покойной Марии Степановны, а перед этим сделал там косметический ремонт. То есть не сам, конечно, а нанял двух мастеров, которые за несколько дней превратили огромную запущенную комнату во вполне приличное жилье. Перевез откуда-то несколько ящиков книг. И наконец повесил на стену картину — черно-белый печальный Арлекин, — про которую небрежно сказал:

— Малоизвестный художник, но талантливый. И создает настроение...

Потихоньку решил вопрос и с найденными драгоценностями. Их поделили не столько по справедливости, сколько по соображениям практичности. Обручальные кольца — жениху и невесте, жемчужное ожерелье — тоже Ирине, как "коллективный подарок соседок" на свадьбу. Колечко с бриллиантом — мне, а серьги — Лидии Эдуардовне, несмотря на ее протесты.

— Нужда заставит, не дай Бог, будет на что прожить, — заметил Никита, закрывая "дискуссию". — Надо что-то иметь про запас на черный день.

— На черный день у меня есть колечко с изумрудом, — неожиданно для себя самой сказала Лидия Эдуардовна.

И рассказала, как ранним октябрьским утром сорок первого года, возвращаясь с Лубянки после чудесного избавления от ареста, нашла на Тверском бульваре колечко и посчитала это счастливым предзнаменованием. И как потом обнаружила вместо дома, где жила, руины от бомбежки...

— А моя мама потеряла колечко в октябре этого же года, — задумчиво протянул Никита, выслушав рассказ "княжны". — А где, как — сама не помнит. Ночь, спешила в бомбоубежище, я у нее на руках, годовалый...

— А где вы тогда жили?

— На углу Качалова и Алексея Толстого, такой дом-утоп.

— А вдруг это ее!

— Маловероятно, — пожал плечами Никита. — Я в такие совпадения не очень-то верю.

— А вы спросите ее, как кольцо выглядело.

— Да она уж, наверное, и не помнит. Золотое кольцо, скорее тонкое, с небольшим изумрудиком.

— Так покажите ей как-нибудь. Вы же часто у нее бываете.

— Реже, чем хотелось бы, но... Да и зачем, собственно? Она уже давно привыкла, что кольца нет.

— А ведь я его так ни разу и не надела. Меня всю жизнь мучила мысль, что для кого-то это кольцо очень дорого. А на черный день теперь вот — серьги. Кстати, без вас, Никита, мы бы ничего не нашли...

— Ну, хорошо, — сдался Никита, — давайте попробуем. Но я почти уверен, что это — не ее.

Однако он ошибся. Несколько дней спустя его мать позвонила и долго благодарила Лидию Эдуардовну за то, что та вернула ей свадебный подарок мужа, единственную память о нем. Отец Никиты погиб в сорок третьем году на войне, а она так и осталась вдовой: достойнее его никого потом не нашла.

— Только я вас попрошу, Лидия Эдуардовна, не говорите об этом Ирине. Женщины — странный народ, она может обидеться, что старухе отдают кольцо, отобранное вроде бы у другой старухи... ой, извините! Ну, в общем, невестка — свекровь, сами понимаете...

Свадьбу Никита с Ириной справили очень скромную — только свидетели и несколько друзей. Накануне этого события Елена Николаевна вручила "Костеньке" очередной сверток — на сей раз облигации денежных займов, скопившиеся у нее за тридцать лет. Но, кроме этих "наскоков", она, в общем-то, держала свое обещание и не нарушала "конспирации".

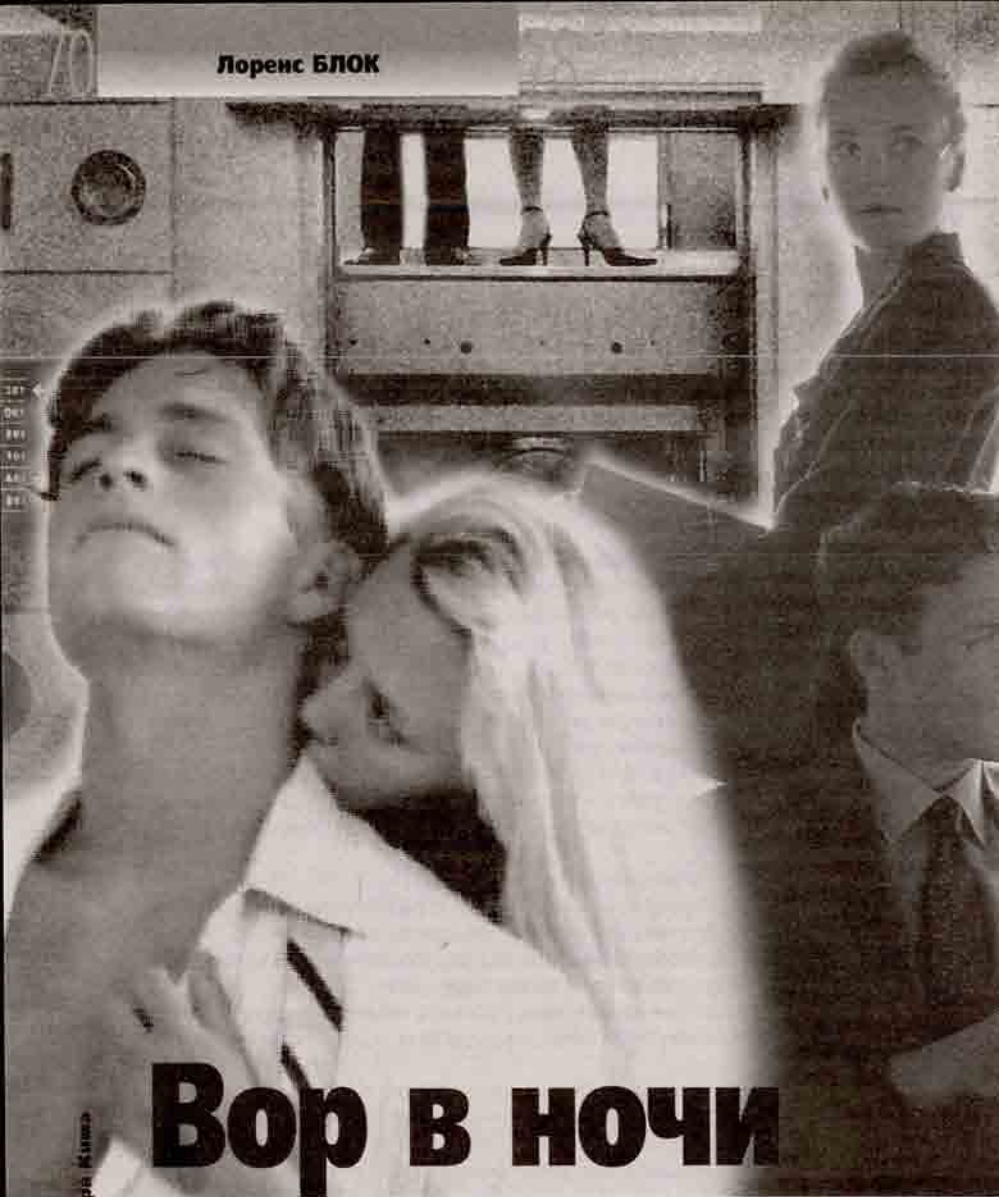
Через месяц после свадьбы Ирине пришлось срочно уехать — в Ленинграде ей предложили проиллюстрировать одну книгу. А через несколько дней после ее отъезда мы с Лидией Эдуардовной забеспокоились: Елена Николаевна перестала выходить из своей комнаты. Н-да, квартирка наша "шалала": безумная женщина повесилась на крюке от лампы, по-видимому, почти сразу после отъезда Ирины. Никита тоже отсутствовал — проводил жену и сам уехал в срочную командировку.

Было у меня смутное подозрение, что в какую-то из минувших ночей я слышала странные звуки и шорохи из комнаты соседки. И еще мне мерещилось, что кто-то той ночью приходил в квартиру, а потом неслышно вышел из нее. Мою разгравшуюся фантазию, однако, охладило твердое заявление следователя, что Елена Николаевна безусловно собственноручно свела счеты с жизнью — следов насилия не было ни малейших. По-видимому, произошло это в очередном припадке безумия, а поводом могло послужить что угодно — хоть отъезд мнимого сына в командировку.

Узнав по возвращении новость, Ирина не побледнела — посерела. Заглохшая было ненависть к "нехорошей квартире" вспыхнула в ней с новой силой. Никита кое-как успокоил ее, твердо пообещав: как только он получает квартиру, они немедленно переезжают туда, а потом меняют ее комнату и его квартиру на что-то приличное.

Похоже, не только Ирина считала квартиру "нехорошей". Шло время, а желающих поселиться в комнате, где произошло убийство, или в комнате, где жиличка повесилась, не находилось. Комната Френкелей стояла пустой из-за провалившегося пола. Пустую комнату Сергеевых, а заодно и кухню с чуланом, залило при очередной аварии системы отопления. Казалось, сам дом не желал новых жильцов, избавившись от старых.

Окончание следует.

Вор в ночи

иллюстрация Александра Кита

■ В 23-30 телеведущий порекомендовал ей оставаться на канале и посмотреть известнейший фильм Хичкока с Кэри Грантом. Она уже поддалась искушению, но в последний момент передумала и выключила телевизор.

В кофейнике кофе остался на доньшке. Она перелила его в чашку, постояла у окна, высокая, стройная, привлекательная женщина, в деловом костюме и шелковой блузе, в которых провела этот день на работе. Одновременно деловитая и элегантная. Стояла у окна, выходящего на юго-запад, и пила кофе из фарфоровой чашки.

Ее квартира находилась на двадцать шестом этаже дома, построенного на углу Лексингтон-авеню и Семьдесят шестой улицы, так что вид из окон открывался замечательный. Один из небоскребов в центре города заслонял здание, в котором вела дела "Тависток корпорейшн", но женщина и так знала, что там происходит, словно могла видеть в рентгеновском диапазоне.

Уборщики вечерней смены как раз заканчивали работу, ставили швабры и ведра в чуланы, переодевались в уличную одежду, чтобы к полуночи покинуть здание. В офисе семнадцатого этажа, который занимала "Тависток", они оставили, как и на остальных этажах, пару включенных ламп. В коридорах всегда горел свет; в нескольких офисах, на разных этажах, работали круглосуточно, так что...

Она любила фильмы Хичкока, особенно ранние, а от Кэри Гранта просто млела. Но она любила и дорогие наряды, и фарфоровые чашки, и замечательный вид из окна, и комфортабельную, уютную квартиру. Поэтому ополоснула чашку в раковине, надела пальто, на лифте спустилась в холл, и красномордый швейцар картинным жестом остановил для нее такси.

Будут другие вечера, другие фильмы.

Из такси она вышла перед офисным зданием в Западных Тридцатых улицах. Прошла через вращающуюся дверь, каблучки очень уж громко стучали по мраморному полу. Охранник, сидевший за маленьким столиком на пути к лифтам, при ее приближении оторвался от журнала.

— Привет, Эдди, — поздоровалась она, одарив его быстрой улыбкой.

— Здравсте, — буркнул он и вернулся к журналу. Она наклонилась над регистрационной книгой и в соответствующих графах написала: Элайн Холдер, Тависток, 1704. Потом взглянула на наручные часы — 12-15.

Вошла в кабину лифта, и двери беззвучно закрылись. "Я буду там одна", — подумала женщина. Заполняя графы в регистрационной книге, она заметила, что наверху нет сотрудников ни "Тависток", ни других компаний, арендующих офисы на семнадцатом этаже.

Что ж, надолго она задерживаться не собиралась.

Когда двери кабины разошлись, она вышла в коридор и пару мгновений постояла, собираясь с духом. Достала из сумочки ключ, посмотрела на него, словно держала в руке творение не ведомой ей цивилизации. Повернулась и зашагала по свежeweымытому полу, слыша только свои энергичные шаги.

1704. Дубовая дверь, панель матового стекла, с номером офиса и названием компании. Она еще раз глянула на ключ, прежде чем аккуратно вставить его в замочную скважину.

Ключ легко повернулся. Она толкнула дверь, вошла, позволив двери мягко закрыться за ее спиной.

И ахнула.

Менее чем в десятке ярдов от нее стоял мужчина.

— Привет, — поздоровался он.

Он стоял у стола с выдвинутым центральным ящиком. В сером, в мелкую полоску костюме, белой рубашке и аккуратно завязанном галстуке. На два или три года старше нее и на столько же дюймов выше.

Рука женщины прижалась к груди, словно для того, чтобы замедлить биение сердца. Ей даже удалось выдавить улыбку.

— Вы меня напугали. Я не знала, что здесь кто-то будет.

— Мы квиты.

— Простите?

— Я тоже не ждал компании.

А у него отличные белые зубы, отметила она. Видимо, не настолько перепугалась, чтобы не определить, какие у человека зубы. И открытое, дружелюбное лицо, что тоже не укрылось от ее внимания. Почему она вдруг подумала о Кэри Гранте? Разумеется, из-за фильма, который не посмотрела, плюс эта неожиданная встреча, вполне в традициях Голливуда: двое вдруг сталкиваются лицом к лицу в молчаливой могиле офиса и...

На его руках резиновые перчатки?

Должно быть, ее лицо изменилось, потому что он в некотором недоумении нахмурился. Потом поднял руки и согнул и разогнул пальцы.

— А, перчатки. Допустим, я скажу, что у меня экзема, которая обостряется от ночного воздуха?

— В Нью-Йорке это обычное дело.

— Я знал, что вы поймете.

— Вы — грабитель.

— Это такое неприятное слово, — запротестовал он. — Навевает мысли о грязном небритом оборванце, затаившемся в кустах. Кустов здесь нет, за исключением этого резинового фикуса, и я не таюся.

— Значит, вор.

— Вор — да. Точнее, взломщик. Я мог бы снять перчатки, пока вы вставляли ключ в замок, но заслушался вашими шагами в надежде, что вы направляетесь в другой офис, и совершенно забыл, что они на мне. Впрочем, ничего бы от этого не изменилось. Еще минута, и вы поняли бы, что никогда раньше меня не видели, а потом неминуемо задались бы вопросом: а что, собственно я здесь делаю?

— Так что вы здесь делаете?

— Моему младшему брату необходима операция.

— Вроде бы я даже знаю, какая. Замена пораженной экземой кожи.

Он кивнул.

— Без операции он больше не сможет играть на трубе. Позволите поделиться одним наблюдением?

— Почему нет?

— Я вижу, что вы меня боитесь.

— А я-то думала, что не зря затратила столько усилий, пытаюсь это скрыть.

— Вы затратили, но у меня невероятная восприимчивость. Вы боитесь, что я причиню вам боль. Вы думаете, если он может украсть, то способен и на насилие.

— Способны?

— Ни в коем разе. Даже в фантазиях. Я — убежденный пацифист. В детстве моей любимой книжкой был "Бык Фердинанд".

— Я его помню. Он не желал драться. Хотел нюхать цветы.

— Разве можно его за это винить? — Мужчина вновь улыбнулся.

Обаятельно, отметила она. Скорее, как Алан Альда, чем Кэри Грант. Ничего страшного. Ей нравился и Алан Альда.

— Вы боитесь меня, — вдруг выпалила она.

— С чего вы так решили? По легкой дрожи верхней губы?

— Нет. Просто сверкнула такая мысль. Но почему? Что я могу вам сделать?

— К примеру, вызвать копов.

— Я не собираюсь их вызывать.

— А я не причиню вам вреда.

— Знаю.

— Что ж, — он театрально вздохнул, — разве вы не рады, что хоть с этим мы разобрались?

Ее это радовало. Приятно осознавать, что они могли не бояться друг друга. Признавая новую стадию их взаимоотношений, она сняла пальто и повесила на вешалку, где уже висело клетчатое пальто. Судя по всему, его. Как быстро он тут обжился!

Когда она повернулась, он продолжал обживаться, выдвигая один за другим ящики стола. "Ну и нахал", — подумала она и улыбнулась. Спросила, что он делает.

— Роюсь, — ответил он и выпрямился. — Надеюсь, это не ваш стол?

— Нет.

— Слава Богу.

— А что вы, собственно, ищете?

Он на мгновение задумался, потом покачал головой.

— Вы, наверное, думаете, что у меня есть убедительная "легенда", но ее нет. Я ищу, что можно украсть.

— Ничего конкретного?

— Не люблю себя ограничивать. Конечно, утаскивать персональный компьютер я не собираюсь. Но вы и представить себе не можете, как много людей оставляют наличные деньги в своих столах.

— А вы берете то, что находите?

Он поник головой.

— Я знаю. Это грех. Можете мне не говорить.

— Люди действительно оставляют деньги в незапертом ящике стола?

— Иногда. Случается, что запирают ящики, но от этого открыть их не намного сложнее.

— Вы умеете открывать замки!

— Специфичный и странный талант, — признал он. — Но это все, что я умею.

— А как вы проникли сюда? Полагаю, открыли замок входной двери?

— Задача не из сложных.

— Но как вы прошли мимо Эдди?

— Эдди? Вы о том парне в холле? Он не столь надежен, как Берлинская стена, знаете ли. Я пришел около восьми. В такой ранний час они не такие бдительные. Нацарапал фамилию в регистрационной книге и направился к лифту. Потом нашел кабинет, в котором уже закончили уборку, прилег на диван и поспал.

— Вы шутите!

— Разве я вам до этого солгал? Уборщики отбыли в полночь. Я вышел из кабинета мистера Хиггинботамы, он — патентный поверенный, и у него очень удобный старый кожаный диван, и отправился на охоту.

Она всмотрелась в него.

— Так вы уже бывали в этом здании.

— Время от времени заглядываю. Как и в другие.

— Вас послушать, получается, что у вас маршрут, совсем как у механика, обслуживающего торговые автоматы.

— Есть сходство, не так ли? Почему-то это сравнение не приходило мне в голову.

— Значит, вы вламываетесь в офисы...

— Не вламываюсь. Скажем так, вхожу.

- И крадете деньги из столов...
- И драгоценности, если нахожу. Все ценное и маленькое. Иногда натыкаюсь на сейф. Сейфы экономят время. Сразу видно, где хранятся ценности.
- Так вы можете вскрыть и сейф!
- Не каждый, — скромно ответил он, — и не за один раз, но... — он откашлялся. — Мне это под силу, мэм.
- А что потом? Ждете до утра?
- Зачем? Я хорошо одет. Выгляжу респектабельно. А кроме того, охрана поставлена для того, чтобы не впускать в здание посторонних. Выпускают же всех. Конечно, все было бы иначе, попытайся я вынести ксерокс, но я выношу только то, что помещается в карманах и кейсе. Разумеется, мимо охранника прохожу без резиновых перчаток, чтобы не нарываться.
- Само собой. И как мне вас называть?
- Этот чертов взломщик, полагаю. Так меня все называют. Но вы... — он нацелил на нее обтянутый тонкой резиной палец, — ...можете называть меня Берни.
- Берни Взломщик.
- А как мне называть вас?
- Пожалуй, Элайн.
- Элайн, — повторил он. — Элайн, Элайн. Часом, не Элайн Холдер?
- Как вы?..
- Элайн Холдер. Тогда понятно, что привело вас сюда в столь поздний час. Вы удивлены. Не понимаю, почему. "Вам известны мои методы, Ватсон". Так в чем же дело?
- Ни в чем.
- Ради Бога, не волнуйтесь. Да, я знаю ваши имя и фамилию, но сие не дает мне власти над вашей судьбой. — Он указал на закрытую дверь в дальней стене. — Я уже побывал в кабинете вашего босса. Видел ваше заявление на его столе. Боюсь, мне придется признать, что прочитал. Я любопытен. Это серьезный недостаток, я знаю.
- Как страсть к воровству.
- Скорее да, чем нет. Так что же получается? Элайн Холдер уходит из офиса последней, положив заявление об увольнении на стол босса. Элайн Холдер возвращается глубокой ночью. Выстраивается некая последовательность событий, дорогая моя.
- Неужели?
- Ну, разумеется. У вас возникли сомнения в правильности принятого решения, и вы хотите забрать заявление до того, как его прочитают. Недурная идея, учитывая характеристику, которую вы ему дали. Позвольте мне открыть дверь его кабинета. Я — аккуратист и, выходя, запер ее.
- Нашли, что украсть?
- Восемьдесят пять баксов и золотые запонки. — Он наклонился над замком, исследуя его внутренности полоской пружинной стали. — Хвалиться нечем, но все лучше, чем ничего. Я уверен, что у вас есть ключ от этой двери... должен быть, раз вы положили заявление на стол, не так ли? Но много ли у меня возможностей продемонстрировать мой талант? Конечно, этот замок не требует особых усилий. Берни Взломщику доводилось иметь дело с куда более сложными... ага, вот и все дела!
- Потрясающе!
- Так редко у меня бывают зрители.

Он отступил в сторону, подержал дверь. На пороге у нее мелькнула мысль, что в кабинете она наткнется на покойника. Джордж Тависток, уткнувшийся лицом в стол, с торчащим в спине ножом для вскрытия писем.

Но, естественно, никаких трупов в кабинете не было. Как и малейших признаков того, что в нем побывали воры.

На столе белел лист бумаги. Она подошла и подняла его. Прошлась взглядом по дюжине предложений, словно читала их впервые, уделила пару секунд витиеватой подписи, не имеющей ничего общего с закорючкой, которую она оставила в регистрационной книге. Прочитала заявление второй раз, потом положила на стол.

— Неужели опять передумали?

— Нет, я не меняла решения. И пришла сюда не для того, чтобы забрать заявление.

— Но ведь и не для того, чтобы составить мне компанию.

— Может, и составила бы, если б знала, что вы здесь. Нет, цель моего прихода... — она помолчала, глубоко вдохнула. — Скажем так, я хотела почистить мой стол.

— Разве вы этого уже не сделали? Уж не ваш ли стол у той стены? С табличкой, на которой выгравирована ваша фамилия? Извините, но я заглянул в ящики, в них ужасающая пустота.

— Вы залезли в мой стол!

Извиняясь, он раскинул руки.

— Я не хотел вас обидеть. В то время я вас знать не знал.

— Это веский довод.

— А залезть в пустой стол — не такое и преступление, не так ли? Что я мог там найти, кроме скрепок, резинок да шариковой ручки? Если вы вернулись за ней...

— Я выразилась метафорически, — объяснила она. — В этом офисе есть то, что по праву принадлежит мне. Проекты, над которыми я работала. Я хочу снять копии, чтобы показать их потенциальным работодателям.

— А разве мистер Тависток не распорядится, чтобы вам сняли копии?

Она горько рассмеялась.

— Вы не знаете этого человека.

— И слава Богу. Я не могу грабить тех, кого знаю.

— Он бы подумал, что я собираюсь продать корпоративные секреты конкурентам. Как только он прочитает мое заявление, я стану в офисе персоной нон грата. Возможно, даже не смогу войти в здание. Я это сообразила, лишь придя домой. Не знала, что и делать, а потом...

— Потом решили совершить кражу.

— Едва ли.

— Неужто?

— У меня же есть ключ.

— А у меня — маленькая пластинка пружинной стали, и оба эти предмета позволяют нам попасть в места, где нам быть не положено.

— Но я здесь работаю!

— Работала.

— Мое заявление еще не подписано. Я по-прежнему сотрудник компании.

— Номинально. Однако вы заявили сюда, как вор в ночи. Вы, возможно, расписались внизу, открыли дверь ключом, не надели перчатки, и туфли у вас не на мягкой подошве, но, в принципе, мы ничем не отличаемся друг от друга, вы и я, не так ли?

Она вскинула подбородок.

— Я имею право на результаты своего труда.

— Я тоже, и да помогут небеса тому, чья собственность окажется у нас на пути.

Она подошла к стойке с тремя ящиками справа от стола Тавистока, запертыми на ключ. Повернулась, но Берни уже стоял рядом.

— Позвольте, — мгновение, и выдвинул верхний ящик.

— Благодарю вас.

— О, не надо благодарностей. Профессиональная помощь. Как коллега — коллеге. Не за что меня благодарить.

Следующие полчаса она работала не покладая рук, отбирала документы из ящиков стойки, стола Тавистока, некоторых незапертых бюро в офисе. Пропускала все документы через ксерокс, потом возвращала оригиналы на прежнее место. Тем временем ее приятель-взломщик обследовал столы в офисе. Он определенно не торопился, и ей пришлось в голову, что он специально тянет время, чтобы не закончить раньше нее.

Изредка она поглядывала на него, однажды он перехватил ее взгляд, улыбнулся и подмигнул, а она почувствовала, что краснеет.

Мужчина-то интересный. Да еще такой обаятельный. Уж конечно, не страшный. И не тянул он на преступника. Речь образованного человека, утонченный вкус в одежде, безупречные манеры...

Боже, о чем она думает?

Закончив, она сложила копии документов, стопка получилась с дюйм, в конверт из плотной бумаги. Надела пальто, сунула папку под мышку.

— Какая вы аккуратная, — отметил он. — Все положили, откуда брали. Мне это нравится.

— Вы ведь такой же, не так ли? Даже запираете за собой открытые замки.

— Это не трудно. А смысл есть. Если после себя не оставлять бардака, многим требуются недели, чтобы понять, что их ограбили. Чем больше проходит времени, тем меньше шанс, что кто-то сообразит, чьих рук это дело.

— А я-то подумала, что аккуратность у вас врожденная.

— Так оно и есть, но для профессионала это только плюс. Разумеется, ваша аккуратность служит той же цели, не так ли? Они никогда не узнают, что вы побывали здесь этой ночью, тем более, что вы с собой ничего не взяли. Только копии.

— Совершенно верно.

— Кстати, о копиях, почему бы вам не положить их в мой кейс? Тогда никто не заметит, что вы выносили их из здания. Я гарантирую, этот парень внизуотреагирует разве что на землетрясение силой в семь баллов по шкале Рихтера. Бессмысленное внимание к мелочам позволяет мне заниматься любимым делом вместо того, чтобы штамповать пластины для номерных знаков или шить мешки, находясь на государственном обеспечении. Вы готовы, Элайн? Или хотите бросить прощальный взгляд, посидеть, вспоминая былое?

— Прощальный взгляд я уже бросила. И все помню.

Он открыл дверь, пропустил Элайн вперед, выключил свет и закрыл за собой дверь. Пока она запирала замок, снял резиновые перчатки и положил в кейс, где уже лежал конверт с копиями документов. Бок о бок они направились по коридору к лифтам. Ее шаги отдавались гулким эхом. Его мягкие подошвы не издавали ни звука.

У лифтов остановились, в молчании ждали, пока поднимется кабина. "Мы встретились, как воры в ночи, — подумала она, — а теперь разойдемся, как в море корабли".

Прибыл лифт, они вошли в кабину, спустились вниз. Охранник взглянул на них, не узнавая, не проявляя к ним ни малейшего интереса.

— До свидания, Эдди, — попрощалась она. — Все нормально?

— Да, пока, — буркнул он.

Ниже ее записи в книге появились еще три, то есть три человека вошли в здание после нее. Она расписалась в графе ухода, взглянув на часы, поставила время: 1-56. Наверху она провела больше полутора часов.

Снаружи их встретил холодный ветер. Она повернулась к Берни, посмотрела на его кейс, и вдруг вспомнила своего первого кавалера в школе, который носил ее книги. Она, конечно, могла и сама носить их, точно так же, как ей не составило бы труда пронести конверт с документами мимо Эдди Орлиного Глаза.

Однако это приятно, когда твои книги несет кто-то другой.

— Что ж, я, пожалуй, возьму мои бумаги и...

— А куда вам?

— На Семьдесят шестую улицу.

— Восточную или Западную?

— Восточную, но...

— Я вас подвезу. — Он уже стоял на бордюрном камне с поднятой рукой. Такси появилось, как из-под земли, а мгновением позже он открыл для нее дверцу.

Она скользнула на заднее сиденье.

— Семьдесят шестая улица, — сказал он водителю. — И?

— Лексингтон.

— Угол Лексингтон-авеню, — добавил он.

Мысли у нее путались, ее просто засасывало в омут. Она вдруг превратилась в школьницу, в девушку, попавшую в передрягу, вроде Грейс Келли в фильме Хичкока. Когда они подъезжали к перекрестку, она указала на дом, и Берни наклонился вперед, чтобы подсказать водителю, где надо остановиться.

— Поднимитесь на чашечку кофе?

Эту фразу мысленно она повторяла всю дорогу.

— Да, — ответил он. — С удовольствием.

Она внутренне напряглась, когда они подходили к швейцару, но тот показал себя истинным джентльменом. Не поприветствовал, обратившись по фамилии, просто открыл и подержал дверь, пока они пройдут, после чего пожелал ей и ее спутнику доброй ночи. Наверху она едва не попросила Берни открыть дверь без ключа, но решила, что нет нужды подчеркивать собственную уязвимость. Сама отперла несколько замков.

— Я приготовлю кофе... А может, что-нибудь выпьем?

— Не откажусь.

— Виски? Коньяк?

— Коньяк.

Пока она наполняла бокалы, он прошелся по гостиной, всматриваясь в картины на стенах, задерживаясь у книжных полок. Обычное поведение гостя, но этот гость был преступником, поэтому она решила, что он просто оценивает ее имущество. Скажем, акварель Шагала, перед которой он остановился. Она заплатила за нее на аукционе пятьсот долларов. Теперь цена поднялась как минимум втрое.

Конечно, в ее квартире он мог бы добыть куда больше, чем в офисе "Тависток корпорейшн".

Понятное дело, он не мог этого не понимать.

Она протянула ему бокал с коньяком.

— За криминальную деятельность, — провозгласил он тост, и она подняла свой бокал. — Я отдам вам бумаги, пока не забыл.

— Хорошо.

Он открыл кейс, протянул конверт. Она положила бумаги на кофейный столик, с бокалом коньяка прошла к окну. Мягкий ковер отменно глушил шаги, не хуже мягкой подошвы.

"Тебе нечего бояться, — сказала она себе. — И ты не боишься, ты..."

— Вид впечатляет, — он подошел вплотную.

— Да.

— Вы могли бы видеть отсюда окна своего офиса, если бы не то здание.

— Мне уже приходила в голову такая мысль.

— Прекрасно. — Его руки обняли ее, а губы коснулись шеи. — Элайн белокурая, Элайн ослепительная, лилия Астолата*, — губы ухватили мочку уха. — Но тебе, наверное, постоянно это говорят.

— О! Не так, чтобы часто. Гораздо реже, чем ты думаешь.

Он ушел, когда небо только начало светлеть. Она полежала несколько минут, потом поднялась, чтобы закрыть за ним дверь.

И рассмеялась, обнаружив, что дверь он запер без ключа.

Она не спала чуть ли не сутки, но не испытывала усталости. Сварила кофе, налила в чашку, села за кухонный стол, пролистывая копии документов, которые принесла из офиса. До нее вдруг дошло, что без помощи Берни до многих она бы не добралась. К примеру, не сумела бы открыть ящики стойки в кабинете Тависток.

"Элайн белокурая, Элайн ослепительная, лилия Астолата".

Она улыбнулась.

В начале десятого, не сомневаясь, что Дженнингс Кольярд на рабочем месте, она набрала его прямой номер.

— Это Андреа. Мы и мечтать не могли о таком успехе. У меня копии маркетингового плана Тависток на осень и зиму плюс полдюжины отчетов по испытаниям, а также очень любопытная новость. Если Джордж Тависток в своем кабинете, то сейчас он читает заявление Лилии Астолата.

— Кто это, Андреа?

— Элайн Холдер. Вчера вечером она собрала вещи и оставила прощальную записку. Я подумала, что тебе захочется узнать об этом первому.

— И ты, разумеется, права.

— Я бы пришла на работу, но совсем вымоталась. Хочешь прислать курьера?

— Уже посылаю. А ты поспи.

— Есть у меня такое желание.

— Ты отлично потрудились, Андреа. И будешь вознаграждена.

— Я на это надеялась.

Она положила трубку, вновь подошла к окну, посмотрела на городскую панораму, вспоминая ночные события. Все прошло прекрасно, а не повезло только в одном: она пропустила фильм с Кэри Грантом.

Но его скоро покажут вновь. Фильмы Хичкока крутят часто. Должно быть, людям они нравятся.

Перевод с английского **Виктора Вебера.**

* Речь идет о персонаже цикла поэм А. Теннисона "Королевские идиллии" (1859).

Хроника одной не- счаст- ливой квартиры

■ Все крупные состояния делаются нечестным путём. Эту аксиому в перестроечные и постперестроечные времена выстрадали многие наши соотечественники, но, к сожалению, даже незначительные денежные обогащения отдельных расторопных граждан, мягко говоря, находятся в диссонансе с многочисленными Российскими законодательствами. И грань между противоправными действиями и законом размывается так хитро и творчески, что даже опытным профессионалам распутать клубок противоречий несказанно тяжело. Что уж тут говорить о нравственной стороне явления.

Ольга Петровна Колесникова является счастливой обладательницей двухкомнатной квартиры, оставшейся ей по наследству от мамы. И как всякий разумный человек, которому повезло обзавестись лишней жилой площадью в столице, после долгих раздумий и сомнений, советов бывалых друзей и просто знакомых, решила по-

пробовать заработать отнюдь не лишние деньги в качестве арендодателя.

Ольга Петровна знала совершенно точно, что квартиру необходимо сдавать одинокой бездетной паре, преимущественно москвичам, и ни в коем случае не гостям с Кавказа, что надо брать деньги вперёд за три месяца и регулярно проверять оплату телефона за междугородние переговоры. Отключать пресловутую восьмёрку она не захотела, так как при её наличии квартиры сдавалась быстрее и немного дороже, да и беготня по телефонным станциям внушала отвращение. Не лучше ли найти порядочных арендаторов? Ведь сдают же люди квартиры очень выгодно и без печальных последствий!

Одним словом, квартира была подготовлена к сдаче внаём с обыкновенным тривиальным набором удобств: телефон, холодильник, телевизор и минимум недорогой мебели. Ольга Петровна оценила свою двушку в четыреста долларов и была согласна, при наличии презентабельных съёмщиков, сговориться на триста пятьдесят. И считала себя достаточно юридически подкованной и защищённой, чтобы не попасться на удочку доморощенных и нагловатых маклеров, всюду рышущих в поисках лёгкой наживы, тем более что решила иметь дело с фирмами, зарекомендовавшими себя только с положительной стороны.

Позвонив в несколько фирм по газете объявлений, известной и авторитетной в столице, рассказав диспетчерам о метраже, удалённости от метро, коммунальных удобствах, вида из окна и отсутствии вредных соседей, Ольга Петровна приготовилась подождать какое-то время. Каково же было её удивление, когда по-пионерски звонкий мальчишеский голос радостно сообщил, что сейчас с ней будет разговаривать ведущий маклер фирмы, имеющей офис в центре и полу-

чившей лицензию на операции с недвижимостью. Не успела она опомниться, как теперь уже представительный мужской голос вежливо попросил высказать свои пожелания в отношении будущих жильцов. Разговор зашёл даже о домашних животных кошачьей породы, обязательной ежемесячной дате платежа за квартиру и наличии ярко горящей лампочки на лестнице у мусоропровода. Ольга Петровна медленно приходила в восторг, но в конце диалога поинтересовалась: как же всё-таки звучит название столь удивительной фирмы, и ещё заикающимся голосом что-то проговорила про гостей из ближнего зарубежья. Фирма оказалась не из газеты, но по словам ведущего маклера, настолько уважаемой и известной, что подвергать сомнениям её репутацию было бы просто нелепо. А гости с юга?

Фирма крайне щепетильно относится к пожеланиям хозяев и работает только с порядочными клиентами и, разумеется, преимущественно с москвичами! И многие состоятельные люди нанимают маклеров этой фирмы для более серьёзных операций с недвижимостью, таких как дарение, купля или продажа, так что волноваться абсолютно не следует, когда речь идёт о таком пустяке, как аренда жилья!

Через полчаса Ольга Петровне позвонила вежливая девушка и сообщила, что постояльцы найдены, согласны платить за три месяца вперёд, являются благонадёжными людьми и уже согласны снять её квартиру, так как жильё идеально подходит им из-за близости к офису фирмы, где и работают замечательные арендаторы. Вот это сервис! — подумала Ольга Петровна, и последние её сомнения развеялись, как дым в ветреную погоду.

На следующий день, вместе со своим зятем (с женщиной как-то спокойнее) Ольга Петровна, прихватив документы на квартиру, паспорт и запас-

ные ключи, ждала на своей территории будущих жильцов. Звонок в дверь раздался резко и неожиданно.

На лестничной площадке стояли мужчины и девушка. Девушка сразу представилась маклером фирмы, она обаятельно улыбалась и излучала уверенность, всем своим видом демонстрируя недюжинные способности доморощенного психолога. За её спиной Ольга Петровна увидела двух мужчин, один из которых являлся ярким представителем кавказской национальности, а другой имел внешность неприметную и маленькие цепкие серые глаза.

Не успела Ольга Петровна как-то среагировать, как тройца уже была в квартире, наполнив прихожую запахами дорогого одеколона и женских духов. Девушка, которую звали Лена, тут же торжественно представила мужчину хозяйке квартиры. Ашот Гиязович оказался директором какой-то крупной фирмы, производящей кондитерские изделия, а также председателем акционерного общества, и, кажется, не единственного. Сергей Бейранович, другой мужчина, являлся, соответственно, заместителем своего директора и вице-президентом ещё чего-то крупного и необыкновенно важного.

Одеты мужчины были, по мнению Ольги Петровны, более чем хорошо. Длинные пальто из дорогого импортного кашемира, белые нарядные сорочки, красивые галстуки и чистые блестящие ботинки. Они вежливо улыбались.

Лена тут же стала доказывать юридическую состоятельность клиентов, демонстрируя какие-то рекомендательные письма, заграничные паспорта и другие документы. Она обращала внимание Ольги Петровны на круглые печати, подписи важных начальников и несколько раз намекала, весьма непростречно, что хозяйке повезло, дескать, таких респектабельных постояльцев не сильно-то заманишь в

спальный район в обыкновенную двухкомнатную квартиру.

Ольга Петровна сначала растерялась, но голос маклера звучал так убедительно, различные документы выглядели так правдоподобно, а гости казались такими богатыми, что хозяйка почувствовала даже некоторый стыд за убогость своего жилища. Если бы Ольга Петровна была повнимательней, то заметила бы, что на рекомендательных письмах будущих жильцов стоят те же печати, что и в удостоверении маклера Лены. А многие подписи являются просто цветной ксерокопией. Зять Ольги Петровны стоял в проёме комнатной двери и с удивлением хлопал глазами, ему было, в общем-то, всё равно, никакую юридическую поддержку тёще он оказывать не собирался.

Когда гости стали осматривать квартиру, Ольга Петровна, выбрав момент, громко и как-то неловко зашептала про свои пожелания в отношении национальности. Лена сделала круглые глаза. В течение нескольких минут хозяйка поняла, что не права, подозрительна, да и просто глупа! А через десять минут на кухне состоялся торг. Окончательно подавленная Ольга Петровна согласилась на триста пятьдесят долларов, предоплату получила только за один месяц, совершенно забыла про междугородние разговоры и, поставив подпись под договором, была вежливо выжата в прихожую. Тут она поняла, что квартира сдана, надо отдавать ключи, и как это бывает со многими людьми, стала себя успокаивать тем, что всё уже позади, обратного хода нет, да и жильцы деньги заплатили, тем более в валюте.

Домой шли молча, Ольга Петровна была зла на своего зятя, по её мнению, он не проявил мужских качеств характера и вообще, всё в жизни приходится решать самой!

Проблемы начались через три недели. Сначала Ольга Петровна узнала

о крупной сумме, которую она должна заплатить за междугородние переговоры. Она позвонила своим постояльцам, там никого не оказалось, а рабочих телефонов жильцов у неё не было.

Еле дозвонившись вечером, она услышала недовольный мужской голос: "Конечно, заплатим! Нечего волноваться! Не мешайте работать!" И трубку просто бросили. Потом ей позвонила соседка и рассказала, что по вечерам в квартире раздаётся громкая музыка, визг девиц, громко хлопает дверь, большое количество народа курит на лестничной площадке, а по утрам мусоропровод и прилежащее к нему пространство завалены грудами бутылок и окурков. Ольге Петровне было очень неприятно, факт сдачи квартиры она хотела скрыть от многочисленных соседских глаз и надеялась на это, мечтая об одинокой москвичке или бездетной паре, которых она выдаст за дальних родственников.

Ещё через десять дней пришли повторные счета на телефон, и пришлось деньги платить самой. Каково же было удивление Ольги Петровны, когда она, заплатив телефонный долг, узнала о том, что за эти десять дней количество переговоров возросло втрое! Надо было оплачивать и эти счета. Практически все деньги, полученные в качестве предоплаты, ушли на оплату междугородних переговоров с какими-то городами, имеющими странные незнакомые названия.

Когда подошло время месячной оплаты за квартиру, Ольга Петровна не смогла дозвониться до своих постояльцев, а ехать и стоять под дверью она стеснялась и злилась на себя за собственную бесхребетность и непрактичность. Дозвонившись через четыре дня, она долго выговаривала про необходимость оплаты за квартиру и междугородние переговоры. Её монолог беспардонно прервали, просто бросив трубку. Ольга Петровна поня-

ла, что никто ей ничего не заплатит, и действительно испугалась, так как события принимали самый неприятный оборот. Жаловаться в милицию было не просто бесполезно, а даже опасно, ведь она не платила налог государству с суммы, причитающейся ей за сдачу своей жилплощади, следовательно, действовала незаконно. Когда душевная тревога достигла невероятных размеров, Ольга Петровна решила позвонить на фирму, с помощью которой она нашла своих арендаторов. В договоре под круглой печатью значился телефон секретаря фирмы, его-то и набрала незадачливая хозяйка. Она долго рассказывала незнакомому мужчине про свои проблемы и изумверскую наглость постояльцев. Но мужчина воспринял это совершенно обыденно, и министерским тоном поведал Ольге Петровне о том, что его фирма не несёт ответственности за поведение арендаторов и помочь ничем не может. Вконец расстроенная хозяйка начала всхлипывать и причитать, что делать дальше и как искать выход из положения, она не знала. Тут мужской голос проникся некоторым сочувствием:

— Конечно, мы сможем помочь, наша фирма имеет хорошие связи в различных силовых структурах и солидную юридическую поддержку, но это, к сожалению, будет не бесплатно, и как вы понимаете, это не телефонный разговор.

Прихватив договор, паспорт и все деньги, имеющиеся в наличии, включая крупную сумму на покупку стиральной машины и нового холодильника, Ольга Петровна помчалась по указанному ей адресу. Офис фирмы оказался не в центре, а в четырёх остановках от предпоследней станции метро. Когда она буквально ворвалась в дверь двухкомнатной квартиры на первом этаже и в очередной раз расплакалась, то неожиданно для себя обнаружила со стороны обитателей

офиса, просиживающих за тремя мониторами, необыкновенное сочувствие. Её напоили кофе, долго успокаивали и рассказывали такие страшные вещи про сдаваемые квартиры, что история самой Ольги Петровны показалась незначительной и вовсе не безнадежной. Потом её пригласили во вторую комнату, где пожилой мужчина с очень приятной внешностью назвал сумму, за которую он готов был помочь. Она равнялась пятистам долларам. И это уже не показалось Ольге Петровне страшной цифрой, она так хотела обрести внутренний покой. На вопрос о том, какими методами будет осуществляться помощь, мужчина улыбнулся и сказал, что лучше в это дело ей не вникать. Разумеется, все произойдет быстро, и он, конечно, позвонит, когда приехать за ключами, а работники фирмы, дабы испугать своей непрофессионализмом, тут же подыщут ей новых жильцов. И теперь уж точно москвичей, и даже бездетных. Но это при условии, что Ольга Петровна не будет обращаться в другие фирмы, а в противном случае всё предприятие остаётся под большим вопросом.

Мужчина не обманул. Через три дня Ольга Петровна с помощью возвращённых ключей вошла в свою несчастливую квартиру. Разгром и бардак были просто ошеломляющими! Все выходные ушли на то, чтобы привести жилище в божеский вид. И всё время Ольгу Петровну терзала мысль, на какую сумму успели наговорить по телефону съехавшие с квартиры жильцы за прошедшую неделю.

Новые постояльцы были найдены через несколько дней. Ими оказалась настоящая семья бездетных москвичей. Наконец-то Ольга Петровна заснула спокойно. Как женщина, верящая в судьбу, она понимала, что два раза одна и та же неприятность не случается.

Долг за междугородние переговоры был заплачен, а восьмёрка отклю-

чена. Новые жильцы оказались людьми порядочными и аккуратными.

И конец этой истории можно было бы назвать удовлетворительным. Но через месяц спокойной жизни Ольге Петровне позвонил участковый и поинтересовался её новыми арендаторами. В конце разговора блюститель порядка намекнул о беспорядках, творившихся в квартире и на лестничной площадке примерно месяц назад, и с многообещающей интонацией спросил о взаимоотношениях Ольги Петровны с налоговой полицией...

Мораль данного повествования совершенно прозрачна, в отличие от запутанных действий его героев. Если хочешь жить спокойно, поступай законно, и тогда те, кто охраняет закон, встанут на твою защиту, а те, кто захотят его нарушить, будут преследоваться. В этом и состоит сущность правового государства и демократического общества. Сколько же надо времени, слёз и нервов, чтобы понять и выстрадать эту простую истину?

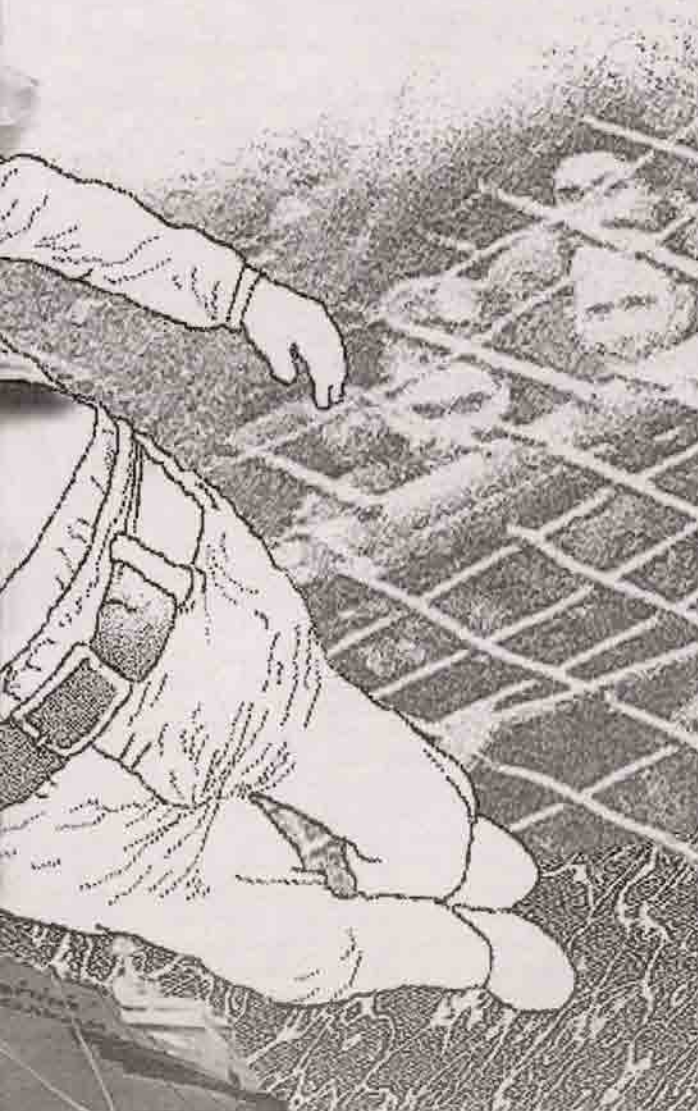
И сколько таких, как Ольга Петровна, позволяют проходимцам всех мастей и масштабов делать нашу жизнь невыносимым притоном обмана, лжи и унижения?

Когда же мы это поймём? ■

иллюстрации **Алексея Остроменцкого**

Кто убил Лию Кац?

Вечер, наполненный запахами набирающего силу июня, был похож на театральную декорацию начала прошлого столетия: кусочек моря, угол старинного, некогда купеческого дома, булыжная мостовая, стекающая с холма вниз между небольшими домиками городского "частного сектора".

Невероятные истории о майоре Пластовце

Рыбацко-туристическая фелюга с треугольным парусом как бы застыла на волнах моря, видимого в просвете между особняками жлобовато-уютного мира обывателей. Среди крепко держащихся за землю фундаментами домов на Канатной улице выделялась трехэтажная архитектурная прихоть новомодного достоинства. Сложно-дорогое сочетание грузинского, швейцаро-замкового стиля с неуместным японо-русским акцентом.

Этот дом принадлежал Илье Ивановичу Седову, высокому, с аристократической сединой мошенику.

Мошеник он был не простой, а с большой буквы.

В данный момент Илья Иванович стоял на открытой террасе второго этажа и разговаривал с соседом через забор.

— Тебя еще не посадили, Иваныч? — интересовался у Седова тридцатилетний браконьер и ближайший его друг Петр по кличке "Клим". Он сидел во дворе на желтой низенькой скамейке и штопал протянутую от забора к углу дома сеть. — Ты бы лучше вширь и вглубь, а не ввысь дом строил, а то за километр видно, по ком тюрма плачет.

У самого Клима дом был кирпичный, одноэтажный и длинный, как амбар, на мощном каменном фундаменте. По всему двору развешаны рыбацкие сети, а под навесом в дальнем углу стояли два автомобиля: грузовик "татра" с деревянным самодельным кузовом и микроавтобус "Газель". К стене дома был прислонен велосипед, который заменял Петру легковой автомобиль для "выезда в свет".

— Да пошел ты, — огрызнулся Илья Иванович, сплевывая вниз. — Советчик по уши в мазуте. Катер у тебя на ходу?

— У меня все на ходу. — Челнок с шелковой нитью так и мелькал в руке Клима. — Работа появилась, или что?

— Скучно, вот что, — непонятно ответил Илья Иванович и широко зевнул.

— Вам здесь не скучно?

Со двора, примыкающего к дому Ильи Ивановича, в заборе отодвинулась в сторону доска, и через образовавшийся проем во двор Седова проник молодой человек с лицом готового к любым неожиданностям любимца женщин. Он был похож на юного Алена Делона, волею судьбы родившегося в России.

— Артем, я в твои годы через заборы перепрыгивал. Зачем доску отломал?

— Рыбак, — ослепительно улыбнулся юноша, — я потрогал пальцем, а она не прибила, вот и решил через твой двор к Петру зайти, здоровьем поинтересоваться.

— Клим, к тебе Джерджик идет. — Илья Иванович произнес "о" как "ё", с особым южным ударением на первом слоге — Джёрджик...

Глава первая

Выйдя из подъезда своего дома, майор Пластовец по привычке проверился — направо, налево, никого и ничего подозрительного нет, можно идти. Привычка была оправданной и даже обязательной, пренебрежение ею могло стоить жизни. История дома, в котором жил майор, знала такие примеры. Построили его военнопленные немцы в тысяча девятьсот сорок седьмом году для старшего офицерского состава НКВД. На фасаде, между вторым и третьим этажами, имелась небольшая выбоина. В тысяча девятьсот пятьдесят шестом, по рассказам старожилов, по дому выстрелил из сорокапятика лейтенант, проходивший службу в дислоцированной в то время не-

подалеку батарей. Снаряд отколоштел от стены и взорвался, убив сторожа лодочной станции, плещущегося невдалеке. Говорят, что лейтенант мстил якобы за своего отца, умершего в тюрьме, запретка которой располагалась ровно в трехстах шагах от подъезда дома. Дом принадлежал тюрьме, то есть в нем жил старший и средний административный состав исполнительной тюрьмы регионального значения.

В 1965 году отец майора Пластовца, назначенный замначальника тюрьмы, получил здесь большую четырехкомнатную квартиру. Действительно большую: сто двадцать квадратных метров жилой площади с высокими потолками, свойственными сталинской эпохе.

Сам майор никогда не работал внутри пенитенциарной системы, являясь сыщиком уголовного розыска, но он был сыном своих родителей — отца, бывшего начальника тюрьмы, и матери, бывшей начальницы тюремной спецчасти, похороненных на неподалеку расположившемся кладбище.

Отца застрелили десять лет назад его бывшие подопечные, когда он возвращался с рыбалки домой, а мать не пережила его гибели.

Раз в месяц майор приносил цветы в оградку родителей.

Одним словом, специфические жильцы дома считали майора своим и по крови, и по духу. И когда он два года назад привел в квартиру на втором этаже Катю, жену, с которой познакомился на областных соревнованиях по прыжкам в воду, ее тоже приняли как свою.

Майор Пластовец на первый взгляд казался не просто заурядной личностью, а эталоном заурядности. Невысокий рост, серые глаза, белесые, с рыжиной, волосы, лицо, уходящее куда-то в сторону от запоминания, отсутствие вкуса в одежде, лениво-скептическое отношение к окружающим его ситуациям. Словом, обыкновенный тридцатипятилетний провинциальный сыщик уголовного розыска с крепкими и государственными представлениями о месте тюрьмы в человеческом обществе.

Но уже на второй, более внимательный, взгляд в заурядности майора начинало проглядываться что-то неуловимо маскировочное, прикрывающее какую-то природную и не до конца понятную насмешливость, сквозь которую пробивался оригинальный свежий ум.

И только на третий взгляд можно было понять, что майор Пластовец имеет нежную, отзывчивую и, по большому счету, поэтическую душу. А иначе как можно объяснить поступок Екатерины Мельник, восемнадцатилетнего мастера спорта по прыжкам в воду, самой красивой девушки сборной России, которая сразу же, после того как майор Пластовец, расследующий кражу ее сумочки с документами из гостиничного номера, посетовал, что у него никогда не будет такой жены, согласилась стать ею?

Если прибавить к этому, что Катя Мельник — единственная и любимая дочь одного из трех владельцев всего гостиничного разнообразия городов Сочи, Анапы и Новороссийска и владелица коттеджа возле теплого моря в районе Большого Сочи, то само собой возникает четвертый взгляд на майора Пластовца: или в майоре глубоко заложена некая жизненная перспектива, или Катя Мельник сумасшедшая.

Войдя в управление внутренних дел, майор Пластовец сразу же столкнулся с начальником. По коридору навстречу ему шел полковник Алябьев и радостно, но с каким-то скрытым злорадством, улыбался.

— Повезло тебе, майор! — По лицу Алябьева нельзя было определить степень майорского везения, и поэтому Пластовец напрягся. — Так как ты наиболее опытный оперативник нашего управления, я прикрепил к тебе напарника, стажера, так ска-

зять. Парню двадцать пять лет, и ты, майор, должен сделать из него хорошего оперативника.

— Из дурака, худо-бедно, еще можно сделать умного, но хороший оперативник далеко не из каждого умного получится.

— Иди, — махнул рукой Алябьев, — он тебя в твоём кабинете ждет. Фамилия у него запоминающаяся — Грин, а имя так вообще — Александр. Зато отчество не подкачало — Иванович.

— Ну раз так, то прямо сейчас и пошлю его на Розу Люксембург, пусть обойдет шестнадцатизажку напротив "Бегущей по волнам", опросит жильцов, а я в гостиницу пойду, может, кто-нибудь что-нибудь интересное видел.

— А что на Роточке произошло? — вяло поинтересовался Алябьев. — По сводке, вроде, ничего нет...

— Петр Алексеевич, — из своего кабинета вышел начальник следственного отдела Бутусов, — подозрительное, чреватое скандалом самоубийство на Розе Люксембург. Сам Боцмен из окна своей гостиницы с десятого этажа выпрыгнул, а это как-то не вяжется с его характером.

— Боцмен! А когда это стало известно?

— Только что, — доложил Бутусов. — Дежурный позвонил две минуты назад. Боцмен еще летел к земле со своего десятого этажа, а его подружка Лиля Кац уже в "02" позвонила.

— Это хорошо, — непонятно выразился Алябьев и с негодованием посмотрел на Пластовца. — Опять ты, Василий, опережаешь события. То ли предугадываешь их своей интуицией, то ли накаркиваешь. Хотя, конечно, с Боцменом у тебя удачно вышло, так что и занимайся причинами, приведшими его к прыжку.

— Точно, — обрадовался Бутусов. — Гению гениево, а у следственного отдела своих дел по горло. Петр Алексеевич, — обратился он к Алябьеву, — раз этим будет наш уникам заниматься, то я как бы забываю о самоубийстве?

— Можешь забывать, — пожал плечами полковник. — Я тебе все равно через десять минут на планерке напомню. А ты вот не забывай, — он строго посмотрел на Пластовца, — тебя в кабинете стажер поджидает.

В управлении внутренних дел у майора Пластовца было особое место — свой личный кабинет. Он, конечно, допускал туда поработать с задержанными и подозреваемыми других оперативников, более того, они у него особо и не спрашивали, но сам факт официальной принадлежности кабинета ему лично — нравился майору.

Начальство хотя и ценило Пластовца, но как-то периодически и нервно. То ценило, то собиралось уволить. В первом случае это выражалось в том, что он появлялся дома лишь тогда, когда его призывала Катя. А во втором случае он писал заявление об увольнении по собственному желанию и нес Алябьеву, тот аккуратно рвал его на четыре части и возвращал Пластовцу. На этом все и заканчивалось — майор вновь дневал и ночевал на службе...

— Ну что, Грин, — вошел в кабинет Пластовец, — будем работать?

Он поднял глаза, и рука его против воли потянулась к оружию в подмышечной кабуре. Сбоку его стола сидел классический урка. Впалые щеки, сутулость, манера сидеть и вообще все, хорошо знакомое каждому оперативнику, говорило о том, что в кабинете майора Пластовца сидит объект его работы. При виде майора парень встал, и Пластовец увидел, что руки у него в татуированных перстнях на большинстве пальцев, а кисть правой руки украшала надпись "Зло", что в переводе с тюремного означало "За все легавым отомщу".

— Здравствуйте, — смущенно поздоровался "урка" и поспешно объяснил: — Меня к вам в ученики приставили.

— Ну что ж, — решил не обращать внимания на татуированные пальцы ученика майор Пластовец, — давай знакомиться. Я Василий Иванович, майор, твой начальник, наставник и вообще беспрекословный авторитет. А ты — мой бесправный ученик и вообще просто Саша. Теперь в двух-трех словах о себе, и начнем работу, дел по горло.

— Меня, — смутился напарник, — пять лет назад из университета выгнали.

— Это понятно, что выгнали, непонятно только, как тебя туда приняли. Пять лет назад, — хмыкнул майор.

— После этого я состоял в бригаде, — ничуть не смутился "ученик", — угонял машины в Европе и перегонял в Россию.

— Уже интересно, — похвалил его Пластовец. — Был внедренным агентом?

— Нет, угонял по-честному, деньги требовались.

— Ага, — майор присел на стул для допрашиваемых "посетителей", — с тобой все интереснее разговаривать, давай дальше.

— Дальше меня второй раз, после восстановления, выгнали из университета, — стажер улыбнулся каким-то своим воспоминаниями, — и я стал работать в бригаде профессиональных квартирных воров, курочили во время дачного сезона московские квартиры.

— Опять по-честному? — возмутился Пластовец, поднимаясь со стула и направляясь к ученику. — Опять деньги понадобились?

— Нет, — отрицательно покачал головой Грин. — Был внедренным агентом. Три бригады шниферов, двенадцать человек на нары отправил. А полтора года назад меня снова выгнали из университета, и я занимался транспортировкой наркотиков из Латинской Америки в Россию и Прибалтику, через Калининградский и наш порты. Кстати, знаком по оперативным сводкам с местным предпринимателем Боцменом, его "Джузеппе Гарибальди", отель-теплоход, предположительно замазан наркотиками, но фактов нет.

— Ну! — хмыкнул Пластовец. — Уточняй!

— Само собой агентом, — втянул голову в плечи Грин. — Три тонны кокаина не дошли к питерским и нашим барыгам.

— Я не про это! — гневно посмотрел на него Пластовец. — Опять в университет поступать будешь?

— Нет! Никогда больше!

Так в жизнь и службу майора Василия Пластовца вошел лейтенант Александр Грин.

Глава вторая

Илья Иванович Седов, в белых штанах с манжетами и в белой рубашке с короткими рукавами, вышел через калитку на Канатную улицу и неспешной походкой направился в сторону яхт-клуба. Если быть точным, то Илья Иванович шел послушать новости в алкогольно-развлекательный бар "Единорог", расположившийся неподалеку от яхт-клуба, моря и центра города. Подъезжать к "Единорогу" на автомобиле, тем более на таком дорогом серебристом "линкольне", как у Ильи Ивановича, было бы чистой воды пижонством, которое Седов не позволял себе вне работы.

В "Единороге" собирались уважаемые и солидные люди, представители криминальной интеллигенции, преступного дворянства, мошенники высокого

класса, виртуозные и вежливые изыскатели кровных денег у разбогатевшей части российского населения: карточные шулеры, нотариальные кидалы, брачные аферисты...

В этот день на прогулку к "Единорогу" Илья Ивановича подвигла необходимость узнать подробности о смерти Боцмена: или он действительно сам выпрыгнул из окна, или, что в корне меняло дело, его выбросили. Когда до кафебара оставалось не более пятидесяти метров, Седов свернул на боковую тропинку и пошел в обратную сторону. Два зарешеченных милицейских автобуса, стоявших возле бильярдной террасы, подсказали ему, что в "Единороге" делать нечего.

— Илья Иванович! — Из-за кустов жасмина на тропинку к Седову вышел майор Пластовец. — Это не ты, случайно, Боцмена из окна выбросил? Если ты, то я прощаю тебе аферу с турками, которую ты и Джёрджик провернули этой весной.

"Значит, и менты не верят, что Боцмен сам выпрыгнул", — подумал Илья Иванович, а вслух категорически произнес:

— Нет, не я. — И аккуратно, чтобы не зацепиться за куст, обойдя майора, пошел дальше.

— Нашел чем хвастаться, — хмыкнул ему в спину Пластовец. — Некоторых людей просто необходимо иногда выбрасывать из окон. Смотри, осторожно на повороте, там "Водоканал" вчера вечером траншеей под трубу вырыл, — предупреждающе крикнул он, но опоздал.

Илья Иванович взмахнул руками, выматерился и, рухнув на дно канавы, понял, что в худшем случае сломал, а в лучшем вывихнул ногу.

— Да-а, — подошел к траншее майор и, присев на корточки, стал чесать затылок, разглядывая матерящегося на дне Илью Ивановича. — Я-то думал, что пошутил насчет траншеи, а оказалось, что и впрямь вырыли. Ты не знаешь, Иванович, — он участливо смотрел на Седова, — зачем "Водоканалу" здесь труба нужна, неужели они хотят воду из моря прямым ходом в городской водопровод направить? А Турцию я все равно вам прощаю, слишком уж красиво и весело вы это некрасивое дело провернули. Ну ладно, — энергично поднялся с корточек майор и посмотрел на часы, — пойду пообщаюсь с твоими корешами "единороговыми", аферюгами кондовыми, а ты кричи погромче. Тут полно отдыхающих бродит, скоро подойдут к тебе и выручат из беды...

Уголовный розыск желал того же, что и Седов — узнать об истинных причинах гибели Боцмена, но использовал для этого, в отличие от Ильи Ивановича, другие методы.

Задержанных в "Единороге" было тридцать человек. После выполнения обычных при задержании и доставки в отделение процедур, двадцать человек отпустили, пятерых, как особо выпивших и отгрызающихся при задержании, посадили до утра в камеру. Трое убежали при выходе из автобуса, воспользовавшись организованной остальными задержанными неразберихой и тем, что двор управления представлял собою неогороженный сквер, выходящий на одну из самых оживленных улиц центра города. Одного мелкого, хотя и пожилого, ломщика денег из Казани увезли с сердечным приступом.

Так что для допроса майору Пластовцу и лейтенанту Грину достался всего лишь один человек, у которого был паспорт с петербургской регистрацией на имя Лошкова Петра Афанасьевича.

— Ты Боцмена знал? — сразу же приступил к допросу Пластовец, заводя петербуржца в кабинет. — Только не говори, что первый раз слышишь о таком.

— Первый раз слышу о таком. Я на вас в суд подам за незаконное задержание.
— Нет, ну ты посмотри на него, Грин, — сокрушенно покачал головой Пластовец. — Боцмена не знает, морда, как у переводчика русской поэзии на японский язык, а туда же, в суд. Еще скажи, что ты в "Единорог" чашечку кофе зашел выпить, — возмутился майор.

— Не кофе, а рюмку коньяку. И вообще, вас ждут неприятности. Жена вашего начальника Алябьева тоже Лошакова в девичестве. Она моя родная сестра. Я в гости, к морю, отдохнуть вчера приехал.

— Ага, — медленно проговорил Пластовец и с укоризной посмотрел на Александра Грина. — Ты зачем сюда привел этого Лошакова?

— Да врет он все, — решительно заявил лейтенант и дал подзатыльник петербуржцу. — Алябьева он, видите ли, знает, а Боцмена нет...

— Действительно, — строго посмотрел Пластовец на Лошакова, — почему это вы одного знаете, а другого не знаете? — Не дожидаясь ответа, он снял трубку и позвонил начальнику управления. — Петр Алексеевич, у меня тут Лошаков из Питера, в "Единороге" коньяк в окружении "дворян" распивал, говорит, что он родной брат вашей жены. Что с ним делать? — Примерно через две минуты молчания Пластовец начал удивляться вслух: — Да вы что? Перевел сорок книг русской поэзии на японский язык? С императором Японии за руку? Да нет, без синяков, два дружеских тумака в ходе беседы... Конечно, конечно... Как скажете... Готов и умереть майором, лишь бы под вашим руководством. Молчу, молчу. — Он положил трубку на место, строго посмотрел на Грина и коротко приказал, кивнув на Лошакова: — Влепи ему еще один подзатыльник.

— Это возмутительно! Вы тут все идиоты и садисты! — крикнул Лошаков.

— Все! — одернул его Пластовец. — Извините. Вы свободны, поздравляю. А насчет второго подзатыльника тоже извините. Вы же слышали, как я сказал начальству, что их было два. Не мог же я после этого одним ограничиться. Как вы думаете?

— Ладно, — неожиданно поник головой родственник полковника Алябьева, вставая с табурета для допрашиваемых. — Я пошел. Не поминайте лихом.

Глава третья

— Катя! — Майор Пластовец взглянул на жену и улыбнулся. — Подойди к зеркалу и посмотри на себя внимательно. Я-то знаю, что это не так, но ведь большинство наших знакомых, вернее, незнакомых, считают, что при жене с такой внешностью и физическими данными я просто обязан обрасти пышными, кустистыми, украшенными всевозможными завитушками рогами. Вслух не говорят, но все как один думают.

— Я так не думаю. — Выполняя просьбу мужа, Катя подошла к большому зеркалу и стала рассматривать себя. — Наверняка и вслух где-то говорят. Кстати, это очень полезно для семейной жизни. Я имею в виду не рога, а разговоры. Может, теперь ты чаще будешь проводить время со мной, чем со службой. Как тебе новый напарник Грин? Уже ведь неделю с ним работаешь.

— Перспективный, но дурной. Надо ему псевдоним придумать или закавычить фамилию, как личку.

Майор стоял посередине комнаты в атласных трусах зеленого цвета и в белой майке с цифрой "1" на спине. На правую руку была надета специальная тренерская перчатка "блин", по которой боксеры отрабатывают удары во время тренировки.

— При такой фамилии, — Катя стала подпрыгивать на обеих ногах перед зеркалом, — только один псевдоним и напрашивается.

— Ассоль, что ли? — рассмеялся майор Пластовец. — Не пойдет. Он ни по натуре, ни по физиологии не попадает. Нормальный опер-салага — перспективный, но дурной. Резче, резче!

Элегантно-высокая Катя Мельник тоже была в атласных трусах, но красного цвета, в ярко-желтой майке с цифрой "2" на спине, в белых кроссовках и с черными боксерскими перчатками на руках. Резко выбросив левую руку вперед, она нанесла удар по "блину" на руке мужа, тут же последовал "выстрел" правой рукой, затем серия ударов, левой-правой, левой-правой, снова левой.

— Как дела по Боцмену продвигаются? — поинтересовалась Катя, танцую вокруг мужа. — На похороны пойдешь посмотреть на присутствующих? Он хотя и сволочь, но все-таки уважаемая в своей среде сволочь.

— Он сейчас в морге. А дело никак не продвигается, его закрыли. Хотя убей меня, не могу поверить, что Боцмен самоубийца. Для того, чтобы он добровольно выпрыгнул из окна, его надо ударить по голове железной кувалдой, затем поднять с пола и выкинуть в окно, да и то по дороге может очнуться и ухватиться за какой-нибудь подоконник...

— Понятно. — Катя обняла прикрепленную к потолку и полу грушу, установленную Пластовцом в их спальне. — А зачем ты Седову ногу вывихнул? Он ведь не Боцмен, аферист с понятием. Во всяком случае, мне понравилось, как он сдал в контору по закупке цветного металла две тонны бронзы...

— Катенька, ты прелесть! — Пластовец отжимался от пола у ног супруги. — Если это афера, то тогда я уже не майор, а полковник. Наглец твой Седов, пусть спасибо скажет, что ты не захотела, чтобы я его свинтил на этом деле... Ну все, пошли в душ.

Ванные комнаты в квартирах трехэтажного дома больше подходили для сюрреалистических картин, написанных в инквизиционно-урбанистических тонах: высота три с половиной метра, каменная, не подлежащая демонтажу ванна и блестящие гибкие нити современного душа, "привитого" к латунно-бронзовым стволам труб горячего и холодного водоснабжения. В мраморной ванне свободно могла поместиться целая семья, родители и дети, а если потесниться, то и бабушка с дедушкой.

Майор, с одобрения Кати, вмонтировал в мраморную плитку стен пять черных тотемных африканских масок, купленных в Москве, и сделал голубую подсветку для ванны. Чтобы не тяготиться высотой потолка, он повесил паутину черного цвета с огромным фиолетовым пауком в центре. Паук со стеклянными красными глазами гневно нависал над возлежащими в ванне.

— Мне иногда кажется, — Катя подняла лицо вверх и с нежностью посмотрела на паука, — что он когда-нибудь на меня прыгнет.

— Лишь бы не на меня, — хмыкнул майор. — В конце концов, резиновые пауки не наставляют мужьям рогов.

— В конце концов, да, — рассмеялась Катя и обхватила голову Пластовца обеими руками.

Глава четвертая

Тело Боцмена, то есть сорокалетнего Олега Аркадьевича Берга, лежало накрытое белой простыней, в холодном подвале судебно-экспертного морга при городской больнице и ждало, когда дежурный по моргу патологоанатом вскрыет его, изучит и выдаст резюме для уголовного розыска.

— Ну что вам сказать. — Патологоанатом задумчиво посмотрел на Александра Грина. — Если человек упал с десятого этажа на асфальт, то он сразу же перестает быть человеком, то есть превращается в труп...

— Вы мне, доктор, пожалуйста, балду не пинайте. — Оперативник Грин явно был не в духе. — Лучше выдайте экспертную справку, формальности, знаете ли, а то, что с десятого этажа падают и лежат, я и без вас знаю.

— В таком случае, до свидания, — рассердился доктор. — Я еще, знаете ли, не осуществлял вскрытия.

Патологоанатом схватил не ожидавшего такого напора оперативника за шиворот и вытолкнул из обитых оцинкованным железом дверей морга на улицу, в прибольничный парк. По парку прогуливались в пижамах выздоравливающие пациенты терапевтического отделения. Чуть не упав, размахивая руками, Грин сбежал по крыльцу, едва не сбив с ног старичка в хэбешной синей пижаме с белым воротничком.

— Неудачное вскрытие? — пошутил старичок. — Видимо, вы слишком далеко зашли в своей симуляции, избегая службы в армии, так, что ли?

— Слушай, дед, — оперативник окинул старичка яростным взглядом, — иди, куда шел, то есть прямо и сворачивай.

Грин знал, что говорил. В прямой аллее парка был всего лишь один поворот в сторону улицы, ведущей на кладбище.

До того как упасть с высоты десятого этажа и стать трупом, Олег Аркадьевич был живым человеком, владельцем гостиничного теплохода "Джузеппе Гарибальди", жемчужины городской курортно-туристической инфраструктуры. На теплоходе, классифицирующемся как "люкс-отель с особой спецификой обслуживания", разместились семь номеров "Люкс", три номера "Прима", три "Каюты для новобранцев" и двадцать шесть одно- и двухместных кают обычной круизно-пятизвездочной категории. Кроме "Джузеппе Гарибальди", Олегу Аркадьевичу принадлежали припляжные рестораны в городской черте, кафе, лотки и даже доля с азербайджанской шаурмы и шашлыка. Кроме этого, Бергу принадлежало и то, из чего он выпал, — гостиница "Бегущая по волнам". Одним словом, Боцмен был уголовным авторитетом и, само собой разумеется, богатым человеком.

Уголовный розыск, а если быть точным, глава городского управления внутренних дел, полковник Алябьев, не любил Боцмена по многим причинам, самой основной из которых являлась его весторонняя недостижимость. На него нельзя было воздействовать ни с теневой стороны — он был уголовным авторитетом, ни с официально-политической — он был в хороших, напоминающих дружеские, отношениях с более чем двумя десятками авторитетных и влиятельных политиков как областного, так и федерального уровня. Более того, полковник Алябьев знал, что если Боцмен захочет снять его с должности начальника городского УВД, то он это сделает. Начальство столичного уровня не видело ничего предосудительного в происхождении капитала Олега Аркадьевича.

Если добавить к портрету Боцмена, что ему сорок лет и он слыл ослепительным красавцем голливудского типа, при виде которого юные и неопытные, а также зрелые и опытные женщины тут же принимались искать пути, тропинки и лазейки, ведущие к любвеобильному сердцу Олега Аркадьевича, то становится понятной неприязнь полковника Алябьева к Боцмену. Дочь друга полковника как-то нашла дорогу к сердцу владельца плавучего отеля и ходила по ней больше месяца, пока не стала ходить по рукам его друзей и деловых партнеров.

Одним словом, полковник Алябьев был рад той скорости, с которой Боцмен встретился с землей, падая с десятого этажа двенадцатизэтажного дома. Именно этот

дом и назывался гостиницей "Бегущая по волнам", доход от которой полностью шел в общак, то есть воровскую казну.

Тело Берга, еще даже не изученное патологоанатомом, лежало в морге, а в городе уже начали происходить события, настроившие уголовный розыск на долгие и круглосуточные будни авральной работы. Пока лейтенант Грин добивался "результатов вскрытия" от самолюбивого судмедэксперта, майор Пластовец осматривал место нового преступления, которое имело прямую связь с уже закрытым делом о самоубийстве Боцмена. Лиля Кац, сообщившая в милицию о выпадении своего соседа по постели из окна, сидела перед майором на стуле в кают-номере плавучей гостиницы "Джузеппе Гарibaldi" и была мертва. Об этом свидетельствовали ее изумленные открытые глаза, аккуратное входное отверстие от пули в центре лба и то, что она была крепко-накрепко привязана к стулу тонким электрическим кабелем черного цвета.

— Я точно знаю, кто ее убил, — зло проговорил старший стюард-администратор, с негодованием глядя на убитую.

— Кто же?

— Козел какой-то, — стюард ткнул пальцем в черный кабель с белой строчкой надписей по-английски. — Это специальный противопожарный кабель, один метр стоит двадцать долларов, а этот козел срезал его, и теперь надо или полностью менять проводку, или латать ее обыкновенным, по доллару за метр.

— Ясно, срезал, — оживился Пластовец и потрогал пальцем кабель на шее убитой. — А почему эту срезку только через шесть часов обнаружили?

— У нас профилактическое отключение электричества между рейсами, — пояснил администратор. — Через три дня новый тур, солидный клиент косяком валит. Все номера уже забронированы.

— Значит, теплоход пустой, постояльцев нет, а Лиля Кац в каюте есть. Это что еще за номер?

— Мало ли кто из экипажа или обслуживающего персонала мог ее в пустой номер привести, за всеми не уследишь...

— Кац принадлежат пятнадцать процентов акций "Джузеппе Гарibaldi", — перебил стюарда майор, — так что фактически она вместе с Боцменом была твоей хозяйкой. Бедная девочка! Только вот счастье в виде наследства привалило, и на тебе — застрелили.

— Она ему даже постоянной подругой не была, — с жалостью посмотрел на майора стюард, — какое там наследство. Я не уверен даже, что ей пятнадцать процентов акций принадлежит. По-моему, вы меня на фу-фу берете, Василий Иванович.

— Вот видишь, как много ты знаешь, — упрекнул майор стюарда и коротким ударом под дых усадил его на низкий журнальный столик посередине каюты. — Повторяю вопрос, почему Лиля Кац пришла на теплоход, вошла в каюту и, судя по вещам, принесенным с собой, намеревалась пробыть здесь долго, а ты, стюард-администратор, не знаешь об этом, хотя знание такого рода является твоей прямой профессиональной обязанностью?

Майор Пластовец вышел на верхнюю палубу отеля-теплохода и полной грудью вдохнул морской воздух. Затем вытащил из кармана пиджака мобильник и позвонил жене.

— Лилю Кац застрелили в номере "Джузеппе Гарibaldi", так что на ужин к Вазеру Федоровичу пойдешь одна, я не смогу. Думаю, что через час, от силы два, на

административно-предпринимательском уровне города галдеж поднимется. Ты понимаешь, о чем я...

Полковник Валерий Федорович Карпушкин был начальником регионально-городской тюрьмы российского значения. Его семья — жена, две дочери, студентки мединститута, сын, инструктор-воспитатель в загородной колонии для малолетних правонарушителей, и он сам — покровительствовала, дружила и любила супругов Пластовцов. Ужин у Карпушкина каждый вечер в пятницу был особо ценим майором и Катей. Приглашались только свои, потомственные, проверенные временем и совместной работой представители тюремных династий. Отец и мать майора Пластовца, а также его дед по отцу, тоже погибший от рук заключенных, были, без сомнения, одними из самых уважаемых в мире тюремных исполнителей людьми, и поэтому Пластовцы чувствовали себя среди служивой тюремной аристократии комфортно, то есть как среди старинных друзей...

— Галдеж из-за Лили Кац, ты не преувеличиваешь, дорогой? — скептически фыркнула Катя, но тут же стала серьезной и начала задавать мужу вопросы: — Разве она так глубоко влезла в дела Боцмена?

— Пятнадцать процентов прибыли от "Джузеппика" принадлежат ей, а это двести пятьдесят тысяч долларов ежегодного дохода, плюс к этому у нее при себе нашли полмиллиона евриков, которые убийца не тронул, хотя убивал ее и с чувством, и с толком, то есть бесчувственно и не спеша.

— Правильно, — задумчиво произнесла Катя Мельник. — А результаты вскрытия на Боцмена уже пришли?

— Еще нет, — насторожился Пластовец, — я Грина за ними в морг послал. Думаешь, здесь что-то не так?

Со стороны пролома в заборе возле морга на больничную аллею вышел мужчина в помятом хлопчатобумажном пиджаке грязного цвета и голубоватых штанах от униформы врачей-хирургов. Мужчина направился в сторону больничных ворот. Ничего странного в этом не было. Странность была в самом мужчине. Александр Грин, сидящий на скамейке и греющийся на солнышке в ожидании результатов вскрытия тела Боцмена, оцепенел. По аллее, приближаясь к лейтенанту, шел не кто-нибудь, а Олег Аркадьевич Берг собственной персоной. Спутать Боцмена с кем-то другим было трудно.

Поравнявшись со скамьей, Боцмен бросил настороженный взгляд на Грина и, не найдя в его облике ничего опасного для себя, прошел мимо. А оперативника прошиб холодный пот...

Тело еще несколько часов назад богатой и красивой Лили Кац майор Пластовец сопровождал к моргу лично. Еще издали он увидел через лобовое стекло микроавтобуса, как его помощник пытается вытащить за шиворот на крыльцо из проема двери отчаянно упирающегося патологоанатома. Рядом с крыльцом собралась небольшая группа поддержки, состоящая из вышедших на прогулку стационарных больных. Не зная почему, но майор понял, что симпатии "пижамной" публики полностью на стороне его напарника.

— Прекратите! — Пластовец выскочил из микроавтобуса и, бросившись на крыльцо, стал растаскивать оперативника и судмедэксперта.

— Шеф! Поверьте моему опыту. Давайте его сначала в наручники закодчаем, а затем будем разбираться в причинах нашего конфликта.

— Я не могу поверить твоему опыту, Грин, но...

Он не договорил, так как освобожденный из рук Грина патологоанатом, упершись ладонью одной руки в грудь Пластовца, а другой в грудь лейтенанта, сильно пихнул их на хлипкое деревянное ограждение крыльца. Невольно сделав шаг назад, оперативники смели ограждение и с высоты полутора метров упали в скопившуюся у крыльца грязную жижу. Обитая железом дверь морга захлопнулась. Пластовец лишь услышал, как с той стороны калацнула щеколда и дважды повернулся в скважине ключ.

— Доктор Капустин! — возмутился Пластовец. — Вы что это себе позволяете? Немедленно откройте дверь и объяснитесь!

Узенькое, напоминающее бойницу, зарешеченное окно открылось, и в нем показалось злое лицо патологоанатома Капустина.

— Пусть тот, кого вы прислали, объясняется с вами, — посоветовал майору Капустин и захлопнул окно.

— Объясняйся, Грин, и поскорее. — Майор поднялся и начал огорченно рассматривать вымазанные в грязи брюки. — Что за неуместные разногласия с медэкспертом во время рутинной работы? Тело Боцмена не поделили?

— Нет никакого Боцмена, — хмуро отозвался лейтенант и четко поведал майору о встрече в аллее.

— Ага, — ничуть не удивился майор. — Я что-то такое предполагал, тем более что на опознание трупа дежурный следователь возил лишь одну Лилию Кац, а сам он покойного не знал. Капустин!

— Что? — Патологоанатом открыл окошко-бойницу.

— Допрыгался, — упрекнул майор судмедэксперта. — Даже трупы от тебя убегают, не дождавшись вскрытия.

— Я здесь ни при чем, — сухо огрызнулся патологоанатом. — Я только вскрываю, а смерть какие-то дебилы констатировали до меня. Это не криминальный, а нагло-криминальный труп. Мало того, что украл спецодежду санитара, так еще и мой пистолет стибрил.

— Какой пистолет? — насторожился Пластовец.

— Мой. Пистолет-зажигалка, почти как настоящий. При желании можно привязать к гантели и убить человек сорок при хорошей физподготовке.

— Ладно, Капустин, — примирительно произнес Пластовец. — Я тебе Лилию Кац привез. Посмотри, она естественной смертью от испуга умерла, а затем симитировали ее убийство, или наоборот?

— Что наоборот? — Капустин уже стоял на крыльце и с добродушным видом курил сигарету. — Сначала симитировали ее убийство, а затем она естественной смертью умерла от испуга?

Не слушая Капустина, Пластовец помахал рукой водителю, предлагая ему подогнать автобус ко входу в морг. Взяв укутанное в гостиничное одеяло тело Лилии Кац, Капустин и Грин понесли его в препараторскую.

— Не убежит? — поинтересовался Капустин, крепко держась за ноги Лилии Кац и протискиваясь в двери морга.

— Не должна, — успокоил его Пластовец, доставая мобильник и набирая номер жены...

— Значит так! — Полковник Алябьев положил ладонь правой руки на лежащую перед ним на столе противопожарную инструкцию. — Черта с два вам дополнительные полномочия. Я вообще не понимаю, о чем идет речь. Мы дело по Бергу закрыли, потому что там было самоубийство, а не убийство. Теперь выясняется, что он жив, здоров и, покинув судебно-экспертный морг, куда-то исчез. То есть даже самоубийст-

ва не было, а это значит, что нужно объявить выговор и заодно лишить квартальной премии того, кто вообще открывал это дело. Полное отсутствие состава преступления, а вы, майор, требуете, чтобы я дал вам спецразрешение на использование спецтехники, спецоружия и спецметодов против человека, который мало того что упал с десятого этажа и жив остался, так ведь еще и налоги добросовестно платит, сволочь такая, и благотворительностью занимается. Вы что, майор, с дуба упали? Зря я дал вам в помощники лейтенанта Грина, чует мое сердце, он таким же малахольным, как и вы, станет.

— Петр Алексеевич, — попытался вклиниться в монолог начальника майор Пластовец — тут такое дело...

— Никаких дел! — возмутился Алябьев. — Если вам надо дело, берите любой из сорока всяков, что у нас за год скопились, и делайте его. А живого, богатого и даже сумевшего ускользнуть из морга Берга не трогайте, забудьте. Я не только не даю вам никаких спецразрешений, но даже думать запрещаю о Боцмене.

— А как же Лиля Кац? — удивился Пластовец. — Как ни крути — ее убили, и как ни верти — без поиска и допроса Берга здесь не обойтись.

— Ах, да, да, — нахмурился Алябьев. — Лиля Кац! Как же, как же, помню. Что вы собираетесь делать, майор?

— Ловить Берга и того, кто убил Кац. Для этого мне необходимо спецразрешение на использование спецтехники, спецоружия, спецметодов и вообще дополнительные полномочия.

— Хорошо, майор, — закончил разговор полковник Алябьев. — Даю вам дополнительные полномочия.

Глава пятая

— Солнышко светит, птички поют, а мне вчера на суде прокурор червонец запросил, рожа суконная, как будто я этого лоха из Тюмени не на бабки вежливо развел, а топором по голове ударил насмерть.

— А че топором? Топором жажнул, лаве (деньги) забрал, да пошел. Ни тебе здравствуй, ни прощай. Насмерть не надо. Аккуратно между ушей тюк, и спи, падла, отдыхай, бычара невостребованный.

— Сам ты бычара, Кугут. Штуку баксов, даже пропить их не успел, взял, мужика на месяц в больницу уложил, и самому теперь двадцатник корячиться без условно-досрочного освобождения. Сыдешь в двадцать, выйдешь под сорок, никому не нужный, с топором под мышкой.

— Ты, Рикша, смотру, больно резвый. Можно бы тебя за быка и подхвостить немало, ну да ладно, спишем на блат, как-никак, в одной школе учились.

— Там, где ты учился, я преподавателем работал. Людей, особенно курортников, приезжающих в наш теплый город, можно и нужно разводить на бабки без нанесения тяжких и любых других повреждений здоровью. А ты мясник и жертва мясника одновременно. Бык, одним словом. Один раз в жизни на дело вышел и теперь в зоне до старости похмельным синдромом мучиться будешь...

В тридцать седьмой камере подследственного четырехэтажного корпуса современной постройки находились четыре человека, считавшие себя несправедливо изолированными от общества. Но лишь один из них имел для этого особое основание.

Артем Ровесников, двадцатитрехлетний ученик, друг и "больше чем сын" Ильи Ивановича Седова, находился в камере всего лишь три дня, и ему было скучно. Он мечтал о дальних странствиях, красивых женщинах и грандиозных аферах, а в трид-

цать седьмой камере, как почти во всех камерах России, пахло канализацией, циничным равнодушием к судьбе и депрессивным мистицизмом.

Называться учеником и "больше чем сыном" Ильи Ивановича, известного воровской элите под кличкой "Рыбак", означало, что Артем Ровесников, Джерджик, тоже принадлежит к тюремной элите.

До того как попасть в СИЗО, Артем провел три дня в КПЗ. Турецкая афера, стараниями неожиданно активизировавшегося в этом направлении майора Пластовца, выходила ему боком. Еще в камере предварительного заключения он получил "голубку" от Ильи Ивановича. Учитель писал: "Ты Пластовцу не нужен. Турецкое кидалово копать бесполезно, оно не имеет судебной перспективы, я там все почистил. Майор через тебя хочет воздействовать на меня, так что терпи, сынок. Если даже по беспределу дойдешь до суда и пару лет срока слопочешь, то и это терпи, но думаю, что все обойдется. Я бабки зарядил, они уже работают. В доме (тюрьме) я тебя уже представил, так что все по уму будет. Клим передает привет. Рыбак"...

Кроме Рикши, Кугута и Джерджика, в тридцать седьмой камере сидел знаменитый на весь приморский город дядя Коля по кличке "Колдун". У него было восемнадцать судимостей в прошлом, и все за изготовление самогона. Первые восемь закончились присуждением к уплате штрафа, следующие два раза его уже судили "за незаконное предпринимательство" и в обоих случаях присудили к условному сроку, затем уже лишали свободы на полтора года. И вот сейчас дядя Коля ожидал, что к нему применят восемнадцатую статью УК РФ и нарекут "рецидивистом".

— Дядя Коля, — поинтересовался Рикша, — а есть такой самогон, чтобы два полных стакана вмазать и полететь куда-нибудь подальше?

— Конечно, есть, — с удивлением посмотрел на Рикшу старик. — Самогон в первую очередь колдовство, а по шарам он бьет в последнюю очередь.

— Че, — тяжело посмотрел на дядю Кугут, — Рикша выпьет и полетит куда-нибудь, так, что ли?

— Заткнись, Кугут, — посоветовал ему Джерджик и сам обратился к самогонным дел мастеру: — Колдун, а есть такой самогон, чтобы французский коньяк отдыхал?

— Есть, — сразу же перешел к делу дядя Коля. — Берешь 50 грамм корицы, 50 грамм кардамона, 50 грамм имбиря, 50 грамм калгана, 50 грамм аира, 50 грамм ревеня, 50 грамм лакричного корня, 50 грамм бадьяна, это все травы такие. Затем берешь 130 грамм розмарина, 35 грамм шалфея, 15 грамм стручкового перца, 15 грамм майорана, 35 грамм тмина, 50 грамм лепестков розы, 35 гвоздики, и все это заливаешь двенадцатью литрами двойного хлебного самогона. Настаиваешь шесть дней, а затем перегоняешь на медленном огне. Не только французский, но и любой другой коньяк отдыхает.

— И че, — с опаской покосился Кугут на Джерджика, — если такого самопала влындишь, то полетишь, что ли?

— Конечно, — насмешливо посмотрел на него дядя Коля.

— Ты рецептик-то, майор, запиши, — сказал Карпушкин начальнику оперчасти Покровскому. — Подследственный дядя Коля Колдун знает, что говорит, профессионал высшего ранга. Я пробовал его самогоны, песня, а не напитки. Надеюсь, что в этот раз ему суд годика три влепит. Вы, майор, его сразу в хозблок устройте, в теплую и светлую камеру. Он старик, ему удобства и уход требуются. То, что есть у нас, он на свободе не видел...

Камера тридцать семь, впрочем, как и все остальные камеры региональной тюрьмы, была на прослушке.

— Кто у нас источник в камере? — поинтересовался Карпушкин у Покровского. — Или ты ограничился одной прослушкой? Если так, то измени ситуацию. Надо этого молодого афериста, воренка Джерджика, особым способом обработать, помочь нашему Васе Пластовцу. Ему сложнее, он в миру. Это мы защищены келейным образом жизни и тюремным уставом, а у него сплошные соблазны.

— Да, — согласился с Карпушкиным начальник оперчасти майор Покровский. — У Васьки дел невпроворот. Ситуацию менять не надо, в камере все, кроме Джерджика и Кугута, нормальные ребята. Кстати, можно и Ровесникова на вшивость проверить.

— Проверьте, — охотно согласился с Покровским Карпушкин. — Может быть, и он станет хорошим человеком. А рецептики Колдуна записывай, майор, записывай. Он ведь, хмырь такой, все в себе держит, поэтому каждое его откровение дорогого стоит.

Глава шестая

Майор Пластовец сидел за столиком на открытой веранде бара "Единорог" и смотрел вдаль на плещущее в ста метрах от него море. Казенный, с инвентарным номером "3638" диктофон через наушники, принадлежащие лично майору, вливал в его уши служебную информацию. На столике перед Пластовцом стоял запотевший бокал с белым и холодным вином "Рислинг № 2". Что это за рислинг и почему он "№ 2", никто из посетителей "Единорога" не знал, но вино пользовалось огромной популярностью.

Майор Пластовец пил вино за счет заведения, и не потому, что был из уголовно-розыска, а потому, что месяц назад совладелицей бара стала его супруга Катенька.

Кассеты, которые слушал майор, повествовали о житейских проблемах, планах на будущее, ссорах, воспоминаниях, мыслях и тому подобном камеры номер тридцать семь...

Тюремная камера — это не просто помещение для содержания уголовных и других, причисленных к таковым, преступников и ни в чем не повинных людей. Хотя, по мнению дяди Коли, рецидивного самогонщика, "неповинный человек" — вовсе не человек, а труп. Тюремная камера, считал дядя Коля, благодаря самогоноварению ставший философом, это нечто среднее между космическим кораблем и склепом. Скорость, энергия страстей, желаний, мечтаний и вожелений присутствует, а движения в пространстве, для удовлетворения этой скорости, нет...

— О чем задумался, Колдун? Вид у тебя какой-то восточный, хрен поймешь, то ли угостить, то ли зарезать хочешь.

— Рикша, если бы ты пожил с мое, то давно бы понял, что иногда лучше зарезаться, чем угоститься.

— Ни фигя себе, ну ты и залудил, дядя Коля. — Джерджик, обтачивающий осколком оконного стекла стирь, игральные карты, сделанные из газеты, оторвался от своего занятия и с веселым любопытством посмотрел на мудрого самогонщика. — Это ты по понятиям Рикше уши трешь или в натуре так думаешь?

— Да какие тут понятия! Не фурычит ни фигя, а туда же, по понятиям. Вот получишь пятерик за самогонку и будешь крякать, как утка подсадная на озере... — перебил их Кугут, и тут же тяжелый кулак дяди Коли буквально смел его с ног и отбросил в угол камеры.

— Я тебе дам утка, — проворчал самогонных дел мастер, — я тебе дам подсадная.

— Ну держись, старый... — Кугут вдруг осекся, увидев мгновенно оказавшегося перед ним щуплого Джерджика, упиравшего ему в кадык острие ножа.

— Слушай меня, бычок серебристый. Если не хочешь стать телкой васильковой, держи петлу на привязи и, перед тем как захочешь что-нибудь сказать, выдержи часовую паузу. Может, и не придется ничего говорить. Ага?

— Ага, — прохрипел Кугут. — Прости, Джерджик, я все понял.

— Ну и ладненько, — обрадовался Артем Ровесников, и нож словно растворился в воздухе. — Это хорошо, когда человек все на лету схватывает...

Легкий бриз, наполненный запахами степного разнотравья, окружающего море и город, впитал в себя и запахи всех шашлычных, чебуречных и прочих, сопутствующих летнему отдыху у моря, сфер питания. Майор Пластовец вставил новую кассету в диктофон и вновь погрузился "в камерный быт"...

— ...Дурак он, твой кореш, в таком случае. А ты даже не дурак, даже не знаю, кто ты, даже не представляю, как тебя обозвать. Кугут ты, одним словом.

— А ты Рикша, в таком случае, а я Кугут уже восемнадцать лет. Как обозвали в интернате, так и остался им. По-твоему, я его должен был сдать ментам?

— Вопрос, конечно, сложный. Как ты думаешь, Колдун, что нужно делать в этом случае, сдавать или не сдавать?

— Это не тюремный вопрос, конечно, не сдавать. Вот если бы ты меня на воле об этом спросил, я бы сказал — сдавать козла, и никаких гвоздей. Джерджик, а ты что по этому поводу думаешь?

— Я по этому поводу не думаю, а дремлю. Вы там сами канительтесь без меня, лады?

— Без базара, Джерджик, без базара. Это мы так, от скуки... Нет, ну ты бесогон, Кугут. Кто-то, кого ты знал по интернату и уже больше десяти лет не видел, рубанул твоим топором по жбану пингвина курортного, забрал у него бабло, вернул грязный топор тебе и слинял куда-то. А ты будешь корячиться за кровь пингвинячью, как граф Монте-Кристо.

— Так что мне, по-твоему, сдавать его надо было?

— Тебе же сказали, вопрос этот не тюремный, конечно, не сдавать, ты же честный мужик. Дурной, но с понятием. Я бы ни за что с воли в тюрьму не пошел по этой причине...

— Все! Я понял, Кугут. Как его хоть зовут, твоего кореша, откуда он к тебе на голову свалился?

Майор Пластовец хмыкнул и сделал еще один глоток холодного вина. Рикша задавал вопросы, как источник. В этом можно было не сомневаться. Следовательно, Пластовец принял это к сведению, мошенник Рикша, по фамилии Агаров, стукач...

— Ванечков его фамилия, он из Иркутска. Приперся отдохнуть к морю, бабки пропил, и тут мы случайно столкнулись в гадючнике Веркином. Туда-сюда, тыры-пыры, я его к себе ночевать привел, а он втихаря топор взял, и вот я тут, а он в Иркутске...

— Ты не человек, ты обморок ходячий.

— Рикша, а ты поганка, оказывается. Что-то я не замечал, чтобы ты над Кугутом глумился до того, как его Артем одернул, а сейчас без перерыва долбаешь. Не мешало бы и тебя одернуть...

— Одернул уже, дядя Коля, одернул. Теперь одернись сам, и хватит об этом. Лучше расскажи что-нибудь. Это правда, что самогон можно сделать за два часа на пустом месте из ничего?

— Насчет двух часов — правда, а из "ничего на пустом" пустота и получается. Это Бог может помыслить — и сотворится, а я всего лишь самогонных дел мастер.

Пластовец усмехнулся, представив, как двухчасовой рецепт был внимательно выслушан и записан полковником Карпушкиным.

На самом деле прослушка кассет с записями разговоров из тридцать седьмой камеры была делом второстепенным. На первом месте стояло дело о неожиданном исчезновении из морга тела Боцмена и убийство Лили Кац. Майору Пластовцу не нравилось все это с самого начала, с того момента, как на пулст дежурного по УВД поступило сообщение Лили Кац о падении и гибели Олега Аркадьевича Берга.

Удар Боцмена об асфальт под окном своего двенадцатизэтажного имущества был скорее концептуальным, чем криминальным, считал майор. В конце концов, так заканчивают все обладатели какого-либо непомерно-амбициозного имущества. Смерть всегда была и будет для таких людей "ударом об асфальт". Неимущие умирают легче, как бы мимоходом, на бегу, между прочим в одном случае и с облегчением в другом. Майор Пластовец даже вздрогнул от этих мыслей.

Глава седьмая

Лиля Кац родилась в "аристократической" семье неаристократического района Богудония. Отец Лили Кац был директором обувной фабрики, а мама — директором элитной гимназии с углубленным изучением иностранных языков.

Кроме Лили, в семье было еще пятеро детей — три мальчика и две девочки.

Если бы Лилю Кац не убили в кают-номере круизного теплохода "Джузеппе Гарибальди", то ее все равно убили бы в другом месте. Но сейчас папка с уголовным делом под номером восемь лежала перед начальником УВД города полковником Алябьевым и мешала ему жить.

— Никто, включая меня, не замечал за Боцменом тяги к одариванию своих постельных подружек долей от своего бизнеса. Это не то, что на Боцмена, это вообще ни на что не похоже. А у Лили Кац пятнадцать процентов прибыли от "Джузеппе Гарибальди", и полмиллиона евро при ней в каюте обнаружено. Что за дела, Бутусов?

Начальник следственного отдела майор Бутусов с недоумением посмотрел на своего начальника.

— А при чем здесь я, Петр Алексеевич? Это все у Пластовца и Грина. Насчет Лили Кац и Боцмена все так, но не совсем так.

— Кстати, — перебил его Алябьев, — а где сейчас Пластовец и Грин?

— Пластовец не знаю где, а лейтенанта Грина вторые сутки из КПЗ выманить не могут. У него, видите ли, оперативная разработка. Занял самую большую камеру, четыре нары двухъярусные, и пьет спиртное с Адвокатом, Клайпедой и брачным аферистом Коробкиным. Надо власть применить и выгнать его из КПЗ.

— Не надо, не завидуй. Пусть пьют. Тем более, что этим аферистам, насколько я их знаю, доверять можно. Насчет чего он их разрабатывает?

— Боцмен энд Кац, насчет чего же еще?

— И что они пьют?

— Начали с коньяка, чем закончат — не знаю. Похоже, что дешевым портвейном три семерки.

— Не надо, майор, не завидуйте. Сколько вас можно предупреждать? И вообще, у всех, включая вас и Грина, не говоря уже о Пластовце, осталось ровно две недели на то, чтобы труп Лили Кац обрел конкретную ясность. Кто ее убил, где, когда, и в какой камере он, она или они содержатся, понятно? Да, да, слушаю! Это ты, Пластовец? Ну говори, коли дозволился... Убить тебя мало... Да

мне без разницы, две недели даю — и на то, что было когда-то Лилей Кац, и на вновь приобретенный труп Боцмена, чтобы меня повысили в должности, а не турнули с работы. Одни неприятности у меня от майоров. Значит так, — полковник Алябьев положил трубку. — С этого момента Боцмена опять считать трупом.

— Что, снова убили?!

— Нет, просто он опять труп.

Второе явление трупа Боцмена было не таким демонстративным, как первое. Если первый труп Олега Аркадьевича Берга был экстремальным и поспешным — чего стоил полет к земле и удар об нее, то второй оказался готовым ко всему. И к неспешным судмедэкспертным делам над ним, и к прощанию с родными и близкими, и к торжественному опусканию в землю. Одним словом, нормальный и даже в какой-то мере респектабельный труп человека, имеющего достаточно денег и здоровья для того, чтобы жить в свое удовольствие.

Труп находился там, где и должен находиться, благодаря возбужденному уголовному делу, — в морге, из которого он уже один раз исчезал.

— Значит так, — вошел в кабинет патологоанатома Пластолец. — Я все понял, Капустин. К тебе в руки лучше не попадать.

— Да уж, — вздохнул патологоанатом, — лучше не надо. Кстати, где ваш напарник? Я бы мог сказать, что у него были галлюцинации и что тело номер один, принадлежащее некогда Бергу, все это время находилось здесь. Но я не скажу так, это другое тело.

— Я все понял, тело другое, а Боцмен тот же самый?

— Сами решайте, кто ху, а кто не ху, я всего лишь врач. Впрочем, идемте в холодильный отсек, там и поговорим.

— В холодильник, так в холодильник.

Пластолец по-хозяйски открыл шкаф, вытащил оттуда дезодорант-повязку и повязал ее на лицо, закрывая рот и нос.

— Вы мне так и не ответили, где Грин? Мне кажется, я с ним был невежлив в прошлую встречу.

— Не берите в голову, Капустин, — пробубнил сквозь повязку майор. — Он и сам не владеет вежливостью ни в прямом, ни в извращенном смысле. Грин в КПЗ, не беспокойтесь. Я туда ребят из группы захвата послал. Они его мигом, бездельника, из камеры на службу выбьют.

— Да уж, — Капустин не надел на лицо маску, — вежливость, тут вы правы, может быть лишь равнодушной. И в том, и в другом случае, что бы вы там ни думали, это положительное явление.

Труп Лили Кац, под номером два, приготовленный для выдачи родственникам, и труп Боцмена, под номером один, вот и все, что могло поместиться в холодильном отсеке приморского судмедэкспертного морга.

— Нет новости печальнее на свете... — Пластолец мельком взглянул на тело Лили Кац и стал вглядываться в лицо мертвого Берга. Затем повернулся к патологоанатому: — Труп как труп, только Боцмен при жизни умнее выглядел, а тут дурак-дураком, дебил конченный.

— Да, — рассеянно покивал головой Капустин, — у мертвых всегда в первые трое суток несколько озадаченный вид, но дело не в этом. На этом теле, кроме динамических повреждений, есть одно "но": второй труп Берга, до того как упасть с высоты, умер от тромбозмболии легкого, а первый труп, что сбежал, был без динамических

повреждений, но со всеми признаками смерти от передозировки наркотика, на обеих руках у него были дорожки от инъекций...

— Боцмен не кололся... — озадачился майор Пластовец и почесал затылок.

Глава восьмая

— Слушай, Архипыч, я к тебе, вообще-то, по делу зашел. Ты ведь людей тонко чувствуешь... — зашел в тюремную библиотеку начальник оперчасти Покровский.

— Не стели, Покровский, — оборвал его прапорщик Семенов. — Мне мягко уже никогда не будет. Говори, что надо.

— Помнишь Рыбака, Седова, мошенника? Он, когда ты служил еще на полную катушку, у нас часто гостил.

— Знаю такого. Он не гость в тюрьме, а свой, домашний. Можешь не продолжать, ты, наверное, хочешь его крестника из тридцать седьмой камеры заагентурить, ищешь психологические капканы, так, что ли?

— У меня нет слов, Архипыч, ты не библиотекарь, ты великий Кум, слава тебе!

— Я же сказал, не стели, Покровский. Хорошо, взгляну на пацана внимательно, может, и замечу что полезное для работы...

Отец Артема Петр Ровесников и Артем никогда не были знакомы друг с другом. Когда сыну исполнилось двенадцать лет, его мать, Александра Енисеева, пошла с подругами, такими же, как и она, преподавателями в музыкальной школе, на пляж и не вернулась. Домой принесли лишь ее одежду — майку, шорты и шлепанцы. Таким образом Артем Ровесников и его бабушка, шестидесятилетняя Алла Константиновна Енисеева, остались один на один с жизнью, живя на пенсию Аллы Константиновны и сиротское пособие на Артема из городского бюджета. Не густо, но жить, при некоторых навыках, можно.

Жить было можно, но крупные города, расположившиеся у теплых морей, для того и созданы, чтобы через них в нашу жизнь проникали соблазны.

Само собой, Алла Константиновна почти сразу утратила над Артемом контроль и поэтому ограничилась тем, что просто любила и волновалась за него.

Улицы южного города диктовали свои законы, и Артем жил и строил по ним карьеру: детская комната милиции, комиссия по делам несовершеннолетних, первая судимость, первый условный срок за кражи на пляжах.

Когда Артему исполнилось шестнадцать лет, его остановил на улице сосед Илья Иванович. Артем считал его обыкновенным бизнесменом, дом которого он и его пацаны не пытались "немного обворовать" лишь по той причине, что жить и воровать в одном месте нельзя. Артем никогда не нарушал "закон волчьего логова".

Илья Иванович окинул Артема взглядом и, усмехнувшись, произнес уже когда-то и кем-то сказанную знаменитую фразу:

— Брось курить, салага, я сделаю из тебя капитана.

Люди, где бы они ни жили, на каком бы языке ни говорили, что бы о себе ни думали, делятся всего лишь на три категории: те, с которых есть что взять, те, с которых брать нечего, и те, которые в этом разбираются, то есть, бизнесмены, политики и мошенники...

С этой, своего рода программной речи Илья Иванович всерьез и навсегда занялся воспитанием Артема Ровесникова, решив для себя, что пусть он лучше станет его приемным сыном и благородным аферистом, чем уличным авторитетом и примитивным наемником, зарабатывающим на жизнь грабежами, вымогательствами и кил-

лерством. Рыбаку не пришлось об этом жалеть. Артем оказался талантливым юношей...

...Илья Иванович протянул Артему картонную табличку с надписью: "Прием валюты".

— Представь, — сказал он и посмотрел на часы, — что тебе срочно нужно отправить бабушку посмотреть на Грецию. Бабушка боится умереть, так и не увидев страну, в которой все есть, а у тебя в наличии только эта табличка. Представил?

— Да.

— Ну так скорее же помоги бабушке.

— Бабуля, будь другом, — Артем с пренебрежительной нежностью посмотрел на Аллу Константиновну, — отдай мне пятьдесят тысяч рублей, что ты в сундучке держишь, который у тебя в комнате в шкафу стоит.

— Артем, не могу поверить, — всплеснула руками бабушка. — Ты обыскивал мою комнату?!

— Не веришь, не верь, свет мой, Константиновна. Это я в прошлом году тебе их дал, по твоей просьбе положил в сундучок и закрыл его в шкафу. Гони деньги, старая карга, а то я сейчас в окно выпрыгну. Тоже мне, мадам Плюшкина, гроши какие-то внуку в срочный момент жалеешь.

— Это не гроши, тебе бы все шутить. Ты проигрался в карты?

— Хочу тебя в Грецию отправить, старуха, до того ты мне надоела, видеть не могу. Езжай в Афины, плавай в Эгейском море, ешь маслины.

— Возьми ключи и бери сам эти деньги, карточные долги нужно отдавать вовремя, а Греция — она на то и Греция, чтобы о ней мечтать. Запомни, внук, то, о чем долго мечтаешь, нельзя осуществлять в реальности, тебя постигнет страшное разочарование.

— Запомнил и все понял, фиг с ней, твоей Грецией, продолжай о ней мечтать и дальше, я тебя отправлю в Италию.

— Хорошо бы, но я и об Италии мечтала. Там, я слышала, все в руках сицилийской мафии. Это так?

— Вот поедешь и сама узнаешь. И вообще, поменьше мечтай, сама же говоришь, что это вредно.

— Если бы молодость не мечтала, старость была бы более оптимистична. Ты знаешь, что наш сосед Илья Иванович в десятилетнем возрасте был влюблен в меня. Сейчас он, кажется, жулик, и, если я правильно понимаю, хочет и тебя научить жульничеству. Это так?

— Ты че, бабуля?

— Я ничего. Но только ты должен знать, что у нас в городе есть тюрьма. Попробуй это слово на вкус и будь готов к ее объятиям. Я тебя благословляю, конечно, на дружбу с Рыбаком, в нынешнее время все жулики, так уж лучше будь профессионалом...

— Ладно, Константиновна, я пошел.

— Куда?

— За билетами на самолет в Италию для тебя.

— Ну уж если ты без этого не можешь, то давай лучше в Грецию, и не на самолете, а на теплоходе, и чтобы он обязательно был белый-белый, как взбитое сливочное мороженое.

"Прием валюты" — афера для начинающих. Пустяк, но пустяк очень важный. По нему учитель узнает, готов ли ученик развиваться в этом направлении, станет ли он

мастером или всю жизнь будет на подхвате. Артем, к радости Ильи Ивановича, справился с "приемом валюты" по-классически просто...

В центре города полно красивых домов, бывших "дворянских", с проходными подъездами.

Легкая картонная кукла пункта "приема валюты" устанавливается "спиной" к парадному входу и "лицом" во двор. Дворы дворянских домов, как правило, ухожены, а в домах, как правило, располагаются офисы, различные центры, банки. Теневой хозяин двора — дворник. Артем дал ему сто долларов, и тот, открыв калитку, ушел в "ничего не знаю, я болел дома".

Артем повесил табличку-"стрелку" при входе во двор здания, в котором расположились две турфирмы, офис фирмы, предоставляющей помещения для складирования промышленных и продовольственных товаров, и модельное агентство "Фаина". Рядом, при общем дворе, находилось здание "Сбербанка", а на противоположной стороне узкой улицы — здание "Тур-Банка". Давно замечено, что приткнувшийся к "Сбербанку" обменник кажется надежней и солидней, чем точно такой же, приткнувшийся к банку коммерческому.

"Улучшив" на несколько единиц курс продажи и покупки, Артем стал работать. Работа несложная, сиди и меняй, жди настоящего улова. Сто долларов принял, сто продал, евро взял, евро отдал, гривну увидел, с гривной послал. По наличным деньгам в "кассе" определяешь, когда говорить мелкому клиенту "нет рублей, жду когда подвезут" или "нет валюты, не знаю, когда будет". Более суток на одном месте работать не рекомендуется, но Артему повезло, у него клюнуло вечером.

— Срочно нужно восемьдесят две тысячи долларов. Есть в наличии? — спросила у Артема запыхавшаяся женщина средних лет, заглядывая в окошко кассира. Позади нее стоял мужчина, похожий на охранника в роли шофера.

— Да хоть триста тысяч, мне без разницы, — равнодушно произнес Артем.

— Нет, мне триста не надо, только восемьдесят две.

Женщина нервно хохотнула и стала заталкивать в придвинутый к ней "кассиром" ящик тысячерублевые пачки денег, даже не обратив внимания, что ящик был деревянный.

— Секундочку, — предупредил Артем, — надо пересчитать.

Он сгреб пачки денег в спортивную сумку, перекинул ее через плечо и вышел через заднюю дверь, оставив ее полукоткрытой, в "парадное лицо" проходного подъезда...

Через пять минут в полукоткрытую картонную "дверь" заглянул проходивший мимо коммерческий директор "Фаины".

— Вам что? — с удивлением поинтересовался он у скачущей возле окошка декоративной кассы женщины и с интересом окинул взглядом "внутреннее помещение" пункта приема валюты.

— Деньги, — ответила ему дама.

— Ааа... — понимающе покивал головой комдиректор и, тихо прикрыв "дверь", поспешил на улицу, в сутолоку закончившегося рабочего дня.

Афера с турками, за которую, собственно говоря, Артем Ровесников и парился на нарах в СИЗО, была на порядок выше и комплексней аферы с приемным пунктом. Для ее осуществления Илья Иванович вызвал специалистов, двух друзей по прежним отсидкам, из Одессы и Москвы. Вместе с ним, Климом и Артемом группа состояла из пяти человек. На подготовке к этой афере Артем заработал себе кличку.

— Это кто? Джерджик? — спросил у Ильи Ивановича одессит, кивая головой на Артема.

— Да, — кивнул головой Илья Иванович, — стопроцентный джерджик.

— Джерджик — значит, ученик, — приветливо объяснил Артему одессит. — То же самое, что "сынок" в российских зонах.

— Все равно я — Артем, — буркнул Артем.

— Все равно ты "джерджик", — усмехнулся одессит и стал распаковывать вещи.

Рыбак определил прибывших специалистов в дачном поселке Морская, на своей летней даче, в двадцати минутах езды от города и в десяти шагах от моря с пляжем. Незнакомые и ничего не делающие люди с праздными лицами здесь не бросались в глаза и были естественно-желанной составляющей дачно-морского ландшафта...

Без всякого сомнения, то, как поступили с турецким сухогрузом и с теми, кто заплатил за его эксплуатацию и содержание трюма, было незаконным. Сухогруз "Янычар" неспешно приближался к городскому порту, неся в себе сто тысяч пар качественной обуви из Германии и пятнадцать тысяч флаконов настоящих французских духов. Нельзя сказать, что все горожане с нетерпением ожидали возле сети магазинов "Вояж", принадлежащих компании "СМС", когда наконец-то подвезут обувь по триста долларов за пару и духи от пятисот до двух с половиной тысяч долларов за флакон. Нет, такого не было, но те, кто заплатил за груз, ожидали его с нетерпением.

Компания "СМС" пострадала случайно. Все дело было в сухогрузе. Если бы на нем был груз канцелярских принадлежностей для администрации города, то не повезло бы администрации. "Янычар" был первым и пока единственным сухогрузом новой формации с низкой, предназначенной для мелководья, осадкой. Он идеально подходил для того, чтобы вплотную подойти к старому заброшенному пирсу возле закрытого консервного завода.

Приглашенный Седовым одессит в лоцманской фуражке и регалиях прибыл на катере к сухогрузу и, отпустив "служебный", принадлежащий Климу, катер, поднялся на борт. Настоящий лоцман в это время сидел с Ильей Ивановичем на лавочке возле "Морского вокзала" и беседовал с ним о недопущении турецкого влияния на товарооборот в южнорусском пространстве. Лоцман из Одессы коротко взглянул на капитана сухогруза и понял, что в инсценировке нет надобности.

— Вот, — протянул он капитану деньги, — двадцать тысяч долларов, и не задавай вопросов.

— Якши, — кивнул головой капитан, забирая деньги и засовывая их в карман кителя. По-русски он не понимал ни слова.

— Разгрузим тебя и пойдем порожняком на Одессу.

"Лоцман" протянул капитану еще один конверт с деньгами и маршрутную, идеально провизированную, фальшивую лоцию. Такая лоция котировалась в среде таможенных и пограничных портовых служб России и СНГ выше, чем настоящая, так как проплачивалась заинтересованными в этом людьми.

— Якши, — повторил капитан, засовывая деньги в другой карман кителя, а лоцию в папку.

— По дороге на Одессу в нескольких местах заберем груз. Я потом тебе все объясню и заплачу.

— Якши, якши.

Капитан был готов засовывать в китель конверты с деньгами непрерывно, и, если бы у его судна были крылья, он с готовностью взял бы курс в любой аэропорт мира. Капитан "Янычара", опытный, выдавший виды капитан, мог отличить человека, с которым можно иметь дело, от человека, которого нужно обходить десятой дорогой. К тому же он должен был кучу денег, после того как женил сына и выдал замуж дочь, и, вдобавок ко всему, на родине ему грозило тюремное преследование за аналогичную, совершаемую им в данный момент, историю.

Пока "Янычар" разгружали полуварварским для двадцать первого века способом — лебедка, автокран, "КамАЗ", — москвич голосом начальника порта сообщил в компанию "СМС", что сухогруз из-за "донных наносов в фарватере" на три дня задерживается в Керчи. Генеральный директор компании был хорошо знаком с начальником порта и удивленно поинтересовался у него:

— А мне сообщили, что "Янычар" уже на рейде.

— Брешут, Михайлович. Рейд не наш, керченский, так что жди через три дня, не раньше.

Обувь и французский парфюм оставались у Ильи Ивановича. Москвичу выплачивался заранее обговоренный гонорар. Одесситу нужен был сам сухогруз для использования в черноморских лиманах. Баркасная осадка "Янычара" решила скопившиеся у одессита проблемы в рекордно-короткий срок.

— От такого опта, — объяснил одессит Рыбаку, — у меня будет столько денег, что, даже если меня поймают наши менты, я от них откуплюсь, и еще останется столько, чтобы лет десять не искать по утрам денег на опохмелку.

Обувь и парфюм уместились в двадцати рейсах бортового "КамАЗа" и были складированы на складе готовой продукции копильного завода в родовом селе родителей Клим Мержанова.

— Будь осторожен, — предупредил Клим своего племянника, владельца завода, показывая флакон парфюма. — Если разобьешь хоть один, то вся твоя мойва и копченая скумбрия будут пахнуть, как дамы-чиновницы из пенсионных, паспортно-визовых и налоговых учреждений...

Вскоре, по поручению Ильи Ивановича, Артем блестяще сдал за полцены всю партию оптом. Тот же самый "КамАЗ" перевез груз на склады... компании "СМС". Алла Константиновна все же поехала в Грецию...

— Ты что, Михайлович? — удивился вопросу генерального директора начальник порта. — Твои люди давно уже приняли "Янычар", и он ушел обратно в Турцию. Не знаю зачем, видимо, ты деньги экономил, его разгрузили на старом лирсе. А что случилось?

— Ничего, — успокоил его гендиректор, — я тебе как-нибудь припомню керченский рейд.

— Да пошел ты... — не стал вдаваться в подробности начпорта, бросая трубку, и тут же, забыв о гендиректоре, начал орать на прибывшего по его вызову бригадира докеров: — Я же говорил тебе, что фортепьяно эксклюзив, его для консерватории доставили, а ты на него сверху контейнеры с племенными коровами из Голландии поставил...

Гендиректор компании "СМС" был не только гендиректором, но и владельцем компании. Ему не с кого было спросить, поэтому он и подал заявление в милицию. Дело серьезное, уголовный розыск выяснил, что пропал не только груз, но и сухогруз. Турецкая сторона уже стала выражать беспокойство.

Вскоре груз обнаружили на складах компании "СМС", владельца компании посадили в СИЗО и стали крутить по полной программе, пытаясь выяснить, куда пропало "турецкое грузовое судно".

Дело было настолько запутанным, что полковник Алябьев подключил к нему "гения городского сыска" майора Пластовца, который и распутал его в течение недели, но доказать ничего было нельзя. Мошеничество и доказательство против него редко соседствуют друг с другом. Тем более что при грузе обнаружили документы, предусмотрительно прикрепленные скотчем к ящику с парфюмом, из которых следовало, что компания "СМС" чин-чином приняла груз и расписалась в этом

рукою гендиректора. Документы хотя и были фальшивыми, но оказались как бы настоящими.

— Да, это я расписался, — признал свою подпись директор.

Ни он, ни завскладом не удосужились прочесть бумагу, подsunутую небритым водителем "КамаЗа", когда принимали доставляемый им на склад товар, думая, что подписывают путевой лист, который тоже не знали, как выглядит.

Через свою осведомительскую сеть майор почти сразу же вышел на Седова и выяснил с его конспиративной точкой в дачном поселке "Морская", но операция "Янычар" была проведена Рыбаком с такой наглой и психологически выверенной филигранностью, что никакой юридической зацепки для задержания Ильи Ивановича у Пластова не оказалось.

Все, включая уголовный розыск, как бы знали, что Рыбак и его команда "кинули" гендиректора, но ни у кого не было веских причин, чтобы надеть на них наручники. Пластова так и доложил Алябьеву, и дело, несмотря на истерику турецкого владельца "Янычара": "Отдайте судно!", тихо закрыли и столь же тихо выпустили директора компании на волю, ограничив ему срок наказания "временем нахождения под стражей в СИЗО", то есть пятью месяцами.

Однажды, прогуливаясь с Катенькой по набережной, Пластова остановил выходящего из своего серебристого "линкольна" Илью Ивановича, окинул его взглядом и напрямую спросил:

— Куда "Янычар" ушел?

— Туда, — кивнул головой Илья Иванович в сторону моря, — в море.

— Ладно, — беззлобно предупредил его Пластова, — скажи моей супруге спасибо. Она этого гендиректора терпеть не может, а то я тебе давно бы ласты склеил. Но я, рано или поздно, вернусь к этому делу, не расслабляйся.

— Хорошо, — поблагодарил Илья Иванович майора, — не буду...

...И вот Пластова исполнил свою угрозу. Была, была все-таки у майора одна небольшая зацепка: видеокадры, на которых Артем Ровесников так неосторожно давал последние наставления тому самому небритому водителю "КамаЗа", так кстати подsunувшему свой "путевой лист" на подпись директору. Видеозапись принадлежала охранному агентству "Посейдон", охраняющему терминал для большегрузных автомобилей. Так что майор не просто исполнил свою угрозу, посадив Джержика в СИЗО, он нанес Илье Ивановичу удар в самое сердце...

Глава девятая

Слух о двух смертях Боцмена уже достиг ушей всех горожан. Но Рыбак был не из тех людей, которые пользуются слухами. Это непрофессионально для мошенника. В первую очередь Илья Иванович спросил у Клима:

— Твоя сестра по-прежнему работает старшей медсестрой в городской больнице?

— Да, по-прежнему.

— И по-прежнему надеется стать мадам Капустиной?

— Она уже год как Капустина и даже вот-вот родит Капустенка. Я как знал, вчера зашел к ней, занес "осетра Самыча" икряного и попросил узнать о трупах Боцмена...

Серебристый "линкольн" Ильи Ивановича после аварии ржавел на свалке в Анапе, но катер контрабандиста был цел и находился под присмотром Клима. Он был выше всяких похвал, этот катер. Сбалансированный, непереволачивающийся корпус, два бесшумных двигателя "Мираж" и скромная, не бросающаяся в глаза "рабоче-ры-

бацкая внешность" делали его незаменимым при наблюдении за "Джузеппе Гарибальди" и при отрыве от преследования.

— Клим, — поинтересовался Илья Иванович, — а ты сам-то что думаешь о двух смертях Боцмена, он, случайно, не Кашей Бессмертный?

— Если один раз выпал с десятого этажа и жив остался, то это случайность, а если второй раз выпал с тем же результатом, то это привычка, — усмехнулся Клим.

— Ты хочешь сказать, что даже при систематических появлениях трупов Боцмена в морге он и сейчас живее всех живых?

— Я думаю...

— Знаю, что ты думаешь, — перебил его Седов. — Надо выяснить, где он родился, вырос, и посетить его малую родину. Твой двоюродный брат по-прежнему в регистрационном отделе паспортно-визовой службы администрации города работает?

— Да, все там же. Я как чувствовал, вчера к нему домой заехал, отдал Натахе, жене его, двухлитровую банку икры, три кефали свежей и сумку судачка вяленого...

Брачный аферист из Петербурга Коробкин, полифоничный мошенник москвич Вася "Клайпеда" и ризлтер из Киева "Адвокат" вышли за ворота Управления внутренних дел в твердой уверенности, что менты — они, конечно, менты, но с некоторыми из них, такими, как лейтенант Грин, можно иногда иметь дело. Лейтенант Грин двадцать минут назад взял уголовные дела, заведенные на них, и разорвал на три части каждое. Это не было пошлой инсценировкой, на которые так падки криминально-розыскные службы в соответствующих для этого случаях обстоятельствах. Нет! Александр Грин выполнил условия сделки, а точнее, не отказался от своих, день назад произнесенных слов:

— Если все, что вы мне рассказали о взаимоотношениях Лили Кац и Боцмена, правда хотя бы наполовину, и дневник "Моя жизнь" Лили Кац действительно существует, то я договорюсь с начальством и закрою дела, которые на вас завели, даже в том случае, если насчет существования дневника вы погорячились.

— Какие дела? — возмутился Клайпеда.

— Никаких дел, — поддержал его Коробкин.

— Это же дипломатический абсурд. Зачем мне ваши русские дела, когда у меня никаких дел даже за границей, дома, в Киеве нет? — удивился Адвокат.

— Вот, почитайте. — Лейтенант протянул каждому по машинописному листу. — Это ответы на запросы по вам троим.

— Хорошо, — заявил Клайпеда, пробежав текст глазами. — Закрывайте все, что завели.

— Да, — поддержал его оторвавшийся от чтения Коробкин. — Для меня очная ставка с Фросей Злобиной то же самое, что приговор — два года расстрела без суда и следствия.

— Во всем должна быть логика. — Адвокат вернул листок Грину. — Все, что открывается, непременно должно закрываться, и наоборот. Мы вам продали, а вы с удовольствием купили наши версии и предположения о смерти и жизни Лилечки Кац и Олежки Боцмена, разгадка которых дремлет на страницах Лилечкиного дневника. Хотя я не совсем понимаю утверждения Коробкина о существовании такого дневника, но одобряю ваше желание отпустить нас.

— Наглеч! — Грин строго посмотрел на Адвоката. — Это разовая акция в связи с легкостью содеянного вами. Если бы у вас, то есть на вас была кровь, то сидели бы вы в СИЗО, и никто бы с вами не договаривался.

Вот такой разговор произошел день назад...

— Одним словом, — посмотрел Клайпеда в сторону городского вокзала, стоя на мостовой перед воротами УВД, — я в Сочи, пока сезон в разгаре.

— А я махну на родину, — повернулся лицом к вокзалу и Адвокат. — По дороге решу какую, московскую или киевскую.

— А я, наверное, женюсь, — твердо проговорил Коробкин. — Вот как только шершель на свой фам найду, так и женюсь.

И тройца, словно по команде, отвернулась от ворот УВД и устремилась к вокзалу, переругиваясь на ходу.

Глава десятая

Илья Иванович Седов вдвоем с Климом опробовали возможности и надежность быстроходного катера, прибывшего к ним из Анапы в обмен на "линкольн".

— Хорошая лодочка, — подвел черту Рыбак.

— Шустрая, — согласился с ним Клим...

Он остался возле катера, а Илья Иванович отправился прогуляться по набережной к центру города. В центре ему то и дело попадалась на глаза видимая издали гостиница "Бегущая по волнам". Илье Ивановичу не нравилось, что она до сих пор принадлежит не ему. Когда он, покинув центральную улицу, спустился по каменной лестнице к набережной, то ему стал мозолить глаза стоящий на рейде и видимый издали белоснежно-голубоватый "Джузеппе Гарибальди". Вот уже несколько лет он никак не может примириться с мыслью, что теплоход-сказка, теплоход-мечта принадлежит грубому уголовному материалисту Боцмену, а не ему, вдохновенному и уважаемому идеалисту.

Илья Иванович остановился у пирса возле гостиницы для яхтсменов "Парус", окинул ее взглядом и направился в сторону каштановой аллеи. Одноэтажная кирпичная гостиница общежительского спортивного уклада напоминала длинный амбар с окнами, но Рыбак не обращал на это внимания.

Почти все околонбережное, околяхт-клубовское и околпортовое пространство было заполнено ведомственными, полуведомственными и непонятно кому принадлежащими гостиницами с яркими названиями и вызывающей оторопь архитектурой, в которой угадывались бывшие склады, конторы и лодочные станции. Одноместная гостиница "Маяк" напротив кафе "Буревестник" так вообще расположилась внутри водонапорной башни и пользовалась колоссальным успехом у богатых курортников. Единственный номер "Маяка" в круглой вершине башни на высоте двадцати метров стоил две тысячи долларов в сутки и принадлежал приятелю Ильи Ивановича, Семену Горобченко, бывшему инженеру-эксплуатационщику бывшей водонапорной башни...

Рыбак вошел в аллею и медленно проследовал по ней, стараясь не обращать внимания на прогуливающих отдыхающих. Увидев свободную скамью, он присел и стал ждать.

У Ильи Ивановича была назначена в каштановой аллее встреча с человеком. Но вышло не совсем так, как он рассчитывал...

Рыбак намеревался встретиться в аллее со старшим стюардом гостиницы-теплохода "Джузеппе Гарибальди". Старший стюард, то есть Сидор Иванович Кулич, по кличке "Сметана", согласился на встречу лишь потому, что не мог не согласиться...

Двадцать лет назад Сидор Иванович отбывал свой пятилетний срок в одной колонии с Ильей Ивановичем. В Ахтарской колонии Сметана сидел за организацию подпольного отеля для иностранных матросов, а Рыбак — за массовое распростра-

нение среди отдельных граждан, коллективов и организаций билетов на подпольные концерты запрещенных тогда Вилли Токарева и Любы Успенской, которые даже и не предполагали в своих США, что им надо отработать проданные на них билеты в России.

Илья Иванович ждал Сидора Кулича, но вместо него из глубины зарослей позади скамьи вышел Василий Пластовец и обескуражил его рядом вопросов, заданных будничным тоном один за другим:

— Как ты думаешь, Седов, Боцмен жив или мертв? Как считаешь, кто убил Лилию Кац — Боцмен живой или Боцмен мертвый, или кто-то третий? Зачем ты сменил пижонский "линкольн" на скоростной катер? Seriously собираешься забрать бизнес Берга, или просто хочешь урвать немного денег? Давай помогу тебе, а ты мне за это...

— Буду по гроб жизни обязан, — закончил фразу майора Илья Иванович. — Ты, майор, конечно, оригинал, но не до такой же степени, чтобы верить в то, что я тебе поверю.

— Сметану не жди, — пропустил реплику Рыбака Пластовец. — Все, что можно узнать от него интересного, я уже узнал, и могу тебя заверить, нет ничего интересного, одна байда и предположения на уровне "все об этом знают". А как у тебя насчет интересного?

— У каждого свой интерес. Ты зачем закрыл Джерджика?

— Какой-то дикий вопрос. Ты меня поражаешь, Седов. У меня профессия и наследственность такие. Закрывать, закрывать и только закрывать тюремные двери за спиной таких, как ты. Но я добрый, могу и выпустить твоего питомца на своих и частично твоих условиях.

— Не надо. Пусть Джерджик сидит, раз посадили, судьба у него такая.

— Хорошо, — легко согласился майор, — зайдём с другого бока. Я знаю, что не только ты, но еще два десятка серьезных людей начали искать возможности, как быстрее, дешевле и законнее приобрести "Джузепика" и "Бегущую". Люди настолько серьезные и умные, что ни один из них не обошел нас. И можешь не сомневаться, Рыбак, более половины претендентов начали с МВД московского, а не местного уровня. Более того, среди заинтересованных в наследстве Берга — три законника, и они не идеалисты, как ты, а нормальные, реальные бизнесмены, которые понимают, что без помощи ментов такие куски в свой амбар не положишь...

— То есть...

— Да не "то есть", а съедят они тебя вместе с костями и обувью, даже подметки забудут выплюнуть. Так что не светят тебе ни теплоход, ни гостиница.

— А вдруг Берг, несмотря на свои многочисленные трупы, жив?

— Правильно, Седов, а вдруг? И если вдобавок к этому понять смерть Лилии Кац, так я бы твоего Джерджика гнал из тюрьмы в три шеи и всеми своими возможностями оперуполномоченного был бы за тебя.

— Почему бы вам самим этим не заняться?

— А я что, по-твоему, делаю? Сыщик, да будет тебе известно, только в кино и романах бегает за преступниками с высунутым языком. На самом деле он должен жить полной домашней жизнью, сидеть за обеденным столом, отдыхать в гамаке, ходить с женой по театрам и ресторанам, а люди, заинтересованные в том, чтобы он постоянно был дома, бегали, искали, находили и сообщали ему о результатах сразу же по их получении. В общем, что делать будем — воевать, или временное и взаимовыгодное сотрудничество заключим?

— Ладно, майор, иди с Екатериной Давыдовой в театр, а я пока подумую.

— Люблю умных, и тому подобное. Правильной извилиной думаешь. Но только не забывай, я всегда буду рядом, буду из-за плеча твоего выглядывать и все в эту книжечку записывать.

Майор достал из кармана записную книжку в черной обложке и показал Илье Ивановичу, затем с удивлением посмотрел на нее сам, сунул обратно в карман и скрылся в темноте каштановой аллеи, оставив Илью Ивановича досадовать и злиться.

Записная книжка в черной обложке принадлежала ему, в ней были номера телефонов, из которых два, а то и три, могли бы приятно удивить уголовный розыск, если бы они знали, какому номеру нужно удивляться.

Майор вытащил записную книжку из кармана белых брюк Рыбака, а он даже не заметил этого.

“Ну и времена пошли, — Илья Иванович проводил тоскливым взглядом проходившую мимо влюбленную парочку. — Жаль, что мне еще жить да жить, а то бы лег прямо здесь на лавочке и помер”.

Глава одиннадцатая

В маленьком провинциальном городе Котовске Одесской области майора Пластовца встретили шепот тенистой прохлады, изнемогающей под прессингом летнего зноя, и ненавязчивое присутствие простоты нравов с элементами неуверенного в себе мешанского снобизма.

Котовск, по мнению майора, был каким-то странным и подозрительным городом.

Майор, по мнению привокзального милицейского патруля, выглядел еще более странным и подозрительным. Они подошли и проверили у него документы. Документы оказались в порядке, и милиционеры неохотно отошли.

Одет майор был в красные шорты и майку песочного цвета, на ногах — белые гетры и черные кроссовки. Все дорогое и фирменное. За плечами висел рюкзак военного образца, а на голове красовалась предназначенная для азиатского солнца пограничная панамка.

По мнению супругов Пластовцев, такая форма одежды должна расположить людей к информационному общению. Шорты, майка, кроссовки и гетры настроят их на добродушие и юмор, а рюкзак и панамка — на серьезность. Еще на привокзальной, более напоминающей прилавочную, площади майор начал понимать, что в Котовске можно найти все, что угодно, кроме сведений о Боцмене. Бергом здесь и не пахло.

— Это Котовск? — остановил майор пробегающего мимо подростка с кожаным, явно не подростковым, портфелем в руке.

— Если честно, то да, — ответил ему “подросток”, оказавшийся пожилым, сухощаво-морщинистым интеллигентом полудеревенского облика.

— Мне сказали, что он под Одессой, но здесь пахнет чем угодно, но только не морем.

— Море, тем более под Одессой, уже давно пахнет канализацией. Какого черта вы держите мое плечо? Немедленно отпустите!

— Простите. — Смущенный Пластолец отпустил плечо мужчины. — Я думал, что это Котовск, который под Одессой, но это даже и не Котовск, а глухое притамбовье какое-то...

— Отчасти вы не правы. Здесь нет ни моря, ни Одессы, ни жизни, но кое-какие люди все-таки живут. Если хотите знать, то есть еще два города, названные в честь Ко-

товского. Но это не у нас, на Украине, а у них, в Молдавии, и пахнет там не морем, а Румынией и рекой Прут, и третий — на вашей любимой тамбовщине, но там есть нюанс в ударении, оно на первом слоге.

— Вы хотите сказать, что в мире существует три Котовска?

— Я хочу сказать, что их четыре, четвертый точно под Одессой, но и там поблизости лишь одна Аляска, которая в Америке.

— Молодец, — похвалил Пластовец котовского интеллигента и, вытащив из кармана сто рублей, сунул ему в руку.

— Мне рубль не надо, мне гривну плати, — пошутил мужчина, но деньги взял и, положив их в карман, собрался уходить.

— Постой, — по лицу майора пробежала тень принятого решения. — Как мне добраться в Котовск на Пруте?

— Через вокзал, как же еще. Там есть платное справочное бюро, они вам подскажут. Тем более, что тот Котовск уже не Котовск, а Финчешть.

— Фамилия Берг вам ни о чем не говорит? — Пластовец достал еще сотенную.

— Нет, — признался мужчина, взял сто рублей и ушел, оставив майора в одиночестве.

Немного постояв, Пластовец развернулся и решительным шагом направился к вокзалу. Интуиция ему подсказывала, что молдавский Котовск ближе к уголовному делу по убийству Лили Кац, чем Котовск украинский, не говоря уже об иллюзорных Котовсках Аляски и Тамбовщины.

В здании вокзала майора встретили полдень, духота и полное отсутствие сервиса. Но Пластова это не смутило. Он подошел к кассе на поезд дальнего следования и, отстояв очередь, сунул в окошко деньги и загранпаспорт:

— Один билет до Котовска на поезд Котовск-Котовск.

— Билетов до Финчешта нет, — молодая и смуглая кассирша улыбнулась, — но есть один билет в СВ до Одессы. Будете брать?

— Буду, — решил вернуться в Одессу Пластовец. — Но не в СВ, дайте купейный. А из Одессы я в Котовск молдавский доберусь?

— Из Одессы вы куда угодно доберетесь, — опять улыбнулась смуглая кассирша. — Купейных и плацкартных на Одессу не бывает, только СВ. Будете брать?

— Буду. Вот вам, коренной котовчанке, фамилия Берг о чем-нибудь говорит?

— С вас еще двадцать шесть гривен, — улыбнулась в ответ девушка. — Я не коренная, а пристыжная котовчанка, замуж вышла за котовца. А кто он, ваш Берг?

— Вот именно, кто он? — строго посмотрел на девушку майор и, забрав паспорт вместе с вложенным в него билетом, отошел от кассы.

Браконьер, наивный мошенник и ближайший друг Ильи Ивановича Седова Клим, тридцатishестилетний Петр Павлович Онопко, прибыл в Одессу не для того, чтобы выехать из нее в какой-либо из трех Котовсков, небрежно обозначенных на географических картах России, Украины и Молдавии. Нет. Клим понимал, что только в Одессе ему смогут или рассказать о Боцмене все или послать куда-нибудь в другое место.

Вообще-то в Одессу хотел поехать Илья Иванович, у него там живет толпа родственников и куча знакомых. И тех и других можно назвать добропорядочными, но никак не законопослушными одесситами. И те и другие занимаются тем же, чем занимаются все современные добропорядочные люди — добычей денег, имущества и обеспеченной жизни.

Клим никогда не любил Одессу. Он чувствовал себя в ней, как на минном поле, но это чувство было ложным. Одесса всегда принимала его хорошо и всегда давала ему все то, что ему было нужно.

— Был такой, ходил по улицам, и оба мы знаем его с отрицательной стороны. По-вашему Боцмен, по-нашему Стопарик. Говоришь, убили, а потом передумал? Ха-ха, это похоже на Стопарика. А че, нормально, все по делу, ты че, Клим? Я что-то не пойму, он или ты в непонятке?

— А если бы и я, то что?

— Да ничего, я, как и ты, от Берга на малолетке натерпелся, когда он бугром был, рожа беспредельная. Но кто об этом знает, кроме нас? А мы его никогда козлом по жизни не объявляли и сейчас объявить не сможем. Скажут, а почему так долго молчали, и самих опустят ниже одесской канализации.

— Ты прав, нас грубо одернут. Да мне не это нужно, Мормон, мне нужно знать всю его родословную — от дедушек и бабушек по всем линиям до предполагаемых внучатых племянников от предполагаемых братьев и сестер родного, двоюродного и даже троюродного достоинства. Ищи маму Боцмена и папу тоже ищи. Вот тебе деньги, Рыбак прислал, радуйся. Я бы тебе столько не дал.

— Куда бы ты делся? Не дал бы он. Все дают, если кроме "дать" давать больше нечего. Пять штук баксов! Ура! Хвалю и славлю Илью Ивановича до того, что вот ног нет, а танцую...

Безногий кореш Клим, пристегнутый ремнями к инвалидной коляске, стал выписывать на ней пируэты, подпрыгивая, вращаясь и опасно раскачиваясь вправо и влево, словно был не в коляске, а на коньках.

Несмотря на кличку и безногую инвалидность, вследствие гангрены от запущенных трофических язв, Мормон был вхож во все криминальные дыры Одессы. Илья Иванович знал, что делал, посылая Клима в Одессу. Если хочешь узнать о заметном человеке сокровенную подноготную, то ходи по задворкам его биографии, подглядывая в щели его судьбы с самого момента рождения. Мормон был непревзойденным специалистом по нахождению таких "щелей" в судьбах больших людей, так или иначе связанных с Одессой. Будь у него образование, ноги, удача и респектабельное представление о мире, то при таком таланте он достиг бы головокружительных высот в журналистике и вообще в жизни, а так ему приходилось довольствоваться тем, что в каждой криминально-маргинальной одесской подворотне его принимали с уважением.

Одним словом, Мормон был счастливым человеком.

Вернувшись в Одессу, майор Пластовец положил рюкзак в автоматическую камеру хранения на вокзале и позвонил домой жене:

— Я в Одессе и по-прежнему люблю тебя, любимая. В одном из Котовсков я ничего даже о Котовском не узнал, теперь поеду еще в один, хотя он уже и не Котовск, к молдаванам.

— Знаешь, Вася, Лидия Семеновна принесла из замка сообщение от Покровского. Клим зачем-то поехал в Одессу.

"Замком" супруги Пластовцы называли тюрьму.

— Я тебя люблю, конец связи, целую, привет Лидии Семеновне.

Не успел Пластовец спрятать мобильник в карман, как тот выдал нежную мелодию полонеза Огинского.

— Онопко поехал в Одессу. Рыбак так просто его от себя не отпускает. Чует мое сердце, не Одесса, а Котовск им нужен, — высказал свои предположения шефу лейтенант Грин...

Глава двенадцатая

Был вечер, с моря дул прохладный ветер. В левой руке Пластовец держал мобильный телефон, в заднем кармане красных шорт лежали документы и билет на тринадцатое место в купейном вагоне кишиневского поезда. Больше у майора ничего не было. Деньги, которые он хранил в переднем кармане шорт, — четыреста долларов, три тысячи рублей и двести гривен, — были украдены, как и рюкзак в автоматической камере хранения.

Майор помнил даже место, где у него украли деньги. При входе в вокзал он неожиданно попал в невесть откуда взявшуюся толпу шумливого и черноволосого народа. Организованная бестолковость молдаво-цыганской толпы как образовалась непонятно откуда, так и рассеялась непонятно куда.

— Никакой я не сыщик, — корил себя майор. — Попался на стереотипе. Берг подсознательно задний карман, а спереди как дитя невинное прокололся. Он посмотрел на мобильник, и тот, словно ожидая его внимания, откликнулся полонезом.

— Вася, это ты? — поинтересовался майор Покровский.

— Да, Коля, это я, — вежливо ответил майор Пластовец и выслушал сообщение о многообразии Бергов с одинаковыми лицами, возрастом и, судя по всему, устремлениями.

— Ты рад? — на всякий случай поинтересовался майор Покровский.

— Конечно! — успокоил его Пластовец и, отключив мобильник, с отвращением посмотрел на свои покрывшиеся гусиной кожей ноги.

— Пассажирский поезд Одесса-Кишинев подается под посадку на третий путь. Ну-мерация вагонов с головы поезда! — объявили посадку на поезд майора.

Пластовец посмотрел на вокзальные часы. До отправления оставалось сорок пять минут. С моря на Одессу по-прежнему дул прохладный ночной ветер. Майору надоело быть "психологическим приемом" в красных шортах, и он позвонил Катеньке:

— Стою, как дурак, посередине вокзала в шортах и майке. Из вещей и денег только билет до Кишинева и труба. Все остальное потратил на цыган. В Одессе этой ночью холодно. Я без тебя жить не могу, Катенька. Поезд отправляется через сорок минут.

— Стой, где стоишь, — поняла все супруга. — Через полчаса к тебе подойдут.

Провожающие, отъезжающие и встречающие зябко ежились. Все как один надели свитера и пиджаки. Стоящий неподвижно посередине вокзального зала ожидания Пластовец, в красных шортах, белых гетрах и черных кроссовках, притягивал к себе взоры вокзальной публики и постовых милиционеров, которые после трехкратного подхода с проверкой документов перестали подходить и наблюдали за майором издали. Когда до отправления поезда осталось пятнадцать минут, к майору подошла пожилая супружеская пара. Он был в полковничьем мундире с лирой в петлице, она в белой панаме и длинной вязаной кофте розового цвета.

— Я — Катин дядя, а это моя супруга. Держите, это вам. — Военный музыкант протянул майору плотно набитый солдатский вещмешок.

— Здесь нижнее белье, носки, сухари и тушенка, — объяснила супруга музыкального полковника.

— Спасибо, — растерянно проговорил ошеломленный сухарями и тушенкой майор, до этого момента ничего не ведавший об одесских родственниках своей Катеньки.

— Это еще не все. — Полковник достал бумажник из внутреннего кармана. — Держите и пересчитайте. — Он вытащил две бумажки по сто гривен и протянул Пластовцу.

— Я... — начал майор, но полковник прервал его.

— Не надо слов. Люди просто обязаны хотя бы изредка отдавать свою одежду, пищу и деньги бесплатно, не ожидая благодарности.

— Ладно, — легко пошел на уступки Пластодец. — Никаких вам благодарностей.

Но произнес он это уже в спину удаляющимся от него новоявленным родственникам. Бросив взгляд на часы, майор поспешил на перрон. До отправления поезда оставалось десять минут...

Одесса, в лице безногого Мормона, все-таки послала Петра Онопоко в Котовск на Пруте.

— Он где-то там родился. Сандро сказал, что оттуда были люди, которые знают Боцмена как толкового "барыгу по понятиям", а другого, брата его, знают как лучшего на всей молдаво-румынской границе автослесаря. К нему и от нас и от молдаван с румынами краденые тачки на переподготовку гнали. Один из них, никто точно не знает, кто именно, сейчас где-то в Краснодарском крае отдыхает. Этот Боцмен, оказывается, шустрый братан, да еще на прикупе хочет банк сорвать. Так что кати, Клим, в Прирумению, если там тебя не застрелят, то на обратном пути заходи. Посидим, поговорим, водки выпьем...

На вокзале, купив билет на кишиневский поезд, Петр Павлович отзвонился Илье Ивановичу и сообщил ему:

— Еду к румынской границе. Хочу выяснить кое-что о детстве Боцмена.

— Езжай, — одобрил Рыбак. — Я хотя тебя и не понял, но, по-моему, ты поступаешь правильно...

Было прохладно. Клим достал из сумки ветровку и надел ее. Подходя к своему вагону, он посмотрел в железнодорожный билет — у него было пятнадцатое место в купейном вагоне...

— Ну, здравствуй, Петр Павлович Онопоко, по кличке "Клим". И куда же ты направляешься, да еще и в одном купе с ментом? Неужели, как и я, за Берговскими душами?

Теперь о Котовске нечего было и думать, поэтому Клим "честно" объяснил майору:

— Я в Кишинев еду, Василий Иванович. Там у меня тетка дни свои доживает. Гляну на нее и обратно поеду.

— Это уж как водится, — усмехнулся майор. — И тетки и дядьки по всему миру, кроме Котовска, разбросаны будут. Что встал, проходи, какое у тебя место?

— Пятнадцатое, — буркнул Клим. Перспектива ехать с Пластовцом в одном купе и с одной целью ему не улыбалась.

— А у меня тринадцатое. Так что мы по низам. Интересно, кто к нам подсоединится...

— Мы уже отправились, — заглянула в купе остроносая, худая и на вид злая проводница. — Вы пока вдвоем. Думаю, что до Кишинева так и будете вдвоем. Плацкарт и СВ заняты полностью, а купе как всегда полупустое. Нет среднего класса, и все тут. Одна беднота, да воров в СВ из себя бизнесменов корчат... — выпалила она и, хлопнув дверью, исчезла.

Майор Пластодец не стал разубеждать Клима в своих намерениях, а сразу же приступил к делу.

— Я слышал, что Кишинев — город роз, дешевого вина и дорогого удовольствия. Но нам с тобой этого не надо. Если ты по-прежнему будешь настаивать на Кишиневе и тетке, то я продаю с тобою три вещи и все три экстремальные. Тебя ведь Мормон-колясочник в Котовск на семейство Бергов послал посмотреть, а Седов Илья Иванович дал ему за его работу пять тысяч баксов.

— Мормон? — удивился Петр Павлович Онопоко.

— Можешь удивляться хоть всю жизнь, а я удивляться не буду. Если вы сейчас, вот с этой секунды, не станете сотрудничать в моем лице с уголовным розыском России, то уже через два дня ваш Джерджик станет официальным, добровольным, подписанием под всеми обязательствами агентом оперчасти, то есть моего друга майора Покровского.

— Ха! На такие слюняйки сейчас даже малолетки не ведутся.

— Ладно, посмотрим. А пока набираем номер мобильника, который никто, кроме тебя, знать не должен... Але, Рыбак? Это я, Пластовец. Не удивляйся, а лучше слушай и отвечай. Ты Абрама Архипыча знаешь? Ну понятно, что его все знают. Так вот он, старичок наш дорогой, глянул на твоего Джерджика и нашел в нем три психологические зацепки, которые делают из него стукача, то есть, в отличие от всякой уголовной швали, порядочным парнем. Как тебе это? Ты меня понимаешь, Седов? Постараюсь, чтобы эта информация вплыла в уши нужных людей, и тогда прощай, воровская корона, которую с того момента ты сможешь удерживать лишь при нашем благословении. Чего я хочу? Да почти ничего. Хочу, чтобы ты и Клим помогали мне всеми своими возможностями и силами по метаморфозам Берга и по убийству Лили Кац. В общем, станьте моими подручными на всю мою ментовскую карьеру. А я вас буду беречь, защищать и время от времени деньгами подкармливать. Если не нравится, то даю слово, что ты и Онопоко будете на клинках, не знаю уж каких, стальных или кожаных, у братвы трепыхаться. А Ровесникова я в школу милиции пристрою, пусть лучше будет ментом поганым, чем вором коронованным. Откуда, говоришь, номерочек я взял мобильника? Глупый вопрос, я же опер, а не справочное бюро. Да вот он, твой Клим, рядом. Да, пожалуйста... — Майор протянул мобильник ошеломленному и впавшему в апатию Климу.

— Да, — грустно сообщил Петр Павлович, — я все слышал... Да мне по барабану, так даже лучше. Особенно, если жить хочется... Договорились, я под протекторатом майора... Не знаю, что это за "протекторат", но я под ним у майора...

— Вот и чудно! — весело и доброжелательно похвалил майор Клима. — Угощайся! Из стратегических запасов Минобороны.

Пластовец стал выкладывать на стол тушенку и сухари из солдатского вещмешка. Взяв банку тушенки, он сквозь смазку на крышке прочитал:

— 1981 год...

Глава тринадцатая

Илья Иванович Седов, сдав свои позиции и Клима майору Пластовцу, именно так это и воспринял — как сдачу карт. Майор банкет, это понятно, но ведь когда-нибудь колода перейдет к нему, и как ляжет карта после этого, не знает никто.

Илья Иванович смотрел с высоты седьмого причала на море и любовался огнями только что отчалившего круизного теплохода-гостиницы "Джузеппе Гарибальди". "Все это будет моим, — пришел он к окончательному решению. — Зачем такой красавец кому-то другому? Я сделаю из этого корабля и стоящей на берегу "Бегущей по волнам" целую страну. В нее будут приезжать миллионеры со всего мира и со слезами счастья, восторга и умиления оставлять в ней свои души и деньги".

"Джузеппе Гарибальди" взял курс на Ялту и, прогудев печальную ноту прощания, стал удаляться от города. Илья Иванович повертел в руках мобильник, по которому он только что сдал свои позиции майору Пластовцу, и бросил его в море.

Светясь голубым окошком, мобильник пошел ко дну. И в это время раздался призыв другого, пристегнутого к поясу брюк, мобильника.

— Мой внук еще в тюрьме? — спросил у Ильи Ивановича голос прямо из Греции.

— Пока еще в тюрьме, Алла Константиновна, но вы не волнуйтесь, отдыхайте. У каждого человека бывают в жизни такие периоды, что лучше ему посидеть в тюрьме, чем где-либо в другом месте.

— Я, кажется, тебя поняла, Илья, хотя ничего и не понимаю. На мой счет прислали сто тысяч долларов. Что делать?

— Поезжайте в Венецию, Алла Константиновна. Там сейчас дует легкий и теплый ветер и отдыхают ушедшие на покой плейбои. Я вам скоро позвоню. — Илья Иванович повертел в руках второй мобильник и отправил его вслед за первым.

— Здравствуйте, Илья Иванович, — неожиданно услышал он.

— Здравствуйте, лейтенант Грин. Значит, начальника в командировку выпихнули, а сами здесь, на седьмом причале, ошиваетесь. Теплоходы в море провозааете или за монетками ныряете, на жизнь и пенсию подрабатываете?

— Да я вас и не слушаю, Илья Иванович. Я с вами сейчас как бы дружу и как бы случайно на причале оказался.

— А что надо?

— Вот смотрю я на "Джузика" и удивляюсь. Владельца, Берга, вроде бы уже убили пару раз насмерть. Совладелицы тоже в живых нет. Следствие идет. Счета теплохода и гостиницы "Бегущая по волнам" под временным арестом. Я уже у половины команды "Джузеппе Гарибальди" подписку о невыезде взял, а он прет себе в Ялту, и номера в "Бегущую" все заняты, даже на койко-место в подвале возле котельной соглашаются. Выходит, что не всех владельцев еще застрелили? Эй! Внуки Ихтиандра! Я здесь, гребите сюда!

К лейтенанту Грину и Рыбаку, медленным шагом двигавшимся по краю причала, подошла обыкновенная весельная лодка "попугайчик". В ней находились местные пацаны, ныряльщики за монетками и за тем, что "упало с борта".

— Сто баксов, или сам ныряй, — предупредил Грина "внук", рыжий, дерзкий и практичный.

— Полтинник, или выкидывай обратно в море, хапуга. Вот он, лик рыночной экономики, — пожаловался Грин Рыбаку и протянул рыжему пять сотен.

— Нищета, — фыкнул рыжий и, протянув оперативнику два мобильника, только что выброшенных Илеей Ивановичем, оттолкнулся от стенки пирса.

— Мы ведь как бы друзья! — возмутился Илья Иванович, глядя, как лейтенант рассовывает мобильники по карманам.

— Ну да, — подтвердил Грин. — Не враги. Но по этим телефонам тебе звонили из Украины и Греции. Нужно выяснить, кто именно. У нас работа такая. Это хорошо, что мы их со дна моря достали, а то ведь бывают дни, когда все помойки города приходится обходить в поисках улик и личной заинтересованности в доказательствах чужой вины.

Майор Бутусов, начальник следственного отдела УВД, докладывал своему начальнику полковнику Алябьеву о некоторой операции, которую проводил его отдел в лице майора Пластовца и Александра Грина.

Кроме них, в операции "Боцмен" были задействованы специалисты из отдела по экономическим преступлениям УВД, эксперты из налоговой инспекции города и два

простоватых на вид, но трудно определяемых по содержанию, наблюдателя из ФСБ России. Общее руководство операцией взял на себя полковник Алябьев.

— Судя по всему, в этом деле может не оказаться крайних. Владелец Олег Аркадьевич Берг убит с гарантией, в двух экземплярах. В данный момент Пластовец пытается выяснить, кто хранится в нашем судмедэкспертном капустнике — оригинал и копия или две оригинальные копии. Из отдела экономистов утверждают, что здесь присутствуют элементы перепрофилирования собственности в нечто, напоминающее нулевой вариант.

— Да, в нечто, напоминающее сказанное вами, но с особой, так сказать, доселе не известной криминалистике изюминкой.

— Какая там изюминка, Бутусов! Теперь мне понятно, что ФСБ у нас наблюдает. Чувствует мое сердце, друзей придется терять. По всем понятиям, никуда не деться без наручников для мэра города, да и, что греха таить, самого губернатора.

— Вы правы. Это с их подачи Берг получил трехгодичный налоговый кредит. Он имел право не платить налоги три года, и он их не платил. Теплоход, гостиница "Бегущая по волнам" и сопутствующий им бизнес давали ему ежемесячную прибыль, даже с обычной "полусерой" выплатой всех налогов, равную квартальному бюджету нашего города. А он даже полусерые налоги не платил.

— А как это законодательно осуществляется, тут же основания нужны? Чует мое сердце, наручники и моему партнеру по бильярду, начальнику налоговой инспекции, понадобятся.

— Основание обычное. "Экстренная трехгодичная налоговая неприкосновенность для развития регионообразующей туристически-курортной инфраструктуры". С последующей выплатой недоплаченных государству денег с той позиции, до которой инфраструктура разовьется за эти три года. То есть и после трех лет открыто целое поле для всевозможных экономических махинаций.

— Ну, понятно. Можно развиваться до лас-вегасских масштабов, а в отечности "работать" на уровне аттракционов в городском парке. Но тогда зачем огород городить — убивать, стрелять, шум да гам, прыжки из окон, я не понимаю?

— А я понял. Боцмен решил избавиться от выплат и этих трехгодичных немалых денег, а его стали отстреливать в массовом порядке.

— В таком случае, это не изюминка, а обычная жадность, которая фраера губит.

В Кишиневе у майора проверили на вокзале документы и задержали. Одному милиционеру, старшему патрульной группы из трех человек, показалось, что он когда-то видел майора Пластовца в Тирасполе, торговавшего ручными гранатами на местном блошином рынке. Да оно и понятно, клял себя майор. Шорты, майка, кроссовки и солдатский "сидор" с нижним бельем х/б, проштампованным в какой-то воинской части, плюс тушенка и галеты, и под мышкой, пока еще не обнаруженное, табельное оружие. Готовый портрет солдата удачи, "дикого гуся". Если вдруг боевые действия, то сразу бери и расстреливай.

Майор понимал, что насчет него дали ориентировку патрульные одесского вокзала. Это обстоятельство не помешало ему вспомнить о своей Катеньке с нежностью. Он даже попытался позвонить ей, но у него отобрали мобильник и, на всякий случай, надели наручники.

— Вы с ним? — спросил милиционер Пластовца, указывая на Клима, у которого тоже проверили документы, но они не вызвали никаких подозрений.

— Что значит с ним? — возмутился майор. — Я разве похож на его папу, или он на мою маму?

— Идите, — отпустил Клима старший, а майора повели в линейное отделение.

— Ну, мужик, — пригрозил на всякий случай Пластовец, — если это ты ментов навел, то я тебя на любой Канатной восемь найду и тоже документы проверю.

— Безобразие! — отпрянул от майора Клим. — С какой стати я должен кого-то на кого-то наводить? Попались на воровстве, так идите и отвечайте по закону, а мне, да будет вам известно, сегодня еще тещину наливку пить и в Одессу возвращаться.

— Тебе же ясно сказано, — отпихнул Клима кончиком дубинки старший по наряду, — иди отсюда.

Немного подумав, Клим сел в такси и отправился на автовокзал. Он радовался, что остался один. Все-таки легче быть одному, чем с ментом под боком. Хотя, конечно, не всегда и не во всех случаях.

...Майор тоже ехал в прирумынский Фынчешть, дабы развеять свои сомнения. Все путалось на корню.

Несмотря на то, что под ним были фордовские амортизаторы, а над ним сияла мигалка, дорога в экс-Котовск не доставляла удовольствия...

Задержал Пластовца в Кишиневе не столько милицейский патруль, сколько начальник всей кишиневской милиции, муж двоюродной сестры его ненаглядной Катеньки, который наблюдал за всем этим спектаклем из окна кабинета начальника вокзала.

— Ай-я-яй, — упрекнул он майора. — Проводите оперативные действия на территории сопредельного государства без согласования с органами этого государства. Вас надо посадить в тюрьму. Держите, и пока не вернете его пустым, разговора у нас не выйдет. — Он протянул майору стакан с красным вином.

Пластовец выпил вино маленькими глотками и почувствовал неудержимую тягу к более деятельной, разнообразной и наполненной удовольствиями жизни.

— Хорошее вино, — одобрил он, возвращая стакан молдавскому полковнику.

Молдаванин, не говоря ни слова, налил вино в этот же стакан и тоже выпил.

— Не то слово, — согласился он с майором. — Вино не просто хорошее, а качественное и особое. Я тебя вот по какому поводу задержал. Этот придурок, в смысле Катин дядя из Одессы, то есть папа моей Элички, музыкант контуженый, жлоб припадочный, выдал тебе вещмешок солдата первогодка вместо нормальной взаимопомощи и подал милостыню в гривнах вместо нормальной финансовой субсидии. Одним словом, моя Эличка, по просьбе твоей Кати, попросила исправить папину ошибку, у которого девять магазинов, два супермаркета в Одессе, бизнес в Альичевске, Очакове и в Белгород-Днестровском. Держи. — Раздраженный воспоминаниями о теще, полковник протянул майору переходящий стакан с вином, и немного смущенный ситуацией Пластовец выпил его, как и первый — медленно, маленькими глотками.

— Да уж, — вернул он стакан полковнику. — Не вина папу, ну его, с его супермаркетами.

— А я тебе про что. Одним словом, принимай свой украденный рюкзак, его пригнали из Одессы местные менты в одном поезде с тобой. Эличка просила передать тебе тысячу долларов, но у меня при себе только восемьсот. Так что, если что, говори своей Кате, что я дал тебе тысячу. Держи...

Пластовец принял стакан и, не изменив темпа, в том же ритме, вернул его полковнику со словами:

— Поехали, полковник, со мною в кругосветку. Бери свою Эличку, а я свою Катеньку, и прямым ходом в Австрию на горнолыжные курорты.

— Да я лыжи всего два раза, и то водные, по телевизору видел. Держи... — возвратил полковник только что выпитый и вновь наполненный стакан Пластовцу.

— Лыжи — это чепуха, кому они нужны в Австрии. Лыжи, насколько мне известно, только русским бизнесменам нужны. Чуть что, они сразу на лыжи и в Англию. Встречай... — вернул майор стакан полковнику и закрыл глаза. Открыл он их под Фынчештом. Под головой у него лежал рюкзак, оснащенный для жизни человека в любом, даже самом большом и современном, городе. Милицейский представительский "форд" въезжал в бывший Котовск под вознесенные к козырькам руки фынчештских милиционеров...

А в это время в большом южном и портовом русском городе тщательно считали, сопоставляли, изучали документы. Иногда чесали затылки, во многих случаях выписывали повестки для явки на допрос, иногда ордер на обыск и задержание.

Полковник Алябьев был прав — почти сразу возникло непреодолимое, но сдерживаемое начальством желание защелкнуть наручники на запястьях мэра города, начальника налоговой полиции и целого ряда сопровождающих их лиц.

Обсчитанный со всех сторон бизнес Берга был так организован и документально оформлен, что, если бы он или невеста как оказавшаяся совладелецей Лиля Кац оказались живы, можно было надевать на них наручники, арестовывать счета и начинать неспешную кампанию по продаже бизнеса и его долгов по бюджету в другие руки. Но Боцмен и Кац были мертвы, и поэтому наручники нельзя было даже доставать из сейфа не только для них, но и для всех тех, на чьих запястьях по этому делу они были уместны.

— Вот что значит правильно поставленное дело и гениально оформленные документы. Боцмен оказался не прокалывающимся на жадности фраером, а четким и великим бизнесменом с крепкими криминальными корнями. Вы меня поняли, Грин? — Полковник Алябьев разговаривал в своем кабинете с лейтенантом Грином.

— Да, понял.

Александр Грин действительно понимал полковника Алябьева. Документы на "Джузеппе Гарибальди" и "Бегущую по волнам" были оформлены так, что придаться к наследникам после смерти Боцмена можно было только внаглую, то есть так, чтобы справедливость в конце концов восторжествовала. Но бизнес Берга не затрагивал высших интересов государства, и поэтому оно действовало строго в рамках закона и презумпции невиновности.

— Хитро заверчено. Одна надежда на майора Пластовца. Что он там на родине Боцмена делает, я не знаю, но, на мой взгляд, направление выбрано правильно. Чует мое сердце, что где-то там обитает новый хозяин теплохода, гостиницы и сопутствующих им структур.

— Да уж. — Александр Грин продолжал понимать начальника УВД.

Берг оформил все так, что страдали более двадцати крупных страховых компаний. Компании влипли, как куры в ошип, на совершенно, как им казалось, бесприкрынном деле...

Следователи могли надевать наручники на всех замешанных в этом деле: на тех, кто давал налоговый кредит, кто оформлял и лоббировал законность этого кредита, кто кормился от этого кредита, но только не на того, кто получил эту суперналоговую льготу, на самого владельца "туристически-курортной инфраструктуры", если она перешла к нему по наследству...

Боцмен оформил свои страховые полисы на семьсот миллионов долларов так, что страховые компании пошли на это с удовольствием. Они брали на себя обязательства выплатить эту сумму новому владельцу круизного теплохода и гостиницы в

том случае, если бизнес перешел ему в наследство от прежнего владельца, при обязательном условии, что прежний владелец или убит, или ушел из жизни самостоятельно, при не выясненных до конца обстоятельствах.

— Классика гениализма, — восхитился полковник Алябьев. — Теперь посмотрим, как выглядит наследник Берговских капиталов.

— Да уж не говорите, — задумчиво проговорил Грин. — Выглядит, наверное, так, что все ахнут...

Бывший Котовск, куда майора привез высокопоставленный родственник, по мнению Пластовца, как был захолустьем, так им и будет в будущем.

— Берг — фамилия в городе известная, — обрадовал Пластовца начальник финчештской криминальной полиции, выставляя на стол большой графин с рубиновым вином и граненые стаканы. — Можно даже сказать, что это градообразующая фамилия. Если бы не было клана Бергов, то мы еще в Котовском состоянии остались бы поселком городского типа, а так, как видите, прогрессируем по полной программе...

В кабинет без стука просунулась голова и доложила:

— Господин капитан, задержан русский шпион, крутился возле берговской Аркадии. Куда его? Сейчас он в камере.

— Пусть там и сидит, — отмахнулся от доклада капитан, — все равно надежнее места человечество еще не придумало...

После того, как первый граненый стакан опустел, капитан поведал майору о Бергах, и перед потрясенным майором развернулось полотно яркой, многообразной и высокохудожественной родословной...

Сага о Бергах

Первый Берг, Крис-Густав, появился в Финчештах так давно, что от него остались одни легенды, ничего фактически-документального не сохранилось.

Известно лишь, что Крис-Густав был шведом, неизвестно каким образом женившимся на дочери румынского графа Илешту и получившем в приданое богатое и по тем временам многолюдное село Финчешть и замок.

Там они с графиней и поселились.

Стали жить-поживать и детей наживать. Именно с детьми и связана вся необыкновенность этой истории.

— Я бы так сказал, — разлил по стаканам вино капитан, — швед Берг и супруга его, графиня Марика Илешту, стояли у истоков хорошо оформленной и красиво исполненной шведо-молдаво-румынской групповухи.

— Молодцы, что еще сказать, — дипломатичноотреагировал Пластодец, не уловив, в отрицательном или положительном смысле употребляется слово "групповуха".

Все началось, как говорит легенда, с того, что Криса-Густава видели выезжающим из замка на охоту, мчащимся в карете в сторону Кодру, возвращающимся с охоты в замок и прогуливающимся с графиней по замковому парку в одно и то же время.

Четыре Берга в одну и ту же минуту в разных местах — это слишком даже для Молдавии.

Далее стали поступать слухи, что в этот же день, когда его видели в Финчеште одновременно в четырех местах, его видели и в Унгени, и с торговыми делами у турок в Яссах, и даже среди господарского посольства, направляющегося в Санкт-Петербург для переговоров.

Начали возникать всякие предположения, якобы графиня Илешту родила четырех мальчиков-близнецов. Не прошло и пяти месяцев, как графиня вновь оказалась в положении, и все это время Криса-Густава видели в одно и то же время в разных местах. То он стоял на балконе средней башни, то выезжал из замка именно тогда, когда навстречу ему мчалась карета, в которой находился он же.

Вскоре в замок доставили кормилиц из Костешть, Молешть и Хочешть, и графиня разродилась, один к одному, еще четырьмя мальчиками-близнецами, и вскоре на том же фоне — Берг тут, Берг там — снова забеременела...

— Через некоторое время, я шучу, конечно, — уточнил капитан, — бергят-близнецов стало столько, что на них можно было охотиться, как на куропаatok.

Капитан наполнил стаканы в третий раз. Вино действовало на майора благотворно, и он кивал головой, полностью признавая право капитана охотиться на куропаatok, в каком бы облике они ни представлялись.

— Вот тогда-то и надо было начинать санитарный отстрел Бергов, — посочувствовал он молдавской стороне.

— Нет, вы что, — строго посмотрел капитан на майора, — ни в коем случае. Берги столько сделали для города, и в этом, и в "котовском" его состоянии, что любой фынчештянин им по гроб и дальше обязан. Берги были и владетельными князьями, и первыми секретарями, и лидерами преступных группировок, и передовиками производства, и просто никому не нужными законопослушными горожанами, и даже алкоголиками с хулиганскими замашками. В общем, тут Бергов, как собак нерезаных...

История умалчивает, а легенда намекает, что графиня Марика Илешту отнюдь не находилась в блаженном неведении о том, что, кроме одного Криса-Густава, ее обильное деторождение обслуживали еще три его брата-близнеца. Впрочем, графиню можно понять...

Все Берги были как на подбор — красивые, могучие и скандинавообразные. На фоне повальной глущей брюнетности Молдавии и части Румынии, постоянно скрещиваемой с турками, блондинистость Бергов покоряла женщин Бессарабии, которые сразу же и бесповоротно теряли голову и то, что тогда называлось честью.

С тех пор и пошло.

Близнецы росли, достигали зрелого возраста, женились, плодились, иногда используя, а иногда нет, выгоды своей идентичности, все более и более умножая себе подобных...

— А был ли среди Бергов кто-нибудь из уголовных авторитетов по кличке Стопарик? — поинтересовался окончательно протрезвевший после четвертого стакана майор.

— Был, — капитан вытащил откуда-то из-под стола второй графин. — Среди этого выводка из шести человек, трое Бергов — из нашего подопечного контингента. Стопарик, он же предприниматель Боцмен, три недели назад умер от передоза, а Псих, хотя и уголовник, но совсем не авторитет, на малолетке активистом был, а сейчас не знаю, где-то в России ошивается. Ну, а остальные Берги, включая отца и маму, должен я вам заметить, такие люди, что...

— Господин капитан, — доложил в приоткрытую дверь милиционер, — у этого шпиона все документы в порядке, хороший мужик, давайте его отпустим?

— Отпускай, — отмахнулся капитан, — запиши все данные и отпускай. Кстати, кто он?

— Петр Павлович Онопко, — с готовностью ответил милиционер, — хороший мужик.

Постепенно картина прояснилась, но прояснилась как-то так, что при всей ее демонстративной ясности ничего не было ясным.

— Слишком много Бергов, — посетовал полковник Алябьев, — и не всех можно задерживать. Среди них есть такие, что сами кого угодно задержат. Вот приехал к нам новый, высокопоставленный и законопослушный Берг. Он же съест любого и не поморщится.

— Согласен, — тут же отреагировал майор Бутусов. — Я, как начальник следственного отдела, не знаю даже, с какого боку к этому делу подойти. Мистика, да и только.

— Не надо никаких боков, уймись, Бутусов. Надо ставить жирную точку в деле о Бергах. Из-за них страдает весь курортный бизнес города. Все инсинуации Грина, Пластовца и Капустина о якобы имевшем место побеге из морга одного из трупов Берга пресекать на месте. Нас интересует лишь Боцменское проявление мертвого тела, а оно присутствует в нашем городском морге. Это точка номер один... — Полковник Алябьев загнул правой рукой мизинец левой.

— Одна, — подтвердил Бутусов и загнул левой рукой мизинец правой.

— Именно против предпринимателя Боцмена возбуждено уголовное дело по уклонению от уплаты налогов в особо крупных размерах при помощи льготного кредита, выданного на законных основаниях с незаконными целями.

— Ну вы и подпустили формулировочку, — восхитился Бутусов и на всякий случай загнул безымянный палец.

— На уклонении тоже можно ставить точку. Боцмен умер, страховые компании уже начали выплачивать деньги новому владельцу "Джузеппе Гарибальди" и "Бегущей по волнам", которые перешли ему по наследству от ушедших из жизни Кац и Боцмена. Эти деньги он вносит в погашение кредитного долга, и, следовательно, отпадает всякая необходимость возбуждать уголовные дела против администрации города. Это третья точка. Новый владелец, Глеб Аркадьевич Берг, уважаемый и очень выгодный для города человек. И все на этом, ставим везде точки. Пластовцу и Грину объявляя благодарность, и пусть отдыхают. В смысле очень-очень тихо, чтобы наверху ничего не выплыло, продолжают копать это дело. Мы его громогласно и официально закрываем, за отсутствием состава преступления, а на незаметно-оперативном уровне интенсивно разрабатываем.

— Да уж, — удовлетворенно вздохнул Бутусов, — само собой...

— Кстати, где сейчас Пластовец и Грин?

— Пластовец дома, вторые сутки после молдавской командировки с женой из дома не выходит, а Грина на квартирные кражи пригласили гастролеры из Омска. Он сейчас им пути отхода готовит, чтобы после дела можно было отсидеться и ворованное спрятать.

— Послушай, милый, а ведь это такое перспективное и необычное дело. В том, что ты сейчас рассказал, очень много перспективы. Ты прав, у нас в городе должно появиться свое частное детективное агентство, которое я вполне могу возглавить. Я даже придумала этому агентству название...

— Постой, постой, Катенька, милая! О чем таком я рассказал, что у тебя даже есть название этому? Я тебя сколько раз предупреждал, не читай детективы и не смотри сериалы...

Супруги лежали на широкой двуспальной постели и смотрели телевизор, в руке майор держал пульт переключения каналов.

— Понимаешь, — он с нежностью посмотрел на Катеньку, — это в сериалах и детективах может быть страшно, но интересно, а в жизни все гораздо грубее и доходчивее.

— Все понятно, успокойся. Я, конечно, романтизирую ситуацию, но ведь и обстановка соответствует.

— Ситуация уникальная и чрезвычайно серьезная, — не поддержал шутки Платовец. — Я заагентурил законника Седова и его подручного Клима. Покровский начал операцию по вербовке Ровесникова в тюрьме и готов передать его в заагентуренном виде мне. Грин привлек к тайному сотрудничеству с уголовным розыском двух своих братьев, очень и очень даже авторитетных в преступном мире нашего региона, плюс моя служебная агентура. Так что в том, что ты говоришь, есть смысл. Но этот смысл может стоить мне погон и свободы, а вместе нам — жизни. Одно дело — создание частного детективного агентства по слежке за неверными супругами и недобросовестными должниками, и совсем другое — создание частно-коммерческого филиала уголовного розыска, занимающегося вербовкой агентов в преступной среде и настоящими расследованиями при помощи уже завербованных и зачисленных в штат агентов. Это у нас с тобой не детективное частное бюро получается, а какое-то мини-ФСБ на семейном подряде. Один неверный шаг, и мы все в СИЗО или на кладбище. Это в том случае, если начнем слишком эффективно работать и слишком интенсивно развиваться в частном русле.

— Чепуха, — легкомысленно отмахнулась от мужа Катенька и забрала из его рук пульт. — Я стану во главе безобидной детективной конторы официально, а ты, Грин и все ваши агенты будете действовать под моей вывеской неофициально. Вы же не оформляли своих отношений с агентурой документально и оформлять не собираетесь. Давай вначале организуем этот частно-коммерческий филиал уголовного розыска, а там поглядим, что получится. Если все будет слишком эффективно и слишком интенсивно, как ты выражаешься, в частном русле, то мы быстро перетечем в русло государственное по собственному желанию, не дожидаясь СИЗО и кладбища...

Катенька нажала кнопку на пульте и попала на местный канал "Морские зори". С экрана на супругов смотрел некто, похожий на Боцмена, и солидно отвечал телеведущему.

— Для меня оставленный братом бизнес явился полной неожиданностью. Мы с ним не были дружны, хотя, конечно, не до такой степени, чтобы его смерть оставила меня равнодушным...

Катенька выключила телевизор и промурлыкала:

— Ну и как?

— Я согласен! — хрипло ответил майор.

Глава четырнадцатая

Оперативная часть региональной тюрьмы российского значения, возглавляемая майором Покровским, приступила к "ликвидации случаев массового и злостного нарушения режима содержания в малолетнем блоке СИЗО".

— Только аналитические, только психологические меры, только гуманность, это все-таки дети, — приказал Покровскому полковник Карпушкин. — Применение спецназа исключено, будем справляться собственными силами...

Под начальством майора Покровского было шесть оперативников, молодых и не очень. Именно штат оперчасти начальник тюрьмы назвал "собственными силами".

Майор Покровский позвонил старшему воспитателю малолетнего блока и спросил:

— Товарищ подполковник, дорогая моя Семеновна, все ли в хозяйстве твоём готово для наведения порядка и законности?

— Все не все, а двери разблокированы и бассейны опустошены, — доложила мужу Лидия Семеновна. — Можно начинать выдергивать и профилактировать.

— Профилактировать надо до того, а во время того надо лечить. Приказано применять лишь терапию, хирургические методы недопустимы.

— Профилактировать надо всегда, — не согласилась с майором подполковник, — ну да ладно. Справимся к выходным или нет? В кои веки выпало отдохнуть в один день, и на тебе, дети взбесились.

— Справляться надо или не надо, это еще как надо, может быть, и не надо, а до совместного отдыха еще четыре дня. Составляй список на выдергивание из камер, начни с Цыганка и так далее. Орнамент прикрытия должен соблюдаться в полной мере. Я сейчас подойду...

— Учишь, да? — рассмеялась Лидия Семеновна, но не стала развивать эту тему и повесила трубку...

Забить костяшками игрального домино на "расклин" в двери так, что невозможно повернуть ключ в замке со стороны коридора, — верный признак того, что дети чем-то недовольны. Если воспитателям не удастся уговорить юных уголовников добровольно разблокировать двери, то приходится вызывать сварщика и срезать их с петель, то есть портить имущество.

Иногда дети балуются тем, что устраивают в камере "бассейн". Тщательно и мастерски законопачивают подручными средствами все щели в камере, в основном это касается дверного проема, и наполняют помещение водой из водопровода до уровня второго яруса двухъярусных кроватей.

Когда при осмотре камеры через глазок контролер видит, что все сидят на втором ярусе, изображая из себя гребцов на байдарке, то сразу становится понятным — камера превратилась в бассейн, и нужно принимать меры.

За семнадцать лет службы воспитателем малолетних преступников подполковник Покровская твердо усвоила, что тюремных подростков нужно воспитывать, жалеть и любить с чрезвычайной строгостью, подкрепляя ее сосредоточенной предусмотрительностью и хорошо продуманной справедливостью.

Еще задолго до начала "хиппиша" Лидия Семеновна велела во время вывода на прогулку обитателей просверлить из коридора в камеры малолетнего блока дыры для шланга, замаскировав их штукатуркой цвета "общего фона".

Когда пришло время, в эти дыры всунули металлические трубки, соединенные с небольшой электрической помпой, и быстро откачали воду из "бассейна".

Двери "разблокировали" еще проще. Лидия Семеновна приказала контролерам открыть кормушки в двух камерах с заблокированными дверями и "показать мальчикам" гофрированный шланг, которыми оснащаются ассенизаторские машины "Водоканала". "Не разблокируете двери, — пообещала она воспитанникам, — вас обольют мочой, полная автопараша во дворе стоит. Будете чужаками до конца срока и жизни, если собираетесь посвятить ее уголовщине". Двери мгновенно разблокировали, и началась работа по наведению порядка и законности.

Майор Покровский и пять оперативников начали свою работу по "устранению причин, приведших к массовому нарушению режима содержания в среде малолетних заключенных", с того, что стали вызывать эти "причины" из камер и настраивать их на определенную тональность. Майор работал с "лидерами", его подчиненные с "лидерскими шестерками"...

— Здорово, Цыганок, — пожал Покровский руку широкоплечему подростку из десятой камеры. — Что это у тебя рожа побитая?

— Коридорный Барсяга дубьем шваркнул, когда меня из хаты вывели. Я ему на обратном пути в рожу заеду. Можно, товарищ майор?

Старшина Барсяга, двадцатисемилетний контролер, получал стопроцентную надбавку к окладу, молоко за вредность и пятнадцать суток дополнительного отпуска именно за выполнение таких специфических обязанностей. Поэтому майор Покровский легко пошел навстречу просьбе подростка.

— Конечно, — разрешил он, — но только Барсяге, а не первому встречному контролеру, и только ладошкой в четверть силы...

Шестнадцатилетний Цыганок, кандидат в мастера спорта по боксу, находился под стражей и следствием за "совершение многочисленных тяжких преступлений", содеянных в небольшой промежуток времени на территории одного района.

У него был хороший расклад, агентурный, документально оформленный. Он оказался дисциплинированным, исполнительным, умным и даже инициативным агентом, то есть стукачом, которых всегда ценили и будут ценить в правоохранительных органах.

— В прошлый раз ты получил от меня одни инструкции, а сейчас получишь другие. На все ксивы, что приходят от взросляка на малолетку насчет прекращения "хиппиша", отвечай, что Аслан поручил смотреть за вами Джерджику из СИЗО, и, кроме него, вы никого слушать не будете, — объяснял Цыганку Покровский.

— А если будут советовать продолжать? Кто такой Джерджик?

— Вот он-то и будет за продолжение. Ты его слушай, Джерджик молодой да ранний, не зря ему Аслан за вами смотреть поручил. Я тебя как агента беречь должен, поэтому если Гоголь, законник из седьмой, будет катить обратное, то так ему и отписывай, что для пацанов лишь один авторитет — Джерджик...

Покровский заагентурил Цыганка по просьбе его тренера по боксу. Тренер винил себя во всем и просил: "Дайте ему три года условно, а не десять тюрьмы, а то погибнет великий боксер". Покровский пообещал попробовать и поговорил с Пластовцом. Пластовец заочно оформил Цыганка своим агентом на перспективу и поговорил с Бутусовым. Бутусов ознакомился с делом и передал его перед отправкой в суд Пластовцу на доработку. В "доработанном" виде дело стало тянуть от пяти до года условно и в худшем, и в лучшем случае.

Через три дня у Цыганка должен состояться суд. Он еще не знал о "доработке дела" и готовился к худшему. Майор Покровский хотя и знал, но молчал, желая подарить своему агенту неожиданную радость, которая, как известно, только такой и бывает.

Тюрьма волновалась от низа до верха, вширь и вкось, во всех своих ипостасях.

Одни молчали, другие шептались, кто-то был громогласен, кто-то злорадствовал, кто-то впадал в истерику, наиболее распространенное состояние криминальной души.

Бунт юных и горячих сердец вдруг принял демонстративные, обескураживающие формы. Дети объявили голодовку и потребовали встречи с представителями Европарламента и своими корешами на воле. Полковник Карпушкин срочно вызвал к себе майора Покровского и коротко потребовал:

— Доложи подробности.

— Вербовка местного воренка Ровесникова, окончательная привязка городского законника Рыбака к агентурной работе, нанесение удара по авторитету Гоголя, воз-

никновение нехороших и когда-нибудь сыграющих свою положительную роль слухов против Аслана.

— Ладно, — немного повеселел начальник тюрьмы. — Сколько времени тебе понадобится?

— Максимум две недели...

— Неделя! — Карпушкин укоризненно посмотрел на Покровского. — Работай по минимуму, Коля. Тебе тридцать восемь, а ведешь себя на все двести. Возле ворот пресса начинает кучковаться, не ложится им на пляжах, сорокам, погуманничать захотелось. И заметь, майор, ни одного местного журналиста, все как один отпускнуки московские, хоть самому брать отпуск и вешаться.

— Под этот шумок можно почистить исполнительный корпус от злостников. Расквартировать человек двести по другим тюремным режимам, — продолжал Покровский.

— Прямо-таки двести? — недоверчиво посмотрел начальник тюрьмы на оперативника.

— Двести, а то и больше, я уже и списки составил тех, кто этот шмон с голодовкой поддерживает. Молодняк из исполнительного корпуса на двадцать процентов отошел от Гоголя к Джержику. Могу толкнуть слегка, и еще тридцать процентов упадет и станут поддерживать малолеток, а то и сами голодовку объявят...

— Толкни, толкни, Покровский, — возмутился полковник Карпушкин. — Что значит "могу"? Избавиться на двести человек от злостников — это же почти на семьдесят процентов снизить риск возникновения ЧП в течение полугода. Пока новых не навезут. Действуй, майор, и не забудь, что в этот пятничный ужин у нас будут гости. Форма одежды обычная — фрак.

Глава пятнадцатая

Илья Иванович был несколько озадачен подробностями, доставленными ему из бывшего Котовска Климом, и последними известиями из морга, поступившими от сестры Клима. Несмотря на то, что в природе, наблюдаемой им из открытого окна на летней террасе собственного дома, царил безмятежный закат летнего вечера, ему было тревожно.

— Значит, тот Боцмен, что выпал из окна и первым лежал в море, это совсем не тот Боцмен, который был с тобой на малолетке, а тот лежит в морге сейчас?

— Сейчас в трупах числится именно тот, которого туда уже давно зачислить надо. Моей метки на ладони левой руки у первого трупа не было, а у этого есть.

— Но ведь не факт, что тот, кто нам нужен, мертв, а, Клим?

— Тот, кто мне нужен, — мертвый, а тот, кто нужен нам, — не знаю. У них гнездо в Фынчештах. Даже если двух вычеркнуть, еще неизвестно, сколько остается.

— Не будь таким кровожадным. Если поразмыслить, то нам Боцмен лучше живой, чем мертвый, а еще лучше живой, как мертвый... — Рыбак задумчиво посмотрел на друга и спросил: — Или лучше мертвый, как живой?

— Не знаю, тебе решать. Я, как ты.

— А я, как кто? — озадачился Илья Иванович и, вытащив из шкафа белое летнее пальто, надел его. — Пойдем-ка, Петя, прогуляемся. О Джержике поговорим. Бергов много, а он у меня один.

Рыбак и Клим вышли на улицу, и, словно ожидая их выхода, с моря раздался сочный баритональный гудок возвращающегося из ялтинского рейса "Джузеппе Гарибальди"...

Поплутав по улицам, они остановились возле огороженного камнем и деревом домика, устроившегося на самой высокой точке холма. Рыбак нажал кнопку переговорного устройства в железной калитке.

— Ну? — откликнулись из дома.

— Рыбак.

Щелкнула электрическая задвижка, и, толкнув калитку, Рыбак, а за ним и Клим, вошли в ухоженный, весь в цветах, двор. В глубине двора, в обрамлении жасмина, розовых кустов и невысоких садово-ландшафтных гномиков германского производства, стоял дом с каменным крыльчком и деревянным навесом у входа. Дверь открылась, и на крыльцо вышел старичок в домашнем халате и черных кожаных шлепанцах на босу ногу.

— Здравствуйте, Абрам Архипович, — поздоровался с хозяином Рыбак.

— Ну и зачем ты сюда Клима привел? — строго спросил у Ильи Ивановича тюремный библиотекарь, прапорщик Семенюк.

— Майор! — Бутусов, как всегда, делал вид, что он фактический, а не номинальный начальник Пластовца. — Немедленно найдите Грина и быстро идите к Алябьеву. Что это за дневник Лили Кац? Доложите!

— Что толку болтать без толку, товарищ майор. Идемте вместе к полковнику, там и доложимся. А вы сами Грина, случайно, не видели?

— Грина только случайно и можно увидеть. Вот и он, легок на помине...

По коридору вели в наручниках одного из задержанных за ограбление офиса компании "Морской транзит", а навстречу ему вели в наручниках, как бы с допроса, лейтенанта Грина.

— Бургаз раскололся, — быстро проговорил Грин. — Валит все на тебя с Вольтом, и меня влывдил за хранение...

— Молчать! — накинулись на Грина двое сопровождавших его милиционеров, а двое других втолкнули задержанного в кабинет следователя.

— Да этот Бургаз в прошлом году пятнадцать квартир на уши в Саратове поставил, а теперь овцой прикинулся, хочет меня запаровозить по этому делу... — услышал майор Пластовец возмущение будущего зека, перед тем как дверь к следователю захлопнулась.

— Здравия желаю, товарищ майор! — поздоровался "освобожденный из-под стражи" лейтенант и уточнил: — Товарищи майоры, желаю здравия.

— Разговорчики, — одобрительно усмехнулся майор Пластовец. — Идем на доклад к Алябьеву, сейчас он нам о нас все расскажет.

— После Алябьева зайдете с докладом ко мне... — начал было Бутусов, но был прерван более высоким начальством.

— Майор Бутусов! — Вышедший из кабинета бухгалтерии полковник Алябьев стоял посередине коридора. — Вы, Пластовец и Грин — быстро ко мне! Будем выработать диспозицию перед началом великого штурма. Пластовец, я тебе орден дам за повесть о Ромео и Джульетте, ты же Берга и Кац зашексирил по полному аншлагу. Надо же такое раскопать! Быстро за мной! Грину объявляю от лица компании "Морской транзит" благодарность в лице сорока тысяч рублей премии, когда-нибудь в конце года. — Полковник Алябьев развернулся и энергичным пружинистым шагом пошел по коридору в сторону своего кабинета. За ним бодро двинулись Пластовец, Бутусов и потирающий запястья рук после наручников Александр Грин...

— Я прочел, — заявил полковник Алябьев, — и очумел. Присаживайтесь, — предложил он всем троем и, обращаясь к Бутусову, закончил: — Сейчас и ты,

Бутусов, очумеешь. Я знал Боцмена как умного и предприимчивого, а теперь выяснилось, что он дурак. Убил Кац за дневниковые записи, а сами записи не уничтожил. Как ты говоришь, Пластовец, звали того, кто из окна как бы первым выпал?

— Это Блонди, он не выпадал, а просто от передоза под окном умер. По профессии он вор на доверии, наркоша конченный...

— Печально все это, — нечто неуловимое отразилось в лице полковника Алябьева. — Ну давай все подробно, Пластовец, ты гений, тебе и Бутусова на пенсию, после его повышения в должности, провожать...

Дарданелл Аркадьевич Берг, по кличке "Блонди", сел на иглу в 28 лет, после второй отсидки в зоне. С этого момента как личность он перестал представлять интерес во всех своих проявлениях.

Благодаря хорошей физической наследственности он умудрился прожить в безличностном наркоманском состоянии целых двенадцать лет, и лишь в роли трупа его биография вновь, как и до двадцати восьми лет, стала яркой и живописной...

До того, как стать никем, он был хотя и негодяем с хорошими внешними данными, но негодяем полезным и стимулирующим рост и развитие общественной респектабельности.

После смерти труп Блонди вернулся в семью и стал помогать росту ее благосостояния.

Но даже в мертвом, как всем казалось, состоянии, он оказался полумертвым. Даже в таком, можно сказать, надежном деле всех подвел. Наркоманы, они даже в виде трупа не внушают доверия.

Уйти из жизни и вновь вернуться в нее богатым, красивым и ничего никому не должным Олег Аркадьевич задумал давно, но не знал, как это сделать. Что-то такое в голове вертелось, но четкого плана не было. Тогда он припал к ногам патриарха в инвалидной коляске, это было шесть лет назад, и папа, Аркадий Биструпович Берг, ему все разжевал:

— У нас в семье два уroda — Дардя и Парнон, вот на них и ориентируйся. Наркоман и гомик бесполезны в деле продолжения рода Бергов. Сам не убивай, это вредно для здоровья. Трупы за плечами лишают жизнь пикантности. Оно тебе надо? Чует мое сердце, сынок, Блонди и Псих сами нас покинут вскоре. Ты, главное, момент не прозевай, все юридически оформи...

Боцмен все оформил и стал с нетерпением ожидать смерти кого-либо из семейных уродов. Во время этого ожидания умер папа Аркадий. Во время этого ожидания самый респектабельный из Бергов, москвич Глеб, стал отцом первой тройни одинаковых бергят. Во время этого ожидания у двух других Бергов, Кадаура и Тосика, школьного учителя в Финчештах и врача-терапевта там же, детей пока еще не было, но факт их присутствия как бы уже обозначился. Их жены ходили беременными и уже точно знали, что в их животах дремлют по две особи мужского пола.

— Боцмен, — прояснил ситуацию Пластовец, — фактически не послушал папу. Сроки выплаты по кредиту и друзья из администрации, способствовавшие его получению, уже поджимали настолько, что он начал торопить события и ошибаться. В-первых, начал осуществлять свой план с глупости, а во-вторых, спонтанно, поэтому один прокол следовал за другим.

— Не торопитесь, майор. — Алябьев благодушно посмотрел на Пластова. — По пунктам, пожалуйста. В чем заключается его глупость, в чем спонтанность, и как это все отразится на жизни нашего города? Будет передел имущества или нет? Будут во-

ры устраивать сходки для замены Боцмена на другого человека, или их самих перестреляют, как куропаток, честные бизнесмены, прибирающие к рукам берговский бизнес? Я отвлек вас, майор, продолжайте...

— Пункт первый — глупость. Он посвятил в свои планы Лилю Кац...

— Это не глупость, — решил напомнить о себе Бутусов, — это идиотизм.

— Это любовь, — согласился с ним Пластовец, — вы правы. Боцмен решил вложить в Лилю Кац свои официальные планы на семейную жизнь и через нее выпустить в будущее трех-четырёх, а то и пятерых бергеняток. У них в клане своеобразная иерархия: кто больше выдает миру близнецов, тот в роду и главный. У Боцмена это навязчивая идея, пунктик, так сказать, но пока право главы рода после смерти папы за Глебом Аркадьевичем...

Неожиданная удача обернулась неожиданной неудачей. Это самое естественное жизненное действие.

Нагрывший среди ночи в гости Блонди, хотя и нарушил договоренность о недопустимости появления одного из Бергов на территории другого, все-таки был принят Боцменом благосклонно. Блонди был плох. Под рукой у него не было дозы, лямка заставила его покинуть проходящий мимо города поезд на городском вокзале...

Боцмен "помог" брату. Достал ему дозу, и Блонди умер прямо на игле — "счастливым".

Далее начался сплошной дурдом. Блонди умер под окном Боцменской квартиры. Лиля Кац увидела его чисто случайно, звякнула в "02" о выпадении из окна Боцмена и лишь после этого сказала о смерти Блонди самому Боцмену. Тот еле успел покинуть, надев парик, гостиницу до приезда милиции. Так в морге появился первый "труп Боцмена", и живому Боцмену пришлось жить, благодаря уму своей возлюбленной, в режиме лихорадочного действия...

На фоне этого действия пришло сообщение от Глеба Аркадьевича о смерти Парнона Аркадьевича.

Приехав навестить родные пенаты, гомик Парнон, враг Клима, умер от тромбоза мозоли в Финчештской реанимации.

Казалось бы, удача вновь повернулась к Боцмену лицом, потому что именно в этот момент непредсказуемая наследственность Бергов заставила вздрогнуть и очнуться в морговском холодильнике Дарданелла Аркадьевича, то есть Блонди. И ему ничего не оставалось, как взять одежду санитара, пистолет, оказавшийся зажигалкой Капустина, и, покинув морг, уйти в свободный полет.

Истерика заставила Боцмена вызволить из Финчешт тело Парнона, кинуть его с десятого этажа на асфальт и незаметно подсунуть в морг к доктору Капустину...

— Интересно, — хмуро спросил Алябьев у Пластова. — Кто Боцмену эту истерику осуществлять помогал?

— Братва, кто же еще. Деньги у него есть, да и авторитет кое-какой имеется...

— Теперь понятно, — удовлетворенно кивнул головой Алябьев, — откуда у вас эти сведения.

— Да, — подтвердил Пластовец. — Они агентурные...

— Значит, сейчас наследство принял... — начал было выдвигать версии майор Бутусов.

— Боцмен, — перебил его лейтенант Грин.

— То есть если мы сейчас позвоним в Москву, вице-президенту промышленно-сырьевой биржи Глебу Аркадьевичу Бергу, то...

— Выяснится, — продолжил Пластовец, — что он сейчас находится у нас в городе по делам наследства, доставшегося ему от покойного брата.

— То есть... — вкрадчивым голосом перешел к новой версии майор Бутусов.

— Боцмен и Глеба Аркадьевича замочил, — не дал ему договорить лейтенант Грин. — Да и труп Блонди не надолго от морга оторвался. Его обнаружили за городом. Он сейчас снова у Капустина. Мы уже все давно засекретили. Морг пустой, и в городе лишь один Берг, да и тот по делам о наследстве из Москвы якобы приехал.

— Хорошо, — обрадовался Алябьев. — Все вроде бы понятно, Боцмена можно брать. Судя по обнаруженному Пластовцом и Грином дневнику Лили Кац, можно и смерть самой девочки на него грузить.

— Да, — снисходительно развел руками Бутусов, — мы наконец-то распутали это нераспутываемое дело.

— Можно и брать, — пожал плечами Пластовец. — Почему бы и не взять, если взять можно. Кто убил Лилию Кац, мы выяснили, а это главное. Лично меня это дело уже не интересует. Дневники Лили Кац — мощное доказательное оружие. Так что Боцмену сидеть и платить налоги до конца дней за убийства и глумление над телами умерших родственников. А нам под вашим руководством, товарищ полковник, как говорится, еще жить да жить, работать да работать на благо города.

— Конечно, — легко согласился с Пластовцом Алябьев, — и жить еще, и работать. А брать мы его будем демонстративно, завтра, во время проводов в рекламный рейс "Джуэпле Гарибальди". Полно будет артистов и журналистов. Надо только подгадать так, чтобы в самый разгар, при включенных камерах и диктофонах, взять и в ручки его перед всем народом оформить. А то все им милиция плохо работает, не тех сажает, не тех выпускает... Э! Да уже вечер, все по домам, завтра напряженный день ожидается. А я еще пару часиков поработаю, дневник Лили Кац почитаю и тоже, как говорится, домой среди ночи заявлюсь, усталый и голодный, на радость же не и детям...

Дневник Лили Кац

Настоящим бестселлером стала вторая часть дневника, несмотря на то, что Пластовец и Грин добыли две части, две толстые тетради в клеточку под общим названием: "Мысли о вечном Л. Кац".

Первая часть первой тетради в коричневом коленкоре называлась "Огонь любви" и от первой до последней записи была заполнена мыслями наподобие: "Нет поцелуя без любви и нет любви без поцелуя"; "Любовь — это костер, если в этот огонь не бросить палку, то он погаснет". Одним словом, первая часть никуда не годилась, ни к какому уголовному делу ее нельзя было пришить.

Между первой тетрадкой и второй отсутствовал отрезок времени длиной в пять лет. И первая запись уже двадцатилетней Лили начиналась с записи датированной:

После второго мая...

Ну и темочка по темечку, хлоп, и в дамках. Итак, я подженилась на этом лохе из телерадиовещания Симоне...

Мой Симоне — мечта всякой бабы.

Я у него — первая жена, а он у меня — второй муж. Первый заштампован в паспорте. Надо расштамповаться. А зачем?

Июль

А я еще без денег...

На этой лаконичной записи в дневнике закончилось лето одного года и начинался апрель следующего.

Апрель

Этот спортсмен, не супер и не мен, а просто тренер. Опять ходит и ноет — вернись домой. Куда? В Сорренто? В палаты каменные, к пряникам расписным? Лох, но как любит!

Муж по паспорту — это иногда как “здравствуй” среди ночи... Самое интересное, что ни он у меня денег не просит, ни я ему их давать не собираюсь. Пусть живет и ходит в таком случае, может, сгодится когда на черный день...

Июнь

Итак, я, кажется, попала в шелка, любовь и деньги. В самое что ни на есть счастье вступила неспешной походкой и обалдела. Стала трогать его как дура руками. Куда не повернусь, всюду Олежек. Он и позади, и впереди, и сверху, и снизу. Это любовь!

Боцмен моей жизни. Любовь!

Судя по котячьему рылу моей ошалелой любви, Олежек хочет меня по высокому тарифу “капитанить”, а затем бросить.

Придурок мой ненаглядный. Он не в курсе, что я талантливая. Я его так “откаптаню”, что ему не то что жить, помирать без меня не с руки будет.

Август

Боцмен поехал в Москву на конференцию “Бизнес XXI века”. Козел мой ненаглядный. Я у себя дома, в своей квартире.

С утра пришел папа, походил по комнатам, повозмушался, что в квартире не прибрано, пожалел, что он ее когда-то купил “для твоей семейной жизни в день твоей свадьбы” с тренером по волейболу. Поцеловал меня в лоб и ушел. Милый папа!

Сентябрик

Такое ощущение, что Боцмен один, как не один, его почему-то всегда много.

Я-то знаю!

Любимый мужчина, он как бы всегда любимый, а Боцмен как-то любимый неодинаково, разнообразно любимый.

Иногда он будто бы не дотягивает до единственного и неповторимого, а иногда словно бы перетягивает и превращается в некую хотя и чрезмерность, но все-таки оправданно сладостную чрезмерность. Так и хочется, всхлипнув от восторга, сказать — ого, дорогой мой, любимый, соблюдай дистанцию, но соблюдай не очень!

А иногда он заходит, и ты понимаешь, это он, в меру единственный и разумно неповторимый Боцмен, который меня, Лилию Кац, за дуру держит...

Ладно, мой любимый и мои любимые лохи Боцмены, я с вами еще вволю потешусь...

Затем в дневниковых записях был перерыв до следующего лета.

Июль

Жара!

И мир тоска, и все, что в этом мире, тоской попахивает. Особенно если дело касается моих любимых и ненаглядных Бергов.

Я их пометила!

Я же все-таки человек-кошка и должна пометать территории своих удовольствий.

Под кого только мои дорогие бергятки меня не подставляли из Бергов! Это все мой Олежек. Я его только и люблю.

Он меня, кстати, тоже только и любит одну по-настоящему. Денег отсвечивает не мерено.

Но я-то, кроме этого, люблю всех Бергов — за породу.

Мой придурок, муж-волейболист, принес ящичек красок, которыми помечают особые ремонтные клапаны на днище ледоколов, военных судов и подлодок, работающих в условиях Заполярья.

Я дала волейболисту за нее сто евро в рублях, но он гордо отказался, ницета волоколамская!

И вот я их пометила.

У моего ненаглядного Олежека я нарисовала кисточкой бабочку с крылышками под коленкой.

Вот это красочка!

Он плевался, и все сауны города ему эту бабочку отмывали.

Но так и не понял, хотя и грешил в мою сторону, что это я ее нарисовала. Спать надо было не так крепко. В конце концов, ему врач-дерматолог популярно объяснил, что это новообразование, родинка попросту, и Олежек даже загордился этим.

С Блонди мне пришлось быть более нежной. Я ему на левой ягодице крестик кисточкой нарисовала, а через пять месяцев на правой ягодице Парнону нолик запечатлела. Как-нибудь в бане встретятся, да и сыграют в детскую игру.

Этих фынчештских гусаков, Кандаура и Тосика, я пожалела и поставила им лишь по точке. Они, видите ли, в гости из своего захолустья к нам в город приехали. Вот Олежек и порадовал братиков "свежатинкой" — мною, которая им не по карману.

Глеб Аркадьевич, москвич-молодец, наглец, политик и отец семейства. Я, глядя, как он спит у меня в постели под видом моего уже объявившего помолвку жениха Олежки, нарисовала ему на ягодицах по симпатичной красной звездочке. Можно сказать, в октябрята приняла. Так и не проснулся.

Так что я всех, кроме покойного папы, пометила...

Июль

Жара!

Дневник на всякий случай спрятать у Македонца. Он меня когда-то спас от ментовской облавы.

Так и сделаю.

Он хотя и на ментов пашет, но зато друг детства. Его папа с моим папой вместе дурью маялись, отбивая друг у друга наших мам...

На этом воспоминании записи в дневнике заканчивались...

— Значит так, — проговорил полковник Алябьев. — Если что не так, я вас всех побиваю.

— Никаких неясностей, товарищ полковник. — Лейтенант Грин был собран и деловит. — Я все проверил. Гостей будет полно. Кто же откажется среди лета рядом с морем поесть, попить и покататься на халяву на круизном теплоходе?

— Молчи, Грин, молчи, — одернул его Алябьев, — знаю я тебя. Где Пластовец? Ах да, уехал с Екатериной к ее отцу на день рождения. Я и забыл, что он потерял интерес к этому делу. Бутусов!

— В море у Капустина лежат лишь "крестик" и "нолик", в смысле только Блонди и Парнон, но об этом в городе никто не знает, все считают, что морг пустой, и все уже закопаны. Гусаки с точками у себя в Молдавии...

— Молчи, Бутусов, молчи, — одернул Алябьев начальника следственного отдела. — Знаю я тебя. Где Пластовец? Ах да, я же его сам отпустил... Кто проверял на "звездочки" Глеба Аркадьевича? Уважаемому человеку, среди ночи, в центре кафе сняли и вновь надели штаны. Это что?!

— Это пацаны из группы захвата, — объяснил полковнику лейтенант Грин. — Им сказали — они сделали.

— Где этот октябренок сейчас? Бутусов!

— Я его в КПЗ закрыл, чтобы не пострадал от кого-нибудь и не мельтешил под ногами во время проведения операции.

— Молодец! Где Пластовец?

— Я здесь, я вернулся, полковник. Будем брать Боцмена вместе. Пусть, скотина, ответит за смерть Лили Кац. Жена и папа меня отпустили. Сразу же хочу вам доложить, товарищ полковник, весь захват будет продемонстрироваться в эфире. Не знаю как центральные каналы, а наш городской все покажет без записи, впрямую. Тесть решил проплатить это дело в честь своего дня рождения.

— Ну тогда, как говорится, с Богом...

Эту великую милицейскую акцию "по захвату убийцы и мошенника Боцмена" видел, но в большей степени слышал, весь большой южный город...

Белый красавец-теплоход у представительского пирса, вип-гости, девочки из эскорта, мальчишки из охраны. Новый владелец, Берг Глеб Аркадьевич, говорит речь. Море и чайки. В кадре появляются полковник Алябьев и майор Бутусов. Это известные в городе люди. Полковник дает отмашку, и пошло. Захват!

Все смешалось на пирсе у супер-плавучей гостиницы "Джузеппе Гарibaldi". Видимо, досталось и съемочной группе. Картинка показывала небо и куда-то летящий самолет в его глубине, а голоса за кадром комментировали совсем другое событие...

— Бабочки под коленкой нет — это не Боцмен! Это ваше увольнение из органов, Бутусов...

— Что хотя бы есть? — слушал город. — Звездочки в КПЗ, у них алиби. Точки в Молдавии. Крестик и Нолик в морге, им все по барабану. Ты кто, скотина? — явно узнавался лишь голос лейтенанта Грина.

— Я Петя по наследству, — раздался плаксивый голос. — Мне дядя Боцмен все завещал и сказал, что за все это он мне отвалит штуку баксов, и меня все санитары в больнице бояться будут и уважать станут...

Город слушал, глядя в небо на экранах своих телевизоров.

— Ты уволен, Пластовец. — Город узнал голос Алябьева. — Может, теперь скажешь, кто убил Лилию Кац?

— Да кто его знает. — Город узнал голос уже почти и не майора Пластова. — Кто ее убил, стерву такую, товарищ полковник? Я бы и сам ее по случаю убил...

— Ой, дяденька! Ой, миленький! — послышался вопль наследника Пети, и в кадре неожиданно появилось лицо лейтенанта Грина, задающего злые и глупые вопросы.

— Где твой дядя с твоей кучей штук баксов?

Город вновь стал смотреть на этот раз в районе вип-пирса.

— Все группы захвата к психоневрологическому диспансеру и перекрыть к нему все подъездные и подходные пути... — узнал он начальственно-уверенный голос майора Бутусова.

— И подлетные тоже надо перекрыть! — крикнул Грин.

— Кто же, а, Пластовец, кто, по-твоему, убил Лилию Кац? Ты уволен!

— Все уволены! — окончательно распоясался Бутусов.

— Я знаю, — вдруг раздался спокойный голос майора Пластова, — кто убил Лилию Кац...

И большой южный портовый город услышал и увидел, как в эфире воцарилась великая и темная тишина, говорящая лишь об одном — проплаченное время прямого эфира закончилось...

Глава шестнадцатая

Тюрьма гудела растревоженным ульем. После того, как малолетки из нового корпуса, расположенного в "изгибе" длинного коридора, вырвались из ка-

мер "на свободу" в коридор, в тюрьму был вызван, но пока еще не введен, взвод спецназа ГУИН Минюста.

Дети взяли в заложники тюремного библиотекаря Абрама Архипыча Семеника, фельдшера из тюремной медчасти Скворцова и дежурного старшину Барсягу.

Решался вопрос — применять силу сразу и без переговоров или вступить все-таки в переговоры с лидером озверевших деток Цыганком?

Пока суть да дело, спецназ ввели на территорию тюрьмы, и он поразминался в исполнительном корпусе, проведя прессинговые шмоны.

Оперчасть активно вела переговоры с мятежниками. Вскоре вождь Цыганок заявил, что они поступят так, как им скажет Джерджик из тридцать седьмой камеры.

Пока шли переговоры, спецназ перешел для тренировок в пятиэтажное пространство СИЗО и проверил метод "камера-коридор-камера". Это когда арестованные из одной камеры быстро, фактически мгновенно, передаваемые от одной дубинки в руках спецназовца к другой, переводятся в соседнюю камеру, освобождая помещение для следующей, переводимой таким же способом группы.

Таким нехитрым и давно практикуемым способом в сознание заключенных внедряется мысль о нецелесообразности внутритюремных протестов и ненависть к тем, из-за кого с ними происходят такие неприятные вещи.

Вскоре вся взрослая часть тюрьмы стала проявлять недовольство действиями малолеток.

Взоры недовольных обратились к Артему Ровесникову. Впервые в жизни на него свалился груз ответственности за покой, здоровье да и, что там греха таить, будущую жизнь целого коллектива...

Наконец Артем принял решение.

Продолжение бунта происходило по его санкции. Более того, он отослал в исполнительный корпус "цидулку", в которой напрямую обвинял тех, кто против "хиппиша", в измене арестантским идеалам и оппортунизму.

Одним словом, Джерджик выступил против законника Гоголя, который потребовал от Цыганка сдачи позиций и возвращения пацанов в русло режима, дабы "не заморозить дом".

"Цидулка" Артема прошла по всем исполнительным камерам и нашла горячий отклик и поддержку в сердцах тюремных романтиков, явных врагов Гоголя и агентов оперчасти.

Те, кто был за "мирное решение вопроса", оказавшись в меньшинстве, замолчали, и спецназ загулял в полную силу...

В течение пяти минут заложников освободили, мятеж был подавлен, а "дети" закрыты в свои камеры.

И уже на следующий день исполнительный корпус начали готовить к этапу в другие исполнительные тюрьмы. Региональная тюрьма в лице своей администрации спала и видела, как избавляется от самых конфликтных, агрессивных и склочных, ищущих неизвестно где проживающую справедливость закона...

Артем Ровесников был водворен в подвальный карцер и подвергался жестокому прессингу. Вся тюрьма знала, что он сидит в самой тесной, душной и влажной из пятнадцати одиночных камер южного отсека, сильно избит спецназом и нуждается в медлечении...

Гоголя, неожиданно для всех, перевели из карцера в больничную камеру, в одну из самых лучших, на диету и белые простыни. Каждый день к нему заходи-

ли с обходом Карпушкин и Покровский, дважды заглядывал прокурор по надзору за исполнением наказаний.

По тюрьме поползли слухи о "непонятке" с Гоголем и о страдальце Джерджике. Уходящие на этап понесли эти слухи по этапным дорогам России...

Тюремный карцер совсем не то место, в котором хотелось бы задержаться подольше. Поэтому Артем обрадовался, когда дверь одиночной сырой щели в неурочный час распахнулась, и контролер-старшина Барсяга, с ярким синяком под глазом, сказал:

— Пошли, тебе пятнадцать суток сократили по амнистии.

Через некоторое время получив свои вещи и сдав карцерную робу, Артем очутился в огромной, рассчитанной на двести человек, этапной камере.

Пять человек в полосатой робе, после того как закрылись двери камеры, помахали ему, подзывая из дальнего угла.

Не обращая на них внимания, Артем подошел к деревянному столу, сел на скамью, поставив рядом вещевой мешок, и махнул рукой, подзывая к себе рецидивистов. В ответ раздался веселый смех, и один из них энергичной походкой уверенного в себе человека подошел к нему.

— Ну здравствуй, ты кто? — поинтересовался он. — Меня называй Гоголем.

Вокруг Джерджика и Гоголя уже стояли остальные зеки. Лица их выражали любопытство.

— Артем, — не стал вдаваться в нюансы Джерджик. — Подследственный. Это, выходит, меня на этап выдернули из карцера?

— На этап, на этап, — успокоил его один из рецидивистов. — А тебя, случайно, не Джерджиком кличут?

— Это ты, может, в тюрьму случайно попал, — одернул его Артем, — а меня Джерджиком законно кличут, а не случайно.

— Вот и хорошо, — посуровело лицо Гоголя. — Раз ты сынок Рыбака, то послушай о его и о своем будущем...

— Интересно послушать, — равнодушным голосом произнес Артем. — Раз ты мой и Рыбака брат, то, видимо, что-то толковое скажешь. Не разочаровывай меня, Гоголь, а то я какую-то угрозу в твоём голосе слышу, или это так...

— Да ты знаешь, сколько людей погубил тем, что бунт пацанов не прервал, знаешь, что им теперь всем до червонца добавят, а среди них половина вот-вот на свободу должны были выйти?

— Тише, тише, Фока, — оборвал гневную выходку полосатого сотоварища Гоголь. — Это не ему, это Рыбаку надо говорить...

— Я вижу, вы тут все в одной команде, — тем же равнодушным голосом проговорил Артем, но внутренне напрягся. — Это они с тебя пример берут, Гоголь? Базарят, словно у них не одна, а три головы, как у Змея Горыныча...

— Смелый пацан, — удивился один из "полосатиков". — Я пас, Гоголь. Это ваши разборки. Я всего лишь мужик, мне не по рангу. К тому же я слышал, что ему Аслан добро давал. — Рецидивист с изможденным лицом отошел от стола и, уйдя в дальний конец камеры, лег на нары.

Артем добродушно усмехнулся и, кивнув в сторону ушедшего, сказал:

— Мужик, а ведет себя по-воровски достойно. Да Гоголь ли ты, не пойму я что-то...

Но тут двери этапной камеры отворились, и в нее стали входить зеки из собранной на этап партии. Это были последние восемьдесят человек, которых майор Покровский отбирал особенно тщательно.

— А, Гоголь, бродяга, здорово! — Зеки стали подходить к "законнику", шумно приветствуя его.

— Фока, Лапоня, а вы-то куда от солнца и моря?

Но тут двери этапной камеры вновь открылись и впустили еще одну небольшую, из четырех человек, группу заключенных. Это привели этаплируемых из трех карцерных отсеков региональной тюрьмы.

Особенно выделялся своим уверенным спокойствием, граничащим с усталым равнодушием, средних лет невысокий зек в полосатой робе. Среди этаплируемых прошелестело уважительное изумление. Большая часть собранных в камере знала в лицо известного всем уголовникам страны "законника".

— А-а, Гоголь, — равнодушно бросил вошедший "законник". — Здравствуй, брат.

— Ну здравствуй, Шакро, — хриплым голосом ответил Гоголь. — Вот и тебе должок придется заплатить. Не ожидал? Хотел в доме отсидеться?

Никто ничего не понял, а известный почти половине тюрьмы стилет Гоголя уже сидел под самым кадыком Шакро и чувствовал себя там вполне уютно.

Но и в горле Шакро стилет не задержался надолго. С мягким вскриком он покинул место своего уютного обитания, выпуская на грязный пол кровь...

Далее, далее будут разборки и базары. Но пока Гоголь, оказавшийся хотя и с новым сроком, но на коне, с ухмылкой переводил взгляд то на побледневшего Фоку, то на Джерджика. В камере находились лишь зеки-ветераны, со стажем и опытом, и поэтому никто не делал резких движений.

— Мне без разницы, мне не ты, пацан, нужен. Мне Седов нужен, папа твой, Джерджик. Я бы ему вот этот стилет в самое гузно по рукоятку вставил...

— Гоголь, — ничуть не испугался Джерджик. — Ты только что арестанта убил ни за что, ни про что, как рожа беспредельная. Эй, братва! За что человека положил Гоголь?

— Не твое дело, — вдруг грубо оборвал Артема какой-то широколицый зек. — Он вор, а ты хрен знает кто, и папа твой, Рыбак, в непонятке. Если бы он здесь был, а не в белых штанах по яхт-клубу гулял, то и сам бы вторым прилег...

— Да ты! — пришел в ярость Джерджик, но тут двери в камеру вновь открылись, и майор Покровский, похлопывая по плечу Илью Ивановича, ввел его в камеру со словами:

— Посидишь, Седов, помыслишь, с братвой поговоришь...

— Так Гоголь уже одного убил, и вы туда же хотите!

Двери мгновенно захлопнулись, оставив Артема один на один с камерой. Все как по команде, кроме Гоголя, стали отворачиваться от Джерджика, как будто ничего не произошло. Кто сел за стол играть в домино, кто прилег на нары. Двери вновь открылись, и майор Покровский выдернул из камеры Артема.

Прошло мгновение, и он вновь открыл двери. Весело подмигнул Гоголю, у которого Фока умудрился выхватить стилет, и сообщил ему:

— Ну ты, Гоголь, и попал, прямо обеими ногами в мертвые души. Я сейчас тебя в Бутырку на этап готовить буду...

Глава семнадцатая

Воплощение в жизнь хотя и невозможной на первый взгляд, но на любой взгляд восхитительной и завораживающей своей перспективностью идеи Катеньки Пластовец стало возможным лишь потому, что к этому делу отнеслись творчески и, самое главное, — неожиданно.

Вначале был Устав.

Затем придумали название.

И в конце концов были выработаны и определены задачи и цели, за которые новой, частно-сысковой, коммерческой организации "Соловьиный набат" будут платить деньги государственно-коммерческие и частные структуры.

Не хватало лишь самой малости: государственной лицензии на деятельность. Выдача лицензии зависела от того, что думают по этому поводу в ФСБ, МВД и вообще в Администрации Президента.

Создание частной организации осведомителей, с разрешением вербовать их самостоятельно, а также с разрешением внедрения агентурных, узкоспециализированных групп внутри той или иной коммерческой структуры с развитием внутри нее творческого индивидуального качества, как вид товара предлагался на внутреннем и внешнем рынке России впервые. Прецедентов этому еще не было, да и вообще это был смелый шаг не только для бизнеса, но и для государства, разрешающего такой вид частного предпринимательства.

Поэтому отцы-основатели ЗАО "Соловьиный набат", все документы на оформление которого проходили под грифом "совсекретно", Василий и Екатерина Пластовцы, были приятно потрясены, когда получили лицензию на деятельность "Соловьиного набата".

Впрочем, в глубине души они именно этого и ожидали. На самом верху за них неустанно ходатайствовали друзья покойного полковника Пластовца, то есть представители глубинной, не видимой внешнему миру государственной власти, молчаливые маршалы пенитенциарного Зазеркалья.

ЗАО "Соловьиный набат" начало свою деятельность тихо, скучно и абсолютно незаметно. Журналисты, местные и густо наполняющие город в курортное время столичные, зевали, проходя чуть ли не каждый день, спускаясь к набережной, мимо непримечательного двухэтажного здания с одним подъездом. Они не могли даже и предположить, что это здание в скором времени превратится в центр ярких и постоянно обновляющихся сенсаций...

Эпилог

— Все как всегда, хотели капитана Кука, а съели кока Зюка. Это беда всех туземцев, стремящихся к гастрономическим изыскам за большие деньги. Они даже не понимают, что слово "туземец" у них выжжено на лбу. "Туземцам" во всех ресторанах мира подают крупных раков, когда они заказывают средних размеров омаров. Они хрустят поджаренным "усачем", которого им подают вместо нежно пропеченной форели...

— И эти разговоры ты называешь поминками по нашей бедной Лилечке, Василий? Ты рассуждаешь о форели, как директор мелкой, а не крупной обувной фабрики. Зачем тебе нужно было покупать Лилечке квартиру для семейной жизни с этим волейболистом, который сначала сделал доброе, убив Берга-Боцмена, затем злое, убив нашу дочь? По-твоему, семейная жизнь именно так и выглядит? У тебя еще трое сыновей и две дочери, и ты им всем хочешь семейной жизни в отдельной квартире у моря. Где мы найдем столько волейболистов, Василий?

— Успокойся, Розочка. Я подарил майору Пластовцу и его Катеньке сезонные комплекты обуви из панцирных бляшек карликового носорога. Он отгонит от нашей семьи всех сумасшедших волейболистов и тренеров. В этой обуви Вася и Катя будут самой красивой парой в городе.

— Ты когда-нибудь разоришься на этих подарках, Василий. Обувь из панцирных бляшек карликового носорога — это почти то же самое, что ты мне всегда хотел подарить, но так и не подарил, — теплоход "Джузеппе Гарибальди".

— Розочка, дорогая, я тебе так и не успел сказать, что к тем пятнадцати процентам акций, что от Лилечки перешли к нам, я прикупил другие восемнадцать для тебя лично и совсем небольшие шестнадцать процентов для себя. Так что, Розочка, бери теплоход и катайся.

— Я тебя никогда не понимала, Василий. У тебя обувная фабрика на шее, три сына без семьи и две дочери без мужей, а ты по-прежнему любишь покупать белые теплоходы. Когда же ты остепенишься? Кстати, а куда подевались все эти Берги, эти сумасшедшие близнецы? И кто владеет контрольным пакетом акций "Джузеппе Гарибальди", и кто теперь владелец гостиницы "Бегущая по волнам"? Ты не забыл, Василий, что у нас полно детей, и все они нищие?

— Розочка, дорогая, ты же знаешь, что тебе вредно волноваться. Всех Бергов смыло волной, — труп Боцмена, например, волейболист сбросил в очистительный коллектор при рыбзаводе, кто-то уехал в Москву, кто-то попал в сумасшедший дом, а кое-кого отправили в Молдавию. "Бегущую по волнам" полностью закупили сотрудники непонятной фирмы "Соловьиный набат". Я попробовал купить в ней уголок для обувного магазина, но потом узнал, что там ходит в управляющих Абрам Архипыч Семенюк, и на всякий случай передумал.

Контрольный пакет почему-то оказался у Ильи Ивановича Седова. Он хороший человек, но опять-таки, как не крути, — жулик. Надо поговорить с Васей Пластовцом, чтобы он к нему пригляделся. Если мы сможем выкупить у него вторую половину акций, то мы так и назовем теплоход: "Лилечка Кац".

— Не увлекайся, Василий. Ты же знаешь, у тебя на шее дети и большая обувная фабрика...

Дорогие читатели!

Некоторые из вас №2 журнала получили только в марте. Причиной такой задержки стали сбои в работе одного из партнеров, осуществляющих подписку и доставку журнала, о чем нам стало известно лишь в конце февраля. А узнав, мы, конечно же, приняли все меры для ускорения срока доставки. Мы приносим свои извинения за произошедшее, хоть и не по нашей вине, и просим вас помочь нам проконтролировать работу агентств для предотвращения подобных ситуаций в будущем. Для этого вам надо ответить на несколько вопросов, которые помогут нам составить общую картину: в какие сроки в какой регион доставляется журнал каждым из агентств, как изменились условия (доставка, цена) при переходе от одного агентства к другому и проч. Кроме этого, предлагаем вам рассказать немного о себе и высказать свое мнение о журнале, т.к. нам всегда интересно, как живет наш читатель, чем увлекается, что он хотел бы видеть на страницах нашего журнала.

Заранее благодарны.

(Анкету читайте на стр. 186)

МОЛОДОЙ бульдвар

141-187 стр.

Проект
осуществляется
при поддержке
Федерального
агентства
по печати
и массовым
коммуникациям

Ольга ПАВЛЮЧЕНКО

фото Владимира Чейшвили

Красны девицы и добры молодцы

**Не хотите
заниматься спортом,
займитесь историей этнографией**

Практически каждый человек, натываясь у себя в подъезде или на лавочке перед оным на компанию подростков, распивающих пиво и "что покрепче", с раздражением или недоумением думает: "Деградируют прямо на глазах... Нет бы, пойти спортом заняться или еще чем-нибудь приличным". И такие мысли все чаще и чаще приходят в голову не только взрослым. Наши ровесники, которые по тем или иным причинам не хотят заниматься спортом, идти в музыкалку и так далее, придумывают себе новые, и весьма интересные методы проведения досуга. Они создают клубы... Реконструкторские, исторического моделирования, средневекового фехтования и так до бесконечности.

Клуб истории и этнографии города Москвы "Юрий Долгорукий", о котором пойдет речь, является одним из самых молодых в столице. История его образования проста и незамысловата. Года два назад человек десять друзей частенько проводили вместе время, то в квартире на Рязанском проспекте, то на ВДНХ. Нет, не думайте, что они там пьянствовали. Как ни странно, ребята читали книги по истории и слушали лекции по этнографии. Музыкой тоже занимались, даже группу свою создали "Бардо Тхёдол". Вот на первом концерте, там же на Рязанке, и решили, что пора бы оформиться в клуб. Многое зная и умея, и других научить можно. Вот тут-то и встал вопрос о том, как выделиться из общей массы, как говорится, себе подобных энтузиастов. Клубов, занимавшихся средневековой Европой, Англией, Ирландией и прочим, вокруг было превеликое множество, а вот Русью в тот момент интересовались немногие, особенно историей Москвы. Но ребята решили все-таки не ограничивать себя каким-то определенным периодом, а взяли всю историю

нашей страны с древнейших времен по сию пору. Правда, сразу оговорили, что периоду татаро-монгольского нашествия, как наиболее, на их взгляд, интересному, будут уделять особое внимание. Это особое внимание заключалось в том, чтобы как можно точнее реконструировать московский женский и мужской костюм, изучить все традиции, обряды, фольклор наших предков, живших в Москве в то нелегкое время. А название — "Юрий Долгорукий" — появилось как-то само собой, можно сказать, клуб сам себя так назвал.

Но все выше сказанное вовсе не значит, что "юрдольцы" из Москвы ни ногой. Большая часть клуба часто выезжает с этнографическими экспедициями в Смоленскую область. Особенно любят там бывать летом на Купалу, во время этого праздника становись ближе к предкам нашим — славянам. Есть у ребят и любимая история, связанная с поездками под Смоленск:

— Вечер уже был, почти ночь. Мы только-только искупались в Днепре и собрались возвращаться в лагерь. Один из нас пошел

вперед, чтобы костер разжечь. Лагерь на горе стоял, так что не найти его было сложно, тем более что вскоре между деревьями запылал огонь. Мы начали подниматься и вдруг поняли: вместо того, чтобы взбираться, мы обходим гору вокруг. Стали снова подниматься, окликнули кострового, он отозвался: "Вы уже близко, еще чуть-чуть!" И опять по-

нимаем, что гору обходим, а не поднимаемся... Еще несколько раз попытались и опять за несколько метров до стоянки понимали, что не туда идем. Тут нас просто ужас объял. Что же это такое? Видно, Леший пошутить решил. Нам рассказывали, что в этих местах Леший такой вредный, но мы-то только посмеялись, думали, шутка. А тут выходит, зря смеялись. С перепугу мы ломились через какой-то бурелом, кстати, никто потом не мог вспомнить, где именно бежал. В конце-концов, каким-то образом добрались до стоянки и хором начали рассказывать костровому обо всем, что случилось. Он-то, человек бывалый, знай, стоит себе посмеивается: "Местным верить надо. Вот какой урок вам Леший преподал. Хорошо еще, что так отпустил, а, бывало, заводил очень далеко". С тех пор мы всегда верим всему, что говорят местные старожилы. Лучше перестраховаться, чем вот так опять впросак попасть.

Но одними экспедициями "сыт" не будешь, надо, как говорится, и свой угол иметь. И угол такой у "Юрия Долгорукого"

есть, причем даже вполне обширный. Клуб заключил своего рода договор с подростковым клубом "Кировец": ребята делают показательные программы на всякие праздники: людей развлекаю русскими народными забавами, постановочными кулачными и железными (на мечах) боями, а "Кировец"

им за это помещение дает "для развития клуба". Прошлогодняя Масленица в Таганском районе была первым совместным с "Кировцем" мероприятием. Старались на совесть, за что и получили помещение. Но и это еще не все, заботливые руководители "Кировца" выделили зал в таганском ФОКе

(физкультурно-оздоровительный комплекс) для различных тренировок.

Помещение пришлось как нельзя кстати, ведь количество людей в клубе значительно возросло. Теперь в списках более 50-ти человек. К тому же увеличилось количество различных секций внутри клуба, о чем красноречиво говорит расписание, висящее на самом видном месте: понедельник — лекции по истории Москвы; вторник — лекции по этнографии; четверг — танцы; по пятницам — фехтование; в воскресенье — восемь часов стеношного боя и русских плясок. Среда — выходной, помещение, по словам "юрдольцев", отдыхает, сил набирается, а у людей мозговая активность предыдущих двух дней готовится перейти в активность физическую второй половины недели. Иногда в среду проводятся занятия по шитью и вышиванию, кодовое название сего мероприятия — "Юрий Криворукый".

Гордостью "юрдольцев" является маленькая библиотека: Горелик, несколько томов Рыбакова, Орлов, огромное количество иллюстрированных книг по истории Моск-

вы, литература по костюмам, вышивкам, оружию, праздникам, "Погребальные песни Смоленщины" — это еще далеко не весь перечень. Ребята приносят книги из дома и оставляют для общего пользования. Многие с помощью клубной библиотеки готовятся к экзаменам.

Но "юрдольцы" гордятся не только своей книжной подборкой. Главное достояние клуба — вышитые вручную рубашки и рушники конца XIX века. Незачем прятать такую красоту в коробках, посчитали они и повесили все эти шедевры народного творчества на стенку, пусть гости любуются. Да и самим взглянуть приятно, атмосфера старины создается. А вот керамические поделки собственного изготовления в клубе хранить небезопасно. Смахнут их, чего доброго, во время тренировок, а пол-то кафельный, и фигурки — вдребезги, обидно. Зато щиты — сразу видно, частые участники тренировочных боев — стукнешь по ним сабелькой раз, другой, вот уже и щепки в разные стороны полетели. Рядом, как боевые трофеи, висят грамоты: 3-е место по стрельбе из лука на фестивале "Удаль Моло-

Александра ЗОТОВА

Запретите жить красиво

Весна. Период цветения. Цвети надлежит ландышам, яблоням и девушкам. И сейчас очень хочется быть красивой. Одна беда студентки: финансовое благосостояние не растет со скоростью хвостов в институте. Вот и приходится прекрасной половине выбирать между учебой, работой и красотой. Как заработать на красивую жизнь не в ущерб учебе, нам рассказала студентка Ксения Малыгина, работавшая в одном из косметических магазинов.

фото: Владимир Чейшвили

— Кем работала?

децкая", 3-е место по метанию копья на том же фестивале, благодарности от Управы Таганского района за участие в праздновании Масленицы, Дня защиты детей и за проведение акции "Нет наркотикам!". Участие в разнообразных праздниках и фестивалях доставляет ребятам огромное удовольствие. Ведь именно так можно и других посмотреть, и себя показать. Вся сила, весь задор вкладывается в это. И на посиделки у подъезда даже времени не остается, а уж желания и давно. Так что по всем параметрам — реконструкторские клубы — дело хорошее. И если вы не желаете заниматься ни музыкой, ни спортом, ни чем-либо подобным, попробуйте себя на реконструкторском поприще, вдруг это то, что вам надо. ■

— Промоутером.

— А как туда устроилась?

— Очень просто: полистала газетку с объявлениями об интересующей меня работе, выбрала ближайший к дому офис, подходящую э/п и приехала. Тут же прошла кастинг и на следующий день вышла на работу.

Мальгина

Ксения

— Если не секрет, сколько составляла подходящая зп?

— Не секрет. С самого начала решила, что меня интересует зарплата не ниже 3 долларов за час. Хотя, конечно, был риск никаких денег не получить вообще, потому что единственная бумажка, которую я подписывала при устройстве, — система штрафов...

— Система штрафов?

— Ну, да. Целый лист А4 с перечнем нарушений и штрафов. Так, например, за опоздание на работу на полчаса из зарплаты вычтут один рабочий час (в моем случае это составило бы \$3). Если, не дай Бог, уйдешь раньше времени с работы — лишишься

всех денег, заработанных за день. Самый большой штраф — \$200 за потерю формы.

— У тебя еще и форма была! Из чего она состояла?

— Футболка и бейсболка с фирменным брэндом. В соответствии с требованиями, я носила брюки непременно строгого фасона. И туфли на каблучках. Юбку запрещали категорически, видимо, чтобы внимание покупателей не отвлекать.

— А что входило в твои обязанности?

— Вообще обязанности зависят от акции. Можно либо рекламировать товар, либо раздавать подарки, либо предлагать покупателям что-нибудь попробовать. В моем случае я просто стояла в магазине и расска-

зывала интересующимся покупателям (чаще покупательницам) о косметике той фирмы, которую представляла.

— *Откуда брала информацию о косметике? Перед выходом на работу вам прочитали лекцию?*

— Какая лекция! Нам выдали буклетик с описанием косметических продуктов. Надо же знать, что рассказывать клиентам. Но буклет оказался один, а отобранных на работу — тридцать. В результате, сделали ксерокс этой листовки, хотя, честно говоря, толку от нее было мало. Я решила, что будет честно, если стану пользоваться косметикой данной фирмы сама. Поэтому советовала, исходя из собственного опыта.

— *А как же всевозможные тестеры? Или использовать их сотрудникам запрещалось?*

— Не запрещалось, конечно. Но их там без нашего участия катастрофически не хватало. Просто не все посетители магазина предпочитают покупать косметику. Некоторых больше привлекают тестеры.

— *Ты выходила на работу каждый день? Сколько длился рабочий день?*

— Работать можно как каждый день, так и в любые удобные дни, количество часов в день зависит от акции и конкретного магазина. Обычно в будни работать надо 6-8 часов, а в выходные — 10-12. Потому что по выходным самый большой наплыв покупателей. А с ними не соскучишься. Самое забавное было с помадами. Сначала к нам подходили женщины пенсионного возраста и требовали помаду цвета цикломэна. Честно признаюсь: сначала понятия не имела, что это за цвет, а наши клиентки наотрез отказывались конкретизировать свои пожелания.

Потом возник сумасшедший спрос на помаду цвета коралла.

Пришла одна дама и томным голосом попросила помаду кораллового цвета. Мы с девочками озадаченно переглянулись: кто его знает, цвет этого коралла и насколько он совпадает с тем, что есть в ассортименте? Не мудрствуя лукаво, мы дали помаду розового оттенка. Та поморщила нос и протянула: ну, нет, эта слишком розовая. Ладно, желание клиента закон. Я откопала помаду

коричневато-рыжего оттенка. Дама обрадовалась, схватила тюбик и умчалась к кассам. Спустя два часа подошла другая дама с аналогичным требованием. Я, не задумываясь, достала тюбик коричневого цвета. Не подошло. Отказавшись и от розового оттенка, мадам доверительно склонилась ко мне и шепотом спросила: "А вы не знаете, коралловый это вообще, какой?" Как говорится, без комментариев.

— *Ты упоминала про кастинг при устройстве на работу. Посоветуй, как себя вести на собеседовании.*

— Главное не переживать. Никаких сложных вопросов задавать не будут. Спросят возраст (если меньше 15-16, то на некоторые акции могут не взять), где живешь (это нужно при распределении мест работы). Конечно, зададут пару вопросов про учебу: где, да на кого, да когда время свободное, ну и все, вроде бы. Еще захотят узнать, работали ли вы промоутером, где и как. Лично у меня был первый опыт, но я честно соврала, вспомнив виденные мною акции. Думаю, это сыграло мне на руку: как новичка меня могли бы поставить на менее ответственную и менее оплачиваемую акцию.

— *По твоему мнению, какие плюсы и минусы у этой работы?*

— Хорошо, что работа, в общем-то, доступная любому студенту (ке), причем, чем лучше внешние данные, тем больше будет платить. Если с данными не очень, то выдадут костюм Микки Мауса. В нем тоже можно неплохо зарабатывать, одно но: в Микки Маусы сильно стеснительных не берут. Работа в будние дни в основном во второй половине дня, так что вот долгожданное решение для студентов-дневников: и учиться можно, и зарабатывать. Между прочим, за 6 рабочих дней лично я получила 5500 руб.

Однако работа не для слабеньких: выстоять среди сверкающих витрин на каблучках 12 часов, не забывая улыбаться клиентам, не так просто, как кажется на первый взгляд. Ну и никакой личной жизни: домой приползаешь не раньше 11-12 ночи, так что, думайте сами, решайте сами...

Известная и многими любимая актриса Маргарита Терехова дебютировала в качестве режиссера, сняв фильм "Чайка" по мотивам пьесы А.П. Чехова. При этом она сама снялась в роли Аркадиной, а на роли Нины Заречной и Константина Треплева пригласила своих детей — Анну Терехову и Александра Тураева: Аню многие уже знают по театру и кино, а Саша Тураев — лицо в кинематографе новое, молодое. Конечно, ему повезло, что именно его мама дала ему эту роль, но, похоже, он ее не подвел и сыграл интересно. Саша — человек своеобразный, ироничный скептик и интересный собеседник. Итак, дебютанта на сцену!

Дебютант — на сцену!

— Саша, ваш герой Константин Треплев — сын знаменитой актрисы, что для него является одним из терзающих его комплексов. Но ваша мама тоже известная и популярная актриса. А для вас это тяжелая проблема?

— Не думаю. Я вообще не склонен все мерить такими категориями: вот это проблема, а здесь — наоборот. Конечно, моя жизнь не была полна всяких мытарств. Все, что происходит в моей жизни — нормально и надо ко всему спокойно относиться. Я не страдал из-за маминой популярности. Разумеется, бывали всякие мелкие неловкости. Но я просто старался, чтобы люди не знали, что я сын Маргариты Тереховой. И вообще

не понимаю, почему отношение окружающих ко мне меняется, как только они об этом узнают. Ну и что? Разве я не такой, как другие? В результате, я начинал чувствовать себя вроде бы аутсайдером, как будто жизнь проходит мимо меня. С определенного возраста вообще перестал появляться с мамой на людях, никогда с ней не ходил. Просто не могу выдержать нескромных взглядов, особого к ней и к себе отношения.

— Но, тем не менее, поступил учиться во ВГИК на актерский факультет.

— Да, я учился, но со второго курса ушел.

— Почему же?

— Нет, не изменили. Я увидел, что просто при необходимости могу включить внутренние ресурсы, но на время, а потом опять... И вообще, это для меня первая проба. Не думаю, что есть какой-то режиссер, пусть даже очень гениальный, который сможет сделать из меня гениального, трудолюбивого артиста. Наверное, я способен на большее, но все получилось как получилось. Может быть, придется еще раз попробовать. А сейчас я еще не решил, что буду дальше делать.

— *Ваша мама — отважная женщина. Известная актриса вдруг решаете снять фильм, да еще какой — по пьесе А.П. Чехова "Чайка". Гордитесь ею?*

— Мне кажется, каждый человек хотел бы когда-нибудь самовыразиться. Для од-

— Честно говоря, много прогулял, не буду скрывать, а догонять совсем не хотелось. Меня не одного отчислили, таких много оказалось. А потом, я просто не собирался стать актером с самого начала. Хотел поступить на режиссерский факультет, но это оказалось слишком сложно. И я подумал, давай-ка Саш, проскочим сначала на актерский, а потом как-нибудь перейдем... У меня нет актерских амбиций, которые заставляют держаться за этот факультет. Там же здорово пахать надо. А я ленивый, люблю поспать, прогуливать.

— *А съемки в фильме вас не изменили?*

них важен эмоциональный подъем, вот мама такая. Про нее говорят, что она конфликтный человек. Да, с ней сложно, с режиссерами на площадке она не всегда находит взаимопонимание. Но в этом ее самовыражение, для нее это важно. Поэтому мама захотела самостоятельно работать там, где есть только творчество и нет конфликтов. Она ведь сначала хотела снять "Вишневый сад". В конце концов, по разным причинам все-таки осталась идея "Чайки".

— *Вам как начинающему актеру, без опыта, тяжело было работать?*

— Ну, вообще-то, на съемочной площадке я не впервые. Как-то ненадолго появился в одном сериале. Но это совсем другой опыт — на съемках сериала все спешат, торопятся скорее закончить работу. А в "Чайке" все происходило сложнее. Снимать начали с финальной сцены, когда Нина Заречная и Константин Треплев после разлуки встречаются и, пережив свои драмы, уже разочаровались во многом. Ну, в кино так бывает, когда снимают с конца. Терехова объясняла, почему она приняла такое решение: поздняя осень, все достаточно растеряны, и, по ее мнению, в таком состоянии можно лучше почувствовать атмосферу. Мы действительно растерялись, было холодно и все это наложило отпечаток на наше состояние и атмосферу. Я-то сам никакой разницы не чувствовал ни в смене сезонов, ни в чем другом. А еще мне помогло то, что в первый съемочный день все напилься, а у-

тром пришлось идти на съемку. Знаете, как было трудно, но я накануне обещал нашему директору. Он вечером так переживал: "Саша, ну ты встанешь?" А я клялся: "Да-да-да..." Ну и как сомнамбула пришел на съемочную площадку. И тут мне пришло в голову, что я в этом состоянии хорошо понимаю чувства Треплева после расставания с Ниной: тоска неизбывная, жуткая депрессия, и жить совсем не хочется.

— *Считается у режиссеров, что "Чайка" полна загадок, все пытаются их разрешить, и одна из них — самоубийство Треплева. Вы не задумывались над этим?*

— Не знаю, загадка ли это. Недавно по телевизору посмотрел передачу на эту тему. Кто-то высказал мысль, что самоубийцы — особенные люди, и будто бы можно по составу крови определить заранее, заложена ли тяга к суициду в человеке. Но я не представляю, что может заставить преодолеть природный инстинкт самосохранения и убить себя. Насколько же сильным должно быть это чувство и на каком уровне возникает дикий всплеск химических элементов, когда ничего нельзя с собой поделаться, кроме как уйти добровольно из жизни. Не могу понять и объяснить. У Треплева ведь имелась отдушина — сочинительство. В фильме есть сцена, когда тоскливой зимой он получает бандеролью журнал с опубликованным его рассказом и отзывом редактора. Он радуется, переживания отходят на задний план, это нор-

мальный юноша. Из него мог бы получиться хороший писатель, вопреки насмешкам и непониманию его матери, артистки Аркадиной. Я пытался представить, каким был в его годы другой герой, известный писатель Тригорин. Наверное, таким же порывистым, импульсивным, тоже переживал и все накопленные в себе чувства мог выплеснуть. Но Тригорин признает, что над собой надо работать, воспитывать себя, особенно в творчестве, где надо пахать и пахать. Даже если ты гений. Так же, как и актрисе надо много работать. Это уже о Нине Заречной. А Треплев слишком слаб, он даже ленив — не может найти в себе силы, сознание, чтобы все исправить. Есть периоды в жизни, когда надо себя ломать. Если бы Треплев себя переломил, то вышел бы на другую ступень. Мне кажется так. Это похоже на волшебство, насколько меняется все в жизни — сегодня ему плохо, рушатся все надежды. А на следующий день, когда он переборол себя, видит, какой же был глупец, жизнь-то продолжается. А Треплев воспринял этот момент как истинный и окончательный.

— Но он же понял, что Нина его не любит...

— Нина — другая. Обычная девушка, у нее своя личная жизнь не сложилась и она приехала к Треплеву, чтобы отыграться на нем, как бы отомстить жизни. Такие истории случаются часто. А Костя незащищен, в нем нет чувства уверенности. Он всего себя раз-

дает, не может жить без душевного отклика. Но ведь жизнь не такая однозначная, а он не понял.

— На съемочной площадке сложилась уникальная ситуация: вместе работала вся семья. Как работалось с мамой, которая еще и режиссер? И если Треплев — главный герой, наверное, особое внимание уделялось вам?

— Я живу с мамой уже 23 года и отношусь к этому несколько предвзято, считаю, что нахожусь в "глубокой оппозиции" к маме. Если бы была попытка жесткого контроля надо мной, я бы начал верещать и сопротивляться. Но она меня как бы отпустила, хорошо, что ничего не заставляла специально делать, все понимала и держала дистанцию. Но какие-то точки в работе мне расставила. На репетициях я взбрыкивал, куда-то убегал, но все равно никакого давления не ощущал.

— Как вы думаете, ждет ли этот фильм успех, как он будет воспринят публикой? Ведь "Чайку", в основном, ставили на театральной сцене, а в кино она у нас впервые.

— Трудно заранее сказать. Режиссер сам не знает, что получится. На Западе сняты два фильма по мотивам "Чайки". Мне кажется, все постановки, так же, как и в театре, друг друга напоминают. Я не хочу ни хвалить нашу работу, ни ругать. Наверное, получилось нечто среднее. Пока никакого восторга я не испытываю, но и отчаяния тоже.

Беседовала **Алла ПУСТЫНОВА.**

Как за час потратить штуку не рублей

Технологии ушли вперед, а мы сидим и радуемся "каменному веку". Если любимые "старички" выполняют все, что нужно для счастья — нет смысла их выбрасывать и бежать на компьютерный рынок... По традиции, новое стоит огромных денег, поэтому ожидание всегда благоговорно сказывается на ваших нервах и кошельке. В этом номере поговорим об AMD Athlon'aх 64. Выясним, что это такое и с чем их едят. А в конце выясним — стоит ли овчинка выделки...

Немного истории

Как известно, все процессоры, начиная с 386-го, были 32-х битными или разрядными. С момента их выхода на прилавки магазинов, компьютерных, естественно, производители наращивали только скорость и пропускную способность. И вот, спустя более чем десять лет, в 2003 году, корпорация AMD первая выпустила 64-х битный процессор, основанный на новейшей архитектуре K8, которая, в свою очередь, является логическим продолжением K7 (1999 год). Все эти названия рядовому пользователю не говорят абсолютно ничего. Если проще, то K8 должен быть намного круче, и это не пустые слова...

Три бутылки водки и напильник

Что же нового в этой архитектуре? Вот несколько основных моментов: техпроцесс 130 нанометров, вместо 180; увеличена пропускная способность; встроенный в процессор контроллер оперативной памяти (раньше был в чипсете на материнской плате); встроенный контроллер Hyper Transport (но-

вая шина передачи данных — аналогична Hyper Threading от Intel — суть и названия похожи); увеличен кэш второго уровня (L2) с 256 до 512 КБ, а в некоторых безбожно дорогих экземплярах — до 1024 КБ; добавлен новый набор инструкций SSE2 и наконец x86 совместимая архитектура 32/64 бит, что дает новым процессорам возможность одинаково хорошо работать как с 32-х битными, так и с 64-х битными приложениями.

Кто понял, что все это значит — поднимите руку. Тем, кто впервые слышит такие названия, можно сказать так: все перечисленное выше — это, выражаясь литературно, хорошо...

На практике самым настоящим техническим прорывом стал интегрированный в процессор контроллер памяти, что значительно повысило производительность и уменьшило нагрев, как процессора, так и чипсета. Другие улучшения будут заметны только с выходом Windows 64 Edition или с уже вышедшей Windows XP Service Pack 2. Выпуск "форточек" нового поколения все откладывают и откладывают. По последним данным, они должны выйти ближе к лету 2005 года.

Если сравнивать AMD64 с Pentium4 Extreme Edition, то первый будет быстрее в играх, научных расчетах, а второй в 3D моделировании и сжатии видео. Но это еще не факт, так как все зависит от приложения.

Две маленьких или одна большая?

Athlon 64 выходит в двух разных модификациях: Socket 754 и Socket 939. Цифры — это количество ножек процессора. Дополнительно 185 контактов — не дырки в тесте делать, а для поддержки двухканального контроллера памяти. В этом и заключается принципиаль-

ное отличие второго от первого. В итоге пропускная способность S754 составляет 3,2 ГБ \ сек., S939 — 6,4 ГБ \ сек. В теории, должно быть в два раза быстрее, а на практике прирост составляет от 0 до 7 процентов...

Кэш — тоже немаловажный элемент. Изначально L2 у всех новых процессоров был 1024 КБ, но годных к использованию образцов получалось мало. В результате, принялив решение уменьшить его вдвое — себестоимость значительно уменьшилась и процент брака приблизился к нулю... переплачивать смысла нет.

Другое принципиальное отличие — техпроцесс. Процессоры S939 производят по технологии 90 нанометров, то есть кристалл на 40 н.м. меньше, чем у S754, что в теории и практике позволяет сохранить прежнюю производительность, понизив напряжение с 1,5 до 1,4 вольта. Нагрев камня тоже уменьшается не хило и это при том, что 130 н.м. метровый 2800+ после нескольких часов работы не превышает 30 градусов по Цельсию!

Не хлебом одним сыты

Удивил тот факт, что 3500+ (90 н.м.) на 0,1 — 1,9 процентов эффективней 3500+ (130 н.м.). Только в сжатии DVD в DIVX он оказался немного медленней. Сказывается 200 МГц, срезанные с реальной частоты из соображений, что двухканальный контроллер памяти легко их компенсирует. Все не так сложно, просто, например, у 3000+ (S754) реальная частота 2000 МГц, а у 3000+ (S939) — 1800 МГц. Из-за этого 754-й порой оказывается, хоть и не намного, но быстрее. PR-рейтинг показывает, что CPU на меньшей частоте работает не хуже, а то и лучше, чем Intel Pentium 4. Цифра с плюсом — это тот "пенек", по которому равняют ту или иную модель AMD. В случае с S939 рейтинг не всегда себя оправдывает. Удручает то обстоятельство, что корпорация не может вести экономическую политику относительно реальных достоинств своей продукции, повышая цену за несуществующие преимущества. Но при всем при этом качество остается на самом высоком уровне при гораздо более привлекательной цене, чем у Intel.

Похожая ситуация с увеличенным кэшем второго уровня до одного мегабайта. 3400+ (2400 МГц) — 512 КБ и 3700+ (2400 МГц) — 1024 КБ — оба S754 или 3700+ (2400 МГц) — 512 КБ и 4000+ (2400 МГц) — 1024 КБ — оба S939. На практике, разницы в производительности нет, хотя в обоих случаях рейтинга накинули целых 300 единиц. Если цену на первый вариант еще хоть как-то можно обсудить, помучить продавца, купить семечек и ждать зарплату, то про второй на некоторое время лучше забыть, пока цена не станет более "гуманной".

Что же нас ждет?

S754 к концу 2005 года снимут с производства. Поэтому, собираясь купить компьютер, решите, на какой срок он берется и как скоро вы намереваетесь делать апгрейд. Под этот разъем, если позволяют средства, идеальным будет 3200+ или 3400+. Максимум для данной платформы — 3700+, но как мы уже выяснили — брать его не стоит.

S939 более перспективный и дорогой вариант, хотя цены на него постоянно падают. Помимо простого 64-го можно поставить и High-End процессоры от FX1 до FX5 (2600 МГц), цены на которые начинаются от 800 убитых ентов. За такие копейки вы получите чуть большую скорость и кэш второго уровня 1 МБ! О производительности говорить не приходится — она не намного лучше, хотя сегодня в мире еще нет ничего круче FX5, если говорить о настольных PC компьютерах. Так же на 939 в скором времени можно будет поставить двудядерные процессоры — два полноценных CPU в одном. Если нужна возможность последующей модернизации — придется хорошо потратиться. Конечно, прогресс требует жертв, но всегда оправданных...

Всем желающим в Москве и Московской области посвящается, если возникают какие бы то ни было проблемы, будь то нерабочие программы или "безвременно почивший" компьютер — пишите. Посоветуем, подскажем, объясним, словом, поможем, чем можем.

Просто КИР
podolak@rambler.ru

Нина КАРПИНСКАЯ,
Марина ФЕТИСОВА

От Библии до Камасутры

Что ни говори,
а приятно было сознавать себя
представителем самой
читающей нации в мире!
Почему пишем
в прошедшем времени?
Потому, что это уже
в прошлом.

■ Читать люди стали меньше. Не только в России — почти во всем мире. Конечно, это отчасти объясняется обилием других источников информации, а также сногсшибательными темпами современной жизни, но только отчасти. У молодых людей меняются жизненные ценности. Факт. Одними книгами (хорошими) сыт не будешь, у нас в стране, уж точно, а голодать во имя искусства — удел гениев...

По данным опроса, проведенного в 2004 году Всероссийским центром изучения общественного мнения (ВЦИОМ), около 40 процентов взрослого населения России практически не читает книг. Для молодежи эта цифра составляет 17,7.

Однако если подойти к этим цифрам как оптимист, который видит наполовину пустой стакан наполовину полным, не так уж все плохо. То есть 60 процентов взрослого населения и 83,3 молодежи книги все же читают! В то время как, по данным Американского фонда культуры, на 2002 год 90 млн. американцев (особенно 18—24 лет) не прочли вообще ни одной книги.

Власть литературы в России всегда была столь несомненна, что удивительно, почему она уменьшилась теперь. Иностранцы, приезжавшие к нам, отмечали, что русская литература страшно похожа на жизнь русских, поэтому-то они ее так любят. Действительно, как отраднo иногда бывает обсуждать литературных героев, их мысли и поведение — и нисколько тебя не смущает, что это всего лишь герои произведения. Они для тебя такие же живые, как те люди, с которыми ты их обсуждаешь, ты так же можешь мучиться их вопросами, которые уже давно стали и твоими собственными.

И сразу не скажешь, перестала ли молодежь читать в таких же масштабах, как читала раньше. Как-то не верится, что раньше читали все поголовно, да, были истинные книголюбы, но были и те, кто собирал библиотеку лишь для того, чтобы показывать знакомым. В "официальные" статистики тоже как-то не верится, недаром же говорят, что есть маленькая ложь, есть большая, а есть...

А на вопрос, читающая мы нация или не читающая, ответить можно. Возьмем транспорт — там все на виду. Вы видели хоть один полный вагон метро, где бы ни один человек не читал? Вряд ли! Вы скажете, что читают-то в основном "Московский комсомолец" или "Спорт-экспресс"? Да не только. Студенты и школьники читают много хорошей литературы. И, кроме того, между человеком, читающим Толстого, и человеком, читающим газету, большая разница; но между тем, кто

читает газету, и тем, кто вообще ничего не читает, разница громадная.

Можно сколько угодно вешать ярлыки: "самая читающая нация", "не самая читающая нация", главное, что мы — нация "читающая". А вот что мы читаем, это уже совсем другой вопрос.

Что мы читаем, и почему не надо ругать Донцову

Сначала о наболевшем: тиражи книг Дарьи Донцовой приближаются к 30 миллионам. Ура! Вопреки ожиданиям уважаемых читателей, я не буду ругать популярную писательницу. Многим ее книги дарят хотя бы улыбку. Уже за это она достойна уважения. Среди поборников серьезного чтения сегодня стало дурной привычкой издеваться над несчастными домохозяйками, с упоением читающими Маринину и Донцову. "Взаимоотношение кошки, кролика и хомяка, живущих в доме — это просто Шекспир!" Ха-ха! А ерничать без повода — это дурной вкус. Даже обидно за вроде бы не глупых критиков. Сравнить Шекспира и Донцову нельзя! Все равно, что спросить у человека, что он больше любит: Апассионату или картошку. Эти понятия несопоставимы в принципе, как и два названных имени. Детективы — это прежде всего предмет потребления, товар, который надо продать, а не предмет поклонения, кладезь мудрости, учитель и Бог... Современные популярные детективы не относятся к литературе: ни к художественной, ни к какой бы то ни было вообще (ну, на худой конец, к паралитературе). Однако и детективы входят в круг чтения миллионов людей, в том числе и молодежи.

Что же читают сегодня молодые люди? По данным уже упоминавшегося независимого исследовательского центра РОМИР, наиболее популярными у молодых читателей являются книги современных российских писателей — их чаще всего читают 49,2 процента опрошенных. На втором месте по популярности — современные зарубежные писатели. Их читают 42,3 процента респондентов, 16,5 предпочитают произведения российских классиков, а 10,5 опрошенных — со-

ветских писателей. Классическим произведениям зарубежной литературы отдают предпочтение 8,1 процента опрошенных.

Любимыми жанрами читающей молодежи являются: детективы и приключенческие книжки (48,0), любовные романы (27,9), фантастика и фэнтези (22,8). Также популярными жанрами являются исторические романы (19,8), научные книги, энциклопедии (12,9) и произведения классической литературы (10,5).

Литературные произведения подавляющее большинство молодежи читает в книгах (74,2), значительно меньшей популярностью пользуются литературные журналы (6,6), периодические издания (3,6) и тексты в сети Интернет и на электронных носителях (0,9). По использованию последних молодежь прочно лидирует в российском обществе — респонденты в возрасте от 18 до 29 лет составляют 50 процентов от числа всех пользователей электронной литературы.

Основным источником книг для молодежи является покупка в магазине, киоске или на лотке (55). Также хорошо развит книгообмен — 37,5 процентов в качестве основного источника книг для чтения выбрали альтернативы "беру у знакомых". 18,0 процентов опрошенных в качестве основного источника книг назвали публичную библиотеку, а 7,5 — домашнюю. Интернет является основным источником литературы для 0,6 процентов респондентов.

На выбор книги при покупке оказывают основное влияние три фактора: фамилия автора (26,1), аннотация к изданию (25,5), название книги (21,6). Также определенную значимость имеет цена (6,6) и оформление (2,4).

"А судьбы кто?"

Никто и никогда не составит универсальный список хороших книг, и уж тем более обязательный список литературы для культурного человека. То есть составить, конечно, можно, даже интересно попробовать, только не будет никакой гарантии, что, прочитав все произведения списка, человек получит право называть себя культурным. Кру-

чения у каждого свой. Людвиг Фейербах писал: "С книгами у нас дело обстоит так же, как и с людьми. Хотя мы со многими знакомимся, но лишь некоторых избираем себе в друзья, в сердечные спутники жизни". У каждого читающего человека есть свой набор произведений, который он бы "спас из огня" в первую очередь. Какие книги, по вашему мнению, должен прочитать каждый образованный человек? Этот вопрос мы задали студентам второго курса факультета журналистики МГУ, учащимся Школы юного журналиста при факультете журналистики МГУ и студентам Литературного института. Всего было опрошено 68 человек. Наиболее читаемые авторы — М. Булгаков, Ф. Достоевский, Библия...

Что когда читать?

"Читайте в первую очередь классические произведения, иначе вы не успеете это сделать!" — говорил американский писатель Генри Торо. Успеет ли это делать нынешняя молодежь? Как она выбирает литературу для души, где находит время и место для знакомства с ней, как вообще относится к классическим, программным произведениям?

Такие вопросы мы задали еще нескольким молодым людям — учащимся разных вузов и имеющих разную специализацию.

Антон, студент журфака МГУ: "Я считаю, что самые важные книги в жизни я уже прочитал. К ним относятся "Война и мир", "Мастер и Маргарита", "Мертвые души", "Герой нашего времени" и другие шедевры русской классической литературы. Говорить о том, что раньше все читали, а сейчас не читают, несправедливо и, по-моему, просто глупо. Всегда были люди, которые не читают или читают некачественную литературу, и те, кто читает много и читает настоящее. Последних, как правило, меньшинство, но со временем мало что меняется. Тогда пропагандировали одно, сейчас другое — но каждый выбирает в мире литературы близкое ему одному. Читать по программе — не для меня. Сейчас я все боль-

ше перечитываю наших великих авторов: Куприна, Толстого, Салтыкова-Щедрина, Булгакова. Это доставляет истинное удовольствие. Больше всего люблю русскую литературу, хотя недавно сделал несколько открытий в области зарубежной: это, например, "Пармская обитель" Стендаля и новеллы Проспера Мериме. Я очень часто прислушиваюсь к мнению моих друзей по поводу разных произведений и поэтому стараюсь эти произведения прочитать. Иногда даже интересно узнавать отзывы не только тех людей, с кем дружишь и кого уважаешь, но и тех, кто далек от меня по складу ума и поведению. Это очень помогает в оценке человека: если, например, одна и та же книга одновременно понравилась и умному человеку и не очень умному, всегда интересно ее почитать. Таким образом, начинаешь понимать, что именно могло понравиться этим людям в произведении — а понравилось им там, конечно, разное. И еще, это лишнее свидетельство того, что произведение действительно серьезное и может многому научить, раз оно нравится таким не похожим друг на друга людям. Вообще, мой "образ чтения" — это читать то, что нравится, и то, что хочется в данную минуту. Ради хорошей книжки я могу бросить любые дела".

Ольга, студентка Российской академии музыки имени Гнесиных: "Книги я обычно выбираю сама, не следуя рекомендациям друзей. У меня дома очень много книг, так что выбор всегда велик. Больше всего меня привлекает мемуарная, биографическая литература. Я постоянно читаю книги о великих исполнителях: певцах, пианистах, дирижерах... Конечно, меня всегда интересует то, что так или иначе связано с музыкой. Период чтения романов, думаю, для меня закончился, теперь я редко беру в руки роман. Однако... Булгакова, например, перечитываю часто, готова возвращаться к нему всю жизнь. Несмотря на мою тесную связь с музыкой, я не очень увлекаюсь поэзией, которая, казалось бы, к музыке очень близка. Лермонтова люблю, но все равно предпочитаю наслаждаться прозой".

Александр, студент Московской государственной консерватории: "Друзья часто рекомендуют мне разные книги, и я стараюсь всегда прислушиваться к их советам. Недавно посоветовали прочитать "Алхимика" Козльо — я прочитал, очень понравилось. Но это вовсе не означает, что я читаю только современную зарубежную литературу. Я, например, люблю русскую поэзию начала XX века — Цветаеву, Ахматову, и вообще, к классике отношусь с уважением. Думаю, было бы интересно провести масштабную PR-акцию по переизданию всех классических авторов русской литературы. Мне кажется, такой шаг мог бы заставить людей читать хорошие вещи. Другое дело, что на это вряд ли кто пойдет — в одиночку это делать слишком рискованно. А еще я всегда просматриваю рецензии на книги и сужу по ним, какую книгу стоит прочитать. Даже журнал "Хулиган" подчас рекомендует любопытные вещи. Но самым привлекательным для меня, конечно, остается музыка и все, что с ней связано, поскольку я этим профессионально занимаюсь. Сейчас я как раз читаю книгу о нашем великом дирижере Александре Гауке — мне интересно!"

Вера, ученица 11-го класса: "Не люблю, когда мне советуют что-то прочитать, поэтому не люблю читать произведения по программе. В основном, книги выбираю сама: прихожу в библиотеку, нахожу нужный отдел и просматриваю в нем все подряд, пока не наткнуся на что-нибудь интересное. Как выбираю это "интересное"? Обычно читаю аннотацию. Зарубежная фантастика и хорошие детективы мне ближе, чем русская классика. Хотя люблю поэзию — Тютчева, Блейка, Маяковского. "Облако в штанах" Маяковского, по-моему, должен прочитать каждый. Из прозы в мои предпочтения входят Стивен Кинг, Дик Френсис, Рей Бредбери, Герберт Уэллс и др. Читаю я чаще всего дома, иногда в метро. На вопрос почему читаю — ответить довольно сложно. Скорее всего, ответ будет банальным: потому что получаю от этого удовольствие.

Почти все молодые люди отметили, что великие произведения литературы (не-

зависимо от того, когда они были написаны) помогают разобраться в жизненных вопросах. Читая книги, мы разговариваем через века с лучшими представителями человечества, которые дарят нам лучшие свои мысли. Лев Толстой считал, что цель жизни — в счастье, а цель писателя — делиться с людьми теми мыслями, которые делают нашу жизнь богаче. Стремление к прекрасному заложено абсолютно в каждом человеке, и пробудить его помогают хорошие книги.

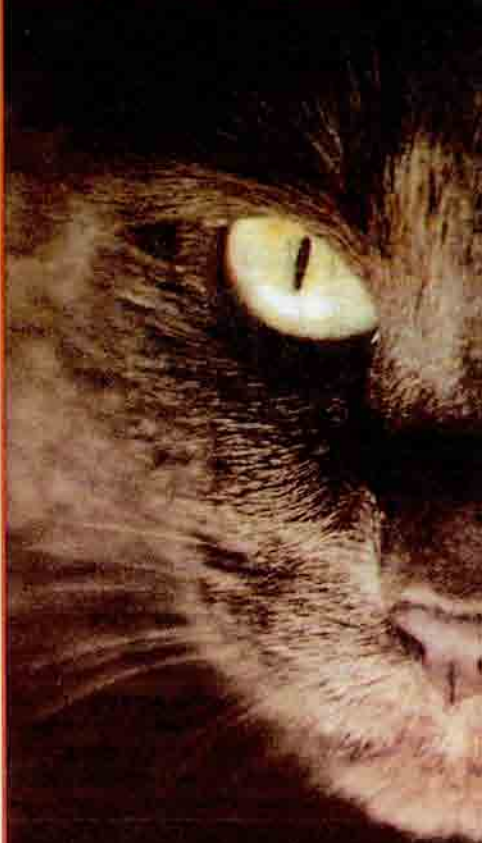
Почему бывает так, что молодые люди не заинтересованы в чтении хороших книг? Конечно, заставлять кого-либо читать нельзя, как и невозможно привить человеку тягу к знаниям. К знанию своей культуры, своего народа, знанию человечества. Часто мы чувствуем себя совершенно абстрагированными от мира и общества. Отсюда — фрагментация сознания, отсутствие целостной картины мира, сомнения и поиски. Столь популярные Коэльо, Мураками, Донцова, истории про Гарри Поттера все-таки не дотягивают до настоящей литературы, так что их мы в качестве насущного чтения не рассматриваем. Пожалуй, можно назвать несколько факторов, влияющих на отношение молодежи, да и не только молодежи, к чтению.

Читая учат в школе. Слава Богу, осталось немало учителей-догматиков (в хорошем смысле этого слова), которые жаждут вложить в головы учеников любовь к великой русской литературе. Конечно, такое рвение может навеки отбить у ребенка желание читать. Сейчас мир школы становится все более и более печальным зрелищем, и приходится ориентироваться в мире литературы самому. Учителя часто используют тактику "поскорее бы отделаться", а их подопечным, как правило, ничего не остается, кроме как использовать тактику под названием "пронесло". В вопросе молодежного чтения большую роль играет государственная пропаганда, которая быть должна. И ничего тут "тоталитарного" нет: ведь с итальянского это слово переводится как "распространение". А что может быть лучше распространения любви к литературе?! ■

Екатерина ПОСТНИКОВА

Полно- луние перед боем

Здравствуйте, дорогие читатели!
В прошлом номере я обещала рассказать об армейских суевериях. И представьте, именно сегодня, в день написания материала, как раз столкнулась с чем-то подобным.

Картинка. Хмурое дождливое утро, остановка троллейбуса, человек пять переминаются с ноги на ногу, вглядываясь в конец улицы, откуда должен выползти вожденный транспорт. Среди этой жалкой заспанной кучки — бравый подполковник с суровым мужественным лицом. Хоть на плакат его фотографируй, до того он весь "военный". От нечего делать, зевая, разглядываю товарища и вдруг вижу на его лице неприкрытую детскую радость: троллейбус идет! И действительно, к остановке подползает "рогатый", почти пустой и очень гостеприимный.

Но что это?.. Все входят в салон, а товарищ вдруг, поджав губы, отступает на шаг и остается на остановке. А-а... вот в чем дело. Номер троллейбуса (не тот номер, что наверху над лобовым стеклом, а обычный государственный) — "666". И сама бы не поехала, да олаздываю. Поэтому приходится подниматься и усаживаться у окошка, а офицер так и стоит, снова вглядываясь в конец улицы.

Вы скажете: подумаешь, "числа дьявола" не только военные боятся. Вы правы. Не только. Но люди в погонах, как ни странно это звучит, народ очень суеверный, и боятся они, кроме общепринятых вещей, еще очень многого...

Поскольку детство мое прошло по военным городкам, да и сама я служу в армии, всяческие приметы и суеверия, связанные с армейской службой, мне знакомы не понаслышке. Здесь я разбила их по группам, чтобы вам, читатель, было удобнее.

Итак ...

СОЛДАТСКИЕ суеверия

Погода в день призыва. Если в тот день, когда тебя призвали в армию, идет дождь (снег) — служба будет спокойной. Если погода ясная — ожидай проблем.

"Счастливая" лычка. Если твой друг уходит на "дембель" сержантом, надо попросить у него металлическую "лычку" на счастье, тогда тоже получишь это звание.

Имя девушки. Дома ждет девушка, но ты не уверен, что дождется? Напиши ее имя на обратной стороне своего ремня, возле пряжки, и на ночь скручивай ремень "улиткой" так, чтобы пряжка была в центре. Тогда девушка ни за что не "загуляет".

Две пуговицы. Это тоже касается девушки. Перед уходом в армию возьми у нее пуговицу и, когда получишь форму, пришей эту пуговицу под отворот шапки, чтобы не было видно. Рядом с ней пришей свою. Тогда верность тебе гарантирована.

Нечетная страница. Если не знаешь, какое принять решение (сказать "да" или "нет"), загадай любое слово и открой наугад книгу. Если найдешь загаданное слово на четной странице, ответ "да". На нечетной — "нет".

Вызов к начальнику. Когда слышишь вызов к начальнику, надо мысленно три раза сказать: "Это не я!", даже если вызывают тебя, на первый взгляд, без повода. Повод всегда найдется, а фраза "Это не я!" вроде бы защищает тебя от несправедливого взыскания.

Пятачок и спичка. Пятачок (то есть монетку в 5 рублей) надо положить в сапог перед увольнением, если собираешься пойти погулять в окрестностях части. Это помогает познакомиться с девушкой. Если же положить в сапог спичку с отломанной головкой, это защитит тебя от встречи с офицером.

Шагом марш!!!

Пуля мимо. Поищи на стрельбах пулю, которая не попала в мишень, и носи ее с собой. Спасает от любых неприятностей.

Бумажка под шевроном. Если хочешь, чтобы тебя не обижали "деды", надо, когда пришиваешь шеврон войск на левый рукав, положить под него листок бумаги с черепом и костями. Считается, что тогда тебя будут уважать.

Перевернутое фото. Перед уходом в "самоволку" надо положить в левый нагрудный карман свою фотографию вверх ногами, тогда тебя не заметит патруль и не поймут свои же офицеры.

Дембельский бутерброд. Если "дембель" в свой последний завтрак угостит тебя хлебом с маслом — дослужишь легко. Даст сигарету — скоро получишь звание или поощрение. А вот если обругает — будут неприятности.

Дополнение: если подаришь что-то "дембелю", когда он уже идет к КПП, домой, и он пожмет тебе руку — найдешь хорошую работу после увольнения в запас.

Не говорить "нет". В день, когда решает-ся какой-то важный для тебя вопрос (звание, отпуск, перевод в другую часть...), никому и ни на какой вопрос не отвечай "нет". В самом крайнем случае (начальнику) можно ответить: "Никак нет!", это не считается.

Заклинание на отвод. Несколько грубовато, но, если стоишь в строю и не хочешь, чтобы командир (начальник) обратил на тебя внимание, мысленно нужно ему сказать (глядя в глаза): "Товарищ... (звание), идите на...!" Можно добавить "пожалуйста". Говорят, действует безотказно.

Последний выходящий. После занятий, когда все военнослужащие выходят из помещения, ни в коем случае нельзя выходить последним — увольнений не будет или поощрение не получишь.

Не бриться. Отправляясь в "горячую точку", перед выездом нельзя стричься, бриться и особенно — фотографироваться, иначе быть несчастью.

ОФИЦЕРСКИЕ суеверия

Удивительное дело — в той части, где служу я, офицеры как будто вовсе не подвер-

жены никаким суевериям! Все ниже приведенное я видела не у себя, а главным образом в части у моего отца. Может быть, это потому, что часть находилась в одном километре от главного штаба дивизии, и вокруг бродили целые толпы полковников и генералов? Говорят, серьезная опасность всегда провоцирует странные поверья...

Не смотреть. Если боишься кого-то, нельзя смотреть на этого человека, тогда он о тебе не вспомнит. Если не смотреть нельзя, старайся хотя бы не встречаться с ним взглядом.

"Фига" в кармане. Когда шеф за что-то ругает тебя, постарайся незаметно сложить на левой руке "фигу", тогда все ограничится угрозами, и серьезных проблем не будет. А если видишь начальника издали, сложи "фигу" в кармане и держи, пока он находится в зоне видимости. Сделаешь так — не подойдет и не окликнет тебя.

Первая зарплата. С первой офицерской зарплаты надо купить какую-нибудь бьющуюся вещь (не бутылку) и без сожаления разбить ее, но чтобы никто не видел. Тогда прослужишь до пенсии спокойно и сделаешь нормальную карьеру.

Упавшая фуражка. Если со стула (с вешалки) упала твоя фуражка, нельзя поднимать ее за козырек — это к неприятностям. А если упала с головы, поднять надо именно за козырек, чтобы "по башке не надавали".

Узлы. В течение дня у тебя на всем постоянно запутываются узлы, особенно на шнурках, в этом случае тебя ожидают сложные проблемы. Чтобы их избежать, возьми нитку, завяжи на ней семь узелков, а потом порви ее.

Подпись. Прежде чем подписывать какой-либо документ, надо ладонью левой руки слегка "отряхнуть" место подписи, тогда твой автограф никто не использует тебе во вред.

Фамилия. Твоя фамилия с другим именем встречается тебе в газете, литературном произведении или у незнакомого человека несколько раз в течение пары дней, это значит, что в скором времени у тебя изменится семейное положение.

Собаки. Если в части много собак, и в один прекрасный день они все вдруг начинают к тебе ластиться — у тебя завелся недоброжелатель. Если же собаки дружно проявляют внезапную агрессию — значит, кто-то тебя оклеветал.

Звездочка в рюмке. Во время "обмывания" очередного воинского звания если забудешь звездочку в рюмке, а кто-то из этой рюмки выпьет водки — звание потеряешь.

Коллективное фото. Посчитай, кто на большой коллективной фотографии стоит от тебя шестым (в любую сторону). Этот человек — твой недоброжелатель.

Дверная ручка. Когда идешь на "ковер" к высокому начальству, не берись по пути за дверные ручки, это к увольнению.

Когда снятся шеф. Если приснился шеф, прямо с утра скажи ему какой-нибудь комплимент, и тебе ничего не будет.

Когда снятся подчиненные. Утром надо с каждым подчиненным, который тебе приснился, поздороваться за руку, тогда все их черные замыслы пропадут впустую.

Мелочь. Нельзя оставлять в кошельке мелочь и носить мелкие деньги в кармане, это к сплетням и неприятностям.

Телефон. Трубку зазвонившего телефона надо снимать только после четного сигнала. Снимишь после нечетного, сообщат какую-нибудь гадость.

ЖЕНСКИЕ суеверия в армии

Женщин в армии много. А кто главным образом верит во всякие приметы и знаки, как не женщины? Но у дам в погонах зачастую даже обычные "заморочки" приобретают какой-то специфический армейский оттенок...

Упавший предмет. Если в присутствии других женщин у тебя упала какая-то вещь, подними ее (чтобы не подняли другие), отряхни, убери в карман, но потом обязательно избавься от нее, даже если она ценная. Иначе потеряешь свою привлекательность.

Разбитое зеркало. Не смотришь в разбитое зеркало, иначе рухнет личная жизнь. Если разбила зеркало сама, три раза плюнь через левое плечо и один раз — на осколки.

Сглаз. Если тебе в скором времени должны присвоить очередное воинское звание (или предстоит другое хорошее событие, например, выходишь замуж), никому об этом не рассказывай, особенно остальным женщинам. Расскажешь — ничего не получится, "сглазят".

Два офицера. Когда тебе навстречу идут два офицера, сложи количество их звездочек (например, два полковника — это шесть штук). Сумма четная — все будет хорошо. Нечетная — жди проблем.

Солнечный зайчик. Если в глаза тебе случайно попал солнечный зайчик — сбудется какое-то твое желание.

Заочная похвала. Собираясь о чем-то попросить своего начальника, но не будучи уверенной, что он пойдет тебе навстречу, надо издали (можно даже глядя в окно) шепотом сказать ему: "Товарищ... (звание), вы — хороший, добрый, самый лучший начальник на свете!" Главное, чтобы никто этого не слышал.

День рождения. Если в свой день рождения сама сделаешь кому-то подарок — "отобьешь" все сплетни. А когда двое или больше людей (независимо друг от друга) дарят тебе на день рождения игрушку — в течение года у тебя будет ребенок. Получив на службе в подарок открытку с преобладанием синего цвета — вскоре познакомишься с новым мужчиной.

...Кстати, о женщинах. У моего отца была очень суеверная знакомая, прапорщик в части РХБЗ. Пять лет подряд она в свой день рождения гадала на будущего мужа: какое звание носит первый встреченный ею в этот день мужчина, такое звание будет и у "суженого". Причем это гадание она придумала сама. Но вот странное дело — все пять лет в день рождения ей на каждом шагу, даже в общественном транспорте, попадались сплошные майоры. И замуж она вышла за моряка, капитана третьего ранга (в переводе на "сухопутный" язык это и есть майор!)

А однажды...

Впрочем, стоп. О браках между военными, а также о пресловутых служебных романах я расскажу в следующий раз. ■

Любовь за деньги и без них

■ Возможно, прочитав название, читатель первым делом подумает, что речь сейчас пойдет о девушках, стоящих вдоль дорог и продающих свое тело за деньги... Но это не так. Сегодня "Молодой бульвар" и его читатели хотят поговорить не столько о продаже тела, сколько души.

То есть рассказать о цене за красивую жизнь, о том, с чем может столкнуться молодая женщина или молодой мужчина, когда одним из главных факторов желания быть вместе является крупный счет в банке или, попросту говоря, толстый кошелек.

Алена, 28 лет, холеная блондинка а-ля Ксения Собчак: "Я запуталась в своей жизни, и уже не знаю, как развязать узел, который сама завязала еще много лет назад.

В детстве я жила в однокомнатной квартире вместе с мамой, бабушкой и дедушкой. Дostatка в доме не было, буквально на всем приходилось экономить. Мама работала участковым терапевтом за смешную зарплату. Еще учась в школе, я совершенно случайно влилась в компанию так называемой "золотой молодежи", — завсегдаев ночных клубов и дискотек. Они не считали деньги и везде щедро платили за меня, подхватывали на дорогой тачке по дороге в медицинский

институт, где я училась, на день рождения могли подарить золотой браслет или набор элитной парфюмерии.

Со временем я стала понимать, что полюбить смогу только того, кто богат. Если мой молодой человек оказывался неплатежеспособным, наши отношения не складывались. Мне даже становилась не интересна его любовь, какой бы пылкой она ни была, если я понимала, что он не может заплатить за меня в ресторане, купить красивое нижнее белье, подарить огромный букет роз. Со временем я, как мне казалось, встретила идеального мужчину: богатый, стильный, намного старше меня, работающий в сфере шоу-бизнеса — вроде бы то, что надо, но наш двухлетний, красивый роман закончился полным крахом. Он не захотел бросить жену и ребенка, и резко порвал все отношения.

Куда идти, что делать? Институт закончен, нужно искать работу. Терапевтом? Нищенская зарплата, коробка конфет и "спасибо, доктор". А жить-то где? С мамой и стариками в "однушке"? — после шикарной жизни с Виктором... "Не вынесу", — думала я тогда.

И тут появился Герман: неловкий, грубоватый, добрый и при деньгах. Наверное, я бросилась в отношения с ним только для того, чтобы заглушить боль от прежней любви, так как его внушительный набор недостатков был заметен невооруженным взглядом. Если ему что-то не нравилось, он в секунду вскипал, раздражался, начинал обзывать меня. Порой заводил игривые разговоры об изменах, о том, что ничего страшного в них нет, что "левак укрепляет брак" и тому подобное. Сначала такое поведение оскорбляло до глубины души. Но потом я, наверное, привыкла... И даже, уличив его в измене с моей старой знакомой, простила, так как прекрасно понимала, что без его поддержки моей обеспеченной жизни наступит полный конец. Прошло два года отношений. Я забеременела, естественно, встал вопрос о женьтибе. Какое-то время я раздумывала, прекрасно понимая, что Герман — это совсем не тот, о ком я мечтала (не считая пункта "деньги"), он всегда будет меня унижать и, возможно, еще больше, чем сейчас. Но было жаль потерянных лет жизни с ним, жаль

своей уходящей молодости, жаль чувств и душевных сил, потраченных на борьбу с его недостатками, а, главное, жаль будущего ребенка, который должен расти без отца.

Свадьба была шикарной. Сто человек гостей, лучший ресторан Москвы, самое дорогое свадебное платье. За все заплатил Герман. Потом — переезд на новую квартиру в элитном доме, покупка мне автомобиля. В общем, рождение дочери мы встретили во всеоружии. Но экзпизнда в этом рассказе нет. Потому что люди не меняются. Прошло совсем немного времени, утихли восторги по поводу рождения ребенка, жизнь упорядочилась, стала предсказуемой, монотонной. Я целый день проводила с дочерью, а Герман до ночи пропадал на фирме, владельцем которой являлся. Возвращался поздно, усталый, взвинченный, и все негативные эмоции, накопленные за день, выплескивал, конечно же, на меня. Придирался по мелочам, постоянно упрекал в неоправданных тратах. Друзей своих у меня практически не осталось, с приятелями Германа говорить не о чем, с женами этих приятелей тем более — одна зависть и соперничество в области шуб, украшений и марок машин. Если кто-то и приходит из старых подруг, работающих врачом в районной поликлинике, открывенничать тоже не получается. Они смотрят на интерьер моей квартиры, на мою одежду, машину и не могут понять, чего мне не достает. Судя по всему, думают, что бешусь за жиру".

Алена сидит у меня на кухне, выкуривает последнюю сигарету из пачки и допивает остатки "Чинзано". Она явно пьяна, за ней приехал шофер. "Пошла жить дальше", — говорит она мне на прощание.

Итак, красивая жизнь или чувство собственного достоинства? Обеспеченное будущее ребенка или доброжелательная атмосфера в семье? Жизнь на вулкане или гордое одиночество? Что все-таки выбрать или как добиться того, чтобы все эти компоненты совпали?

Вот другая история.

Оля и Гена познакомились еще в университете. Учились в одной группе. Были хоро-

шими друзьями, но постепенно дружба переросла в крепкую любовь. Казалось, ничто не может помешать их счастью. Проблема заключалась только в одном: девушка была из богатой семьи, а Геннадий — с достатком ниже среднего. Узнав о решении молодых пожениться, родители отказались от дочери. Несмотря на это, свадьба состоялась, и отношения молодоженов поначалу складывались идеально, трудности начались чуть позже. Оля не могла смириться с жизнью в общепитии или в дешевых съемных квартирах, возникали скандалы. Они не могли поехать отдохнуть летом туда, где всегда отдыхала Оля. Не могли пользоваться дорогими магазинами, где она привыкла одеваться и покупать продукты. Гена работал в нескольких местах, только чтобы жена не испытывала особого недостатка. Но все напрасно. Не стерпела Оля и тихо ушла с сыном на руках. Прошло пять лет, Гена занял высокий пост, женился вторично. А она до сих пор живет за счет родителей, материально обеспеченная, но никому не нужная. Так, возможно, ключ от семейного счастья в терпении? Большинство наших респондентов с этим не согласны. На вопрос: зависит ли семейное счастье напрямую от толщины кошелька, молодые люди в основном отвечают положительно. Один из них так и сказал: "Любовь, даже самую верную, надо все время подпитывать. А это требует в наше время больших материальных затрат".

Сергей, 27 лет. "Всю свою молодость я учил, то есть существовал на крошечную стипендию, и за это время успел сойтись и разойтись со многими девушками. Со всеми, без исключения, у нас постоянно возникали ссоры на почве денег. Я элементарно не мог сводить свою подружку ни в кино, ни в ресторан и испытывал, конечно же, по этому поводу огромный дискомфорт. Естественно, всем моим возлюбленным становилось скучно, ведь девушки любят, когда на них тратят деньги, развлекают, красиво ухаживают. И они просто меня бросали. На данный момент у меня два высших образования, я зарабатываю достаточно денег, чтобы прокормить семью, и с женой мы почти не ссорим-

ся, тем более, по поводу денег". Делайте выводы, дорогие читатели!

Катя, симпатичная девушка, пока еще незамужняя, совершенно уверенно сказала, что не в деньгах счастье, но только с ними можно ощущать себя счастливой. Лично она ни за что не выйдет замуж за человека, у которого в кармане ветер гуляет. И она в чем-то права, хотя многие, несомненно, попытаются убедить ее в том, что любовь зла...

Например, история, рассказанная Татьяной, доказывает совершенно обратное.

"Мы с Андреем живем четыре года. С самого начала, как познакомились, Андрей не был богат, но меня это не беспокоило, как говорится, с милым рай и в шалаше. Мы просто любили друг друга, и этого вполне хватало. Сейчас ничего не изменилось: деньги в нашей жизни по-прежнему не играют главной роли, голодными мы не сидим! Я считаю, что если денег хватает на житье-бытье, то и повода для переживаний нет. И вообще, чем больше денег, тем больше проблем".

Мы, естественно, не стали расспрашивать старшее поколение, поколение наших родителей, что думают они о браке по расчету, однако их мнение случайно донеслось до нас, когда **свою историю поведала Наташа Ш.**

"Что бы мне ни говорили — бедность — это унижительно. Не чувствуешь ты себя в жизни уверенно, когда не можешь позволить себе что-то купить, где-то отдохнуть, куда-то сходить. Я не говорю о пошлой роскоши. Но достаток в семье обязателен. Иначе не надо семью создавать. Мои родители — потомственные врачи, занимающие хорошие должности и получающие достаточно приличные деньги. Они всегда хотели, чтобы я вышла замуж за кого-то из сыновей их друзей, знакомых. В общем, людей с той же "грядки", как говорил мой отец, что и мы сами. Поэтому первым вопросом, когда в моей жизни кто-то появлялся, был вопрос: "А кто его родители?" Родители счи-

тали, что у приличных людей вырастают только приличные дети. Когда в нашу семью пришел Саша, этот вопрос отпал сам собой. Родителей у него как бы не было. То есть они были, но так далеко, что мы даже по карте не смогли отыскать тот маленький городок, где они жили, и из которого он приехал в Москву. К тому же его мама и папа были безработными и кормились за счет своего натурального хозяйства, так как единственный завод, на котором работал весь город, давно разорился. И вообще Саша с ними отношений практически не поддерживал, так как последние годы учебы провел в интернате. Да и родители его, судя по всему, им особо не интересовались. Саша, так же, как и я, тогда был абитуриентом. Я, естественно, поступила в медицинский, а Саша завалился в университет. Но любовь наша уже полыхала вовсю. Саша говорил, что не может жить без меня ни минуты и наложит на себя руки, когда вернется в свой уездный городишко. Папа, под моим давлением, используя свои знакомства, устроил его на хорошую работу, дал ключи от дачи и сделал временную прописку. Надо ли говорить, что на следующий год Саша уже учился в престижном вузе на вечернем отделении, получил отсрочку от армии "по болезни", продолжал работать на фирме и даже занял у отца денег, чтобы открыть свое дело. С делом что-то получилось не очень, папа потерял приличную сумму. Но не в суд же подавать на любимого своей дочери? Короче, мы поженились. Отец купил нам в новом доме отличную квартиру, и они с матерью переселились этажом ниже. Я собиралась стать мамой, и им надо было помогать растить внуков. У Саши что-то не клеилось то с учебой, то с работой. И каждый раз после очередного падения его подхватывал на руки мой отец, которому приходилось затыкать образовавшиеся пустоты в нашем бюджете, в Сашиних деловых неудачах. Мама была самой надежной и лучшей нянкой родившемуся внуку, уборщицей и поваром нашей молодой семьи. Как она все успевала — не представляю. Ведь она еще и работала. И вот, наконец, когда ребенок подрос, Саша укрепился в бизнесе

с помощью папиных денег и друзей, когда все трудности были позади и оставалось только жить и радоваться, Саша объявил, что уходит к другой женщине — такой же respectable и успешной бизнес-леди, умнице, красавице, как он сам. Короче, к женщине достойной его самого. Ну, сказать, что я переживала, не сказать ничего. Но что творилось с папой — описать невозможно! На этой истории он подорвал свое здоровье, перенес несколько операций, в том числе и на сердце. Отец до сих пор не может смириться с Сашиним предательством. С тем, что его любимый внук остался без отца, а дочь без мужа. И я его понимаю. Сколько душевных сил, сколько энергии, сколько любви, понимания, сколько, в конце концов, денег он вложил в моего избранника — представить трудно. Поэтому, когда мой сын приведет ко мне девушку, я обязательно спрошу: "А кто ее родители?"

Жизненное кредо многих сегодня звучит так: "Чем больше денег, тем крепче семья". Но, как вы поняли, жизнь, тем более личная жизнь двоих людей, преподносит множество сюрпризов, множество поворотов и неожиданностей. В ней столько оттенков и столько нюансов, что вывести абсолютное кредо, думается, очень сложно. Конечно, недостаток финансов, как и любой другой недостаток, является благодатной почвой для возникновения и развития комплекса неполноценности. Но иногда именно из-за этого многие мужчины не могут создать семью, находятся в постоянной погоне за большими деньгами, а за неимением таковых остаются безработными и невостребованными. Но, как мы уже поняли из историй наших героев, семья может разрушить как бедность, так и богатство. Читателям "Молодого бульвара" мы желаем, прежде всего, гармонии в личной жизни. Тогда все будет хорошо. Ищите золотую середину и не забудьте поинтересоваться родителями вашего избранника, хотя, на наш взгляд, это не совсем верно. Достаточно вспомнить, как не похожи были тургеневские девушки на своих мам и пап, как далеки были от них. Желаем успехов.

Стрелы Амура

Лазурные и любвеобильные

■ "Лазурный берег" — это не райское местечко на берегу синего-синего моря, а группа из семи человек разных национальностей, которые поют.

Исполнителей для проекта Михаил Меркулов и Андрей Пряжников искали долго, почти два года. Над их имиджем работала известный телевизионный стилист Людмила Редкозубова, в свое время создававшая образы таким звездам экрана, как Владимир Молчанов, Татьяна Миткова, Валерий Комиссаров и многим другим.

Поющий "Лазурный берег" — это:

Илья Юдичев — 23 года, москвич, выпускник Музыкальной академии имени Гнесиных. объездил всю Россию и СНГ в составе

участником коллектива, Сергей не забывает свое актерское ремесло, дублируя кинофильмы и "работая лицом" на киностудии имени Горького.

Инга Федулова, 19 лет, родилась в Новочеркасске. Все детство и школьные годы провела в Армавире. Девушка-огонь, душа коллектива и настоящая "Фигаро в юбке". Учится на джазовом отделении академии Гнесиных, и на юриста в МГСУ. В 13 лет пришла в ВИА "Пестрая жизнь", где, наряду с исполнением песен "Блестящих" и других хитовых девичьих коллективов, добилась права петь песни собственного сочинения. Заслужив, таким образом, кредит доверия у родителей, девушка в 17 лет отправилась

рок-группы "Опиум", прекрасно разбирается в самых модных направлениях — джаз, соул, айрен-би.

Анжела (Анжи) — из Камары, ей 22 года, а родилась в Мавритании, она — мулатка. За несколько лет пребывания в группе и Москве Анжела отклонила пару заманчивых, на первый взгляд, предложений. Первое: отказалась подрабатывать на подтанцовках у Валерия Леонтьева, и второе: не вышла замуж за Отара Кушанашвили. Особенность: обладает строптивым характером, доставшимся в наследство от папы-мавра. Однако именно эта гамма чувств и эмоций, по мнению других участников коллектива, придает Анжеле особое очарование.

Сергею Ревтову 23 года. Родился в Москве, пел в хоре Попова, окончил французскую спецшколу, азы вокального мастерства получил в музыкальной школе. Выпускник театрального училища имени Щепкина по специальности "актер академического театра". Поработал ди-джемеем на радио. Будучи

покорять Москву. Буквально с первого же прослушивания она попала в группу "Голубые Гавайи".

Мао Фритти, 27 лет. Он из Конгасо (Демократическая республика Конго) из семьи дипломатов, родился в Бельгии. Детский сад и начальную школу прошел в Эфиопии, откуда уехал в Бельгию. По окончании школы отправился в Заир, работал и учился, но, посчитав, что "человек мира" должен жить в Европе, вопреки воле родителей, вернулся в Бельгию, где создал школу танцев при Африканском культурном центре.

Будучи авантюристом и путешественником по натуре, Мао приехал в Россию как турист, познакомился с продюсерами, стал брать уроки игры на бас-гитаре и поступил в МГУ на отделение "международная экономика и менеджмент".

— Я все бросил ради будущего. Я верю в людей, с которыми работаю! — уже по-русски говорит Мао. За два года он сделал потрясающий рывок в освоении русского языка

и теперь общается с ребятами без переводчика, правда, оставляет за собой право говорить со своим коллегой и другом Ивеной на французском, английском, лингала и свахили — в общем, по настроению на одном из "родных" языков.

Наталья Заичникова — 21 год, блондинка, из города Ногинска Московской области.

Родилась в семье военных. Поет, танцует, пишет картины, занимается верховой ездой. Коллектив "Лазурный берег" дополнила не только мощным колоратурным сопрано, но способностью гасить конфликтные ситуации и решать творческие разногласия. Девушка с мягким характером, она все же пошла наперекор советам мудрых педагогов и наставников, прочивших ей карьеру исполнительницы уровня Надежды Бабкиной и Надежды Кадышевой, и перевелась в Московский высший колледж искусств на отделение эстрадного вокала.

Ивена Лецикурана — 27 лет, Мадагаскар. Очень гордится своим знанием русского языка, который учит третий год и никогда не опу-

скает момента попрактиковаться. Он рос очень непослушным мальчиком, и отец его отправил с глаз долой — учиться в Тулузу (Франция). Но и там он доставал родителя — разбил "пежо", "рено", "судзуки", "хонду" — в общей сложности около десятка разнообразных машин и мотоциклов. Спасаясь от гнева папы, бросил учебу в Тулузе и перебрался

в Париж, где и услышал о наборе в международное шоу "Лазурный берег". Продюсерам очень понравилась способность Ивена играть практически на всех известных инструментах (как и Мао Фритти, Ивена Лецикурана уникальным образом обходится без нотной грамоты). Сейчас он учится на 2-м курсе факультета экономики УРАО (Университета Российской Академии Образования). Обожает московскую погоду. Не пьет, не курит, не употребляет "драгс". Девушки — его единственная и огромная слабость.

Модные хореографы Егор Дружинин и Илона Зейнурова (балет "Тодес") ставили ребятам все хореографические номера. Их девиз "Просто надо быть самим собой!"

вдохновил известного клипмейкера Ирину Миронову на создание клипа "Такая любовь" (слова и музыка В.Тюрина), где эти слова и прозвучали. Клип стал удачным дебютом и был радушно принят центральными и музыкальными каналами. Такого экшена — с битьем стекол, угонами дорогих машин, интернациональным составом — на нашем TV не было уже давно.

Молодежь 90-х слушала группу "Modern Talking". А недавно в одном из московских клубов Томас Андерс, один из ее бывших участников, исполнил с "Лазурным берегом" песню их бывшего репертуара. У Сергея Ревтова, имеющего все диски известной группы, оказался тот же тембр голоса, что у Томаса в молодости.

— *Сергей, какая из ваших работ вам нравится больше самим и почему?*

— Все, что мы делаем, определённо, все нам нравится! Нет смысла заниматься творчеством и при этом не творить, а творить мы умеем. То одно натворим, то другое — так сразу и не скажешь, что интересует больше.

Очень нравится работа артиста как таковая, именно концертные выступления, так как поём мы исключительно живьём, а не под фонограмму, и, соответственно, и от этого получаем адреналин. А так как репертуар у нас обширный, то мы исполняем песни на русском, английском, немецком, французском, азербайджанском, идиш и многих других языках. Поэтому все обычно остаются довольными! А что касается работы с клипмейкерами и профессионалами в шоу-бизнесе, то это как "фишка ляжет"! Вот "легла" она правильно, так как нужно, и два клипа подряд — "Ирония судьбы, или С лёгким паром!" и "Хочу замуж!" мы взяли и сняли с одним режиссером Андреем Сергеевым. Как говорится, от добра добра не ищут, а вообще, он отличный питерский человек и в прошлом — музыкант, что тоже важно. А если честно, то с самого начала нашего старта, момента зарождения группы "Лазурный берег", наш продюсер Михаил Меркулов изначально выбирал людей для сотрудничества исключительно профессиональных, уже зарекомендовавших себя. Нам довелось рабо-

тать с такими известными композиторами, как — Евгений Крылатов, Андрей Грозный, Денис Ковальский, Андрей Прыжников, Вячеслав Тюрин. Над имиджем с ребятами еще работает Никита Нагибин.

— *Хотите ли вы, что бы вас слушали люди определенного возраста, или вам интересен любой зритель?*

— Поклонниц побольше красивых, чтобы петь хотелось и душа радовалась! А главное для артиста — признание и любовь зрителя, а возраст не имеет никакого значения, хотя думаем, что после последней нашей работы песни-ультиматума "Хочу замуж!", с душераздирающей историей, поклонниц женского пола умножилось в несколько раз. Уж очень тема замужества остро стоит в России.

— *Как называется направление, в котором вы поете? Можно ли его назвать поп-музыкой?*

— Определённо это — популярная музыка. Без ложной скромности скажем, что наш репертуар очень оригинальный, не похожий ни на один музыкальный российский проект. В нём всегда есть история, стебные тексты с положительной энергетикой, отличный вокал, и надеемся, что наша музыка не оставляет людей равнодушными.

— *Не ревнует ли группа "Рефлекс" к Вячеславу Тюрину?*

— Тюрин написал огромное количество хитов для многих звезд, и мы — не исключение. Группа "Рефлекс" ревнует, и даже очень, но с этим ничего не поделаешь, такая она звёздная доля — светить всегда и везде, вот он и с нами "засветился".

— *Как у вас складываются отношения с другими артистами?*

— Отношения с другими артистами и коллективами разные. Есть дружеские, приятельские, не очень и т.д., с кем-то связываются любовные интриги, а где-то — и рабочие моменты. Вот, например, Анжи дружит с Вин Дизелем, она ещё в Праге с ним познакомилась, во время гастролей. Девочки болеют за ребят из Национальной Хоккейной Лиги (NHL). Особенно активны Наташа и Инга: у них с молодыми звездами NHL свои отношения. Когда проходит чемпионат Рос-

сии, и в связи с этим в Москве идет матч, девочки организуют своим любимцам группу поддержки (не каждый день можно увидеть звёздных девушек в роли фанаток!). А до начала чемпионата звёздные болельщицы свободное от гастрольного время проводят со своими спортсменами на ледовой площадке в надежде растопить лёд своим теплым "лазурным" дыханием! Песню "Хочу замуж!" Наталья Заичникова написала явно в состоянии любовной эйфории, а вырастет ли роман звезд "Лазурных" с NHL "в белое платье и букеты роз" — покажет время!

— *Творчество каких музыкантов вы любите, кроме Томаса Андерса?*

— Хороших, талантливых артистов достаточно! Нас семь человек, и пристрастия у нас у всех разные, единственное, что нас объединяет — это серьёзное отношение к вокалу.

Илья, например, склонен к рок-музыке, у него прошлое такое — рокерское, всю Америку объездил с группой "Опиум".

Инга предпочитает джаз, Ивена и Мао — рэп, а объединяет нас в выборе музыки наше "интерактивное шоу": именно так нас называют, потому что на концерте мы поем живьем на разных языках, и, кроме своего репертуара, можем исполнить все зарубежные хиты от Бритни Спирс до "Queen"! Приходите на концерты, и мы вас приятно удивим — такого точно не встретите ни в одном поп-коллективе!

— *Планы на будущее? Какой, на ваш взгляд, у вас творческий потенциал?*

— У нас записан и готов к выпуску дебютный альбом, куда вошли уже известные песни: "Такая любовь", "Дождь", "Заломили цену", "Новогодняя", "Хочу замуж!" и новые песни, ещё не звучащие в эфире. Альбом получится очень интересный и разноплановый.

У нас своеобразный стиль, не похожий ни на один коллектив, мы стараемся добавить в российский шоу-бизнес что-то новое, не похожее ни на что, поэтому у нас такие оригинальные тексты песен и красочные, стейбные клипы. Мы очень серьёзно подходим к выбору музыкального материала и

сценария к видеороликам, работая только с зарекомендовавшими себя лучшими в нашей стране авторами и режиссерами. И у нас уже есть свой сайт — www.lazur-bereg.ru, поэтому мы считаем, что наш коллектив по достоинству оценят все те, кто имеет хороший музыкальный вкус, чувство юмора и здоровый оптимизм!

— *Не было мыслей снять компьютерный клип?*

— Идея компьютерного клипа давно рассматривалась. Пока мы этого не делали только исходя из идейных соображений. Думаем, что в недалёком будущем прибегнем и к компьютерным технологиям, даже есть идея создания персонажей "Лазурного берега".

— *Сравнивают ли вас с кем-то, и, если да, то с кем?*

— Изначально, в период первых "Фабрик", наших замечательных афроамериканцев на гастролях называли "шоколадными зайцами" из-за Пьера Нарцисса, популярного певца, теперь уже бывшего "фабриканта". То ли это всенародная любовь ко всем темнокожим артистам, или просто парни такие "сладкие"! А сравнить нас с кем-либо трудно, такой "бандитской семёрки", в хорошем смысле "разбитной", и абсолютно непредсказуемой на нашей эстраде нет! Только мы можем запросто и непринуждённо устроить кшеш из ничего! Там где мы, там нет тишины и спокойствия, поверьте, равнодушных рядом с нами просто не может быть: мы — ураган, тайфун из звука, красоты и непредсказуемости. Просто будь самим собой! — этим всё сказано.

— *Есть ли для вас понятие "рабочего дня"? Когда вы уходите из студии, вы перестаете думать о работе?*

— Мы постоянно вместе: на каждодневных репетициях, концертах, тусовках. Быть публичными людьми — означает всегда быть на виду, это обязывает, поэтому не думать о своей работе — невозможно, всегда нужно себя "нести". А то, что происходит с нами в так называемом "быту", мало чем отличается от нашего сценического образа: мы такие, какими вы нас видите на экране: молодые и любвеобильные!

Беседовала **Ольга БЫСТРЫХ.**

теле**О**бразование

или Думы о политкорректности

■ Тихий вечер, приятная компания, уютное кафе. На столе лениво покачиваются огоньки свечей, отражаясь кровавым багрянцем в винных бокалах... За соседний столик садится компания нетрадиционно ориентированных, и начинается тихий ужас...

Ни в коем случае не подумайте о каком бы то ни было моём предвзятом отношении к этим людям, ничего подобного. Волею судьбы мне пришлось пообщаться с ними вдоволь. И поодиночке они прекрасные друзья и милейшие собеседники, но когда они собираются вместе... Тут уж всё, тушите свет — сливайте воду. Кто там кричал о признании каких-то прав меньшинств на что-то? Я не против, только пусть эта братия ведёт себя в ответ должным образом. Зачем кричать на весь свет, что ты гей? Господи, с кем чего только не случается? С тобой вот такая вот беда приключилась, ну что теперь сделаешь? Нет, вышагивают го голями писаными, на всю округу красуются. И чем дальше, тем больше их. Что, вырождаемся потихоньку? Вряд ли. Всегда они были, всегда будут и никогда не переведутся. Дело в другом. Сейчас это просто модно.

И далеко не последнюю роль в этом сыграло телевидение, да не простое, а развлекательное. Именно MTV первыми вылило на наши головы содержимое европейско-американского ассенизационного резервуара "массовой" культуры. Музыка музыкой, но кроме неё зритель увидел новый стиль жизни, свободу, которой он долгое время был лишён. Брильянтовый дым отшиб последний разум. Любая сявка стала косить под

звезду, все ночные клубы стали считать хорошим тоном проводить "тусовки" а ля "как в лучших домах Европы". Кто видел, как в Америке всё на самом деле? Так ли всё, как нам показывают? Нет, по крайней мере, отчасти. Вся эта красивая жизнь, безусловно, есть, но есть она только потому, что нужна нам. В какой-то степени это можно назвать индустрией рекламы и пропагандой своего образа жизни. Всё легко и красиво. А в самих США отвязно клубящихся элементов считают люмпенами. У нас же крутыми парнями и модниками, которым все стремятся подражать... У них уважительно-почтительно относятся к гею исключительно если у него куча денег. У нас любого чуть ли не бояться... Да и MTV в Америке по рейтингам среди развлекательных каналов отнюдь не на первом месте стоит...

К чему это я? Да к тому, что нелишне будет нашему телевидению всё-таки "фильтровать базар" (да простят меня борцы за чистоту русского языка). Просто в крайнюю степень негодования меня привела история, поведанная мне соседом — бар-менеджером Гирькиным, Недовесом, то есть.

Заловил он меня недавно у подъезда и просто-таки заинтриговал.

— Я тут у друга кассету выпросил. Долго мне давать не хотел. Но я её за долги выменял. Он там одну передачку записал, посмотри, тебе интересно будет.

Ладно, думаю, посмотрю, с меня не убудет. Пришёл домой, поставил. Смотрю. MTV, программа называется "Поцелуй навывлет". Если кто не в курсе, это — как модно нынче

говорить — шоу. Смысл в том, что некоего мужчину ставят за ширмочку, так, чтоб его не видно было, а четыре конкурсантки изгаляются как могут, пытаются снискать его благосклонность. Иногда такие красавцы попадают... без слёз не взглянешь. Бывает и наоборот, за ширмочку прячут девушку. Суть от этого не меняется. В общем, так себе программка. Но на этой кассете... В передаче одни мужики были. В том смысле, что одного гея спрятали, а четверо оставшихся зажигали, как могли. А могли они, признаюсь, многое. Заявл я... Выругался нецензурно и бегом к Недовесу.

— Что ж ты мне за клубничку немецкую подсунул? С какой стати ты решил, что эта "пакость" мне понравиться может?

— Да ладно, не кипятись. Чего так разошёлся. По-моему, просто забавно. Я её на работе ребятам показывал, все до коллик смеялись...

И тут я понял всё. Для Недовеса, как и для большинства народонаселения нашей Родины, инакоориентированные — не более чем клоуны, с той лишь разницей, что в цирк ходить не надо. И все мои умствования на тему назойливого разложения наших умов нашим же телевидением — не более чем сон воспалённого разума. Плевать мы хотели на этот голубой ящик. У нас народ телевизор включает только для того, чтобы в квартире хоть что-то разговаривало, а то скучно как-то. А уж что оно там вещает — и не надо никому.

Но это взрослые, им, что генеральный прокурор в бане, что гей за ширмочкой — всё из одной оперы. Знай, посмеиваются себе, да думают, эвон как их с жиру-то... А дети? Они ведь могут подумать, что всё, что им показывают — и есть жизнь. Расхлёбывай потом. А чтоб не маяться с пятнадцатилетними мальчиками, "любящими" друг друга, да не ломать голову с тринадцатилетними девочками, которые всего лишь насмотрелись группы "ТаТу", ВЗРОСЛЫЕ! не оставляйте детей наедине с телевизором, вам же потом только лучше будет. ■

*С надеждой на светлое будущее,
искренне ваш, Ник СИГАРИЩЕНКО.*

В небе —

Мало кто может себе представить, что история отечественного воздухоплавания началась аж в 1879 году, в Петербурге, на VI Всероссийском съезде врачей и естествоиспытателей, где Менделеев сделал доклад "О сопротивлении жидкостей и воздухоплаванию". Идея "летания" так захватила слушателей, что тут же, на съезде, решили издавать на общественные средства журнал "Воздухоплаватель", дабы информировать почтенную публику обо всех новостях в данной области. И уже через месяц начала действовать

— МОНГОЛЬФЬЕР!

“Общественная организация российских воздухоплателей”, которая отметила, кстати, в этом году свое 124-х летие. В неё входили самые прогрессивные люди своего времени, чего только стоит проект дирижабля с реактивным двигателем Николая Михайловича Сковнина, и это в XIX веке!

Другой член общества воздухоплателей — Александр Матвеевич Кованько — во время Русско-японской войны 1904—1905 годов всеми силами стремился найти практическое применение нарождающемуся “лета-

нию”. Так, на флоте стали применять надувные шары, служившие для разведывательных целей. Шар, наполненный горячим воздухом, с прикреплённой снизу корзиной, в которой располагался матрос с биноклем, привязывался к мачте судна и поднимался на сто метров. Понятно, что с таким надутым приспособлением русский флот мог обнаружить неприятеля с гораздо большего расстояния. Но были и трудности, из-за сильного ветра, и из-за большой парусности шара, кораблям нередко грозило опрокидывание,

фото Владимира Чейшвили

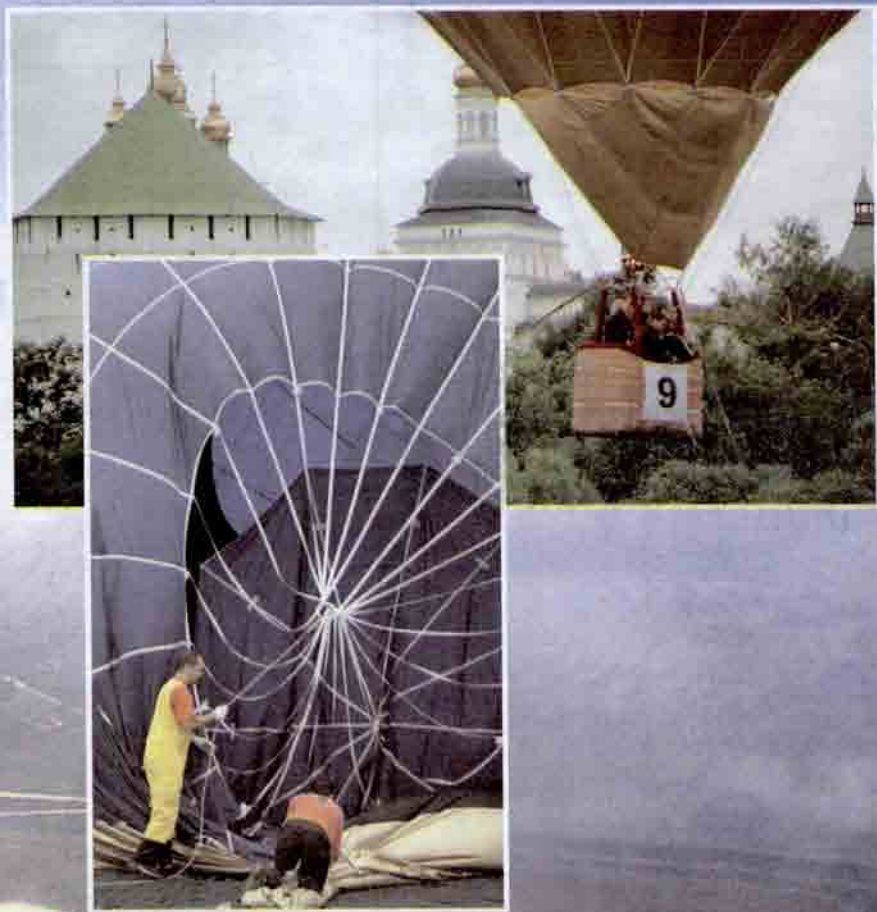
поэтому такую "воздушную" разведку применяли лишь в штиль.

В дальнейшем, с повышением точности стрелкового оружия, с развитием авиации, применение воздушных шаров сошло на нет, так как большие и неподвижные, они представляли собой прекрасную мишень. И про огромных надувных красавцев на время забыли.

Свое второе рождение монгольфьеры (это второе название воздушного шара, данное в честь своего изобретателя) получили уже в веке двадцатом. И служили они на вполне мирном поприще, особенно ценны оказались в метеорологии, дешёвые, спо-

собные подниматься на огромные высоты, нести на себе различное оборудование, они стали незаменимы.

Дирижабли (а это по сути родные братья монгольфьеров) пытались использовать для перевозки людей и грузов. Но так как их наполняли взрывоопасным водородом, они частенько горели. И идею отложили до лучших времён. Эти самые времена наступили сегодня, когда вместо водорода стали использовать гелий, газ достаточно лёгкий и абсолютно пожаробезопасный. Появилось множество интересных проектов: дирижабль-кран, способный поднимать до 200 тонн груза и пассажир-

ский лайнер, передвигающийся со скоростью более 110 километров в час — лишь немногие из них.

А что же монгольфьеры? Они тоже воскресли для пассажирского воздухоплавания. Огромный вклад в популяризацию этого способа передвижения по воздуху внесли различные, на первый взгляд, безумные затеи. Совсем недавно был установлен последний рекорд по подъему в высоту. Стив Фоссетт не так давно совершил беспосадочный перелет вокруг Земли. А на Украине, в местечке Соледар, группа энтузиастов совершила в гигантской соляной выработке первый в мире подземный полет на воздушном шаре, за

что и была удостоена почетного места в книге рекордов Гиннеса.

Стоит, однако, заметить, что аппараты, на которых удалось добиться столь впечатляющих результатов — уже далеко не те простенькие шарики, сотканные из парусины и наполненные горячим воздухом. Сегодня это высокотехнологичный продукт, равно внушительный как по цене, так и по размерам. Скажу лишь, что шар, на котором был установлен высотный рекорд, может легко поспорить своими размерами со средних размеров небоскрёбом.

Но это единичные выступления. Для зрителя гораздо больший интерес представляют

различные биеннале и фестивали воздушных шаров. Когда люди, глубоко преданные своему виду спорта, собираются на небольшой площадке, на которой с первыми лучами солнца начинают стремительно расти гигантские надувные грибы. И первый отрывается от земли, и называется он "зайцем", а потом, как по мановению волшебной палочки, вся армада устремляется за ним, ввысь, и под восторженные возгласы зрителей начинается "охота на зайца", смысл которой заключается в том, чтобы догнать и перегнать стартовавший первым шар. Но особенно красивы ночные полёты. Они гораздо опасней, ведь в темноте не видно, куда летишь, и на что рискуешь напориться. Но зато как это смотрится! Огромное поле озаряется сотнями газовых горелок, гонящих горячий воздух в недра шара, через несколько мгновений он уже способен принять вертикальное положение, и вся конструкция превращается в гигантскую лампочку, освещающую приятным желтоватым светом всю округу. А когда таких лампочек под сотню, кажется, что попал в страну великанов, а перед тобой огромные светлячки. Через несколько минут всё это светящееся благолепие покидает родное поле и устремляется, по воле ветра, куда-то вдали, всё уменьшаясь и уменьшаясь в размерах, и лишь иногда вспыхивая своим волшебным светом на фоне безоблачного звёздного неба...

Но это чисто зрительская реакция. За кажущейся простотой и красотой скрывается тяжелейший труд многих людей. Чтобы управлять огромной конструкцией, повинующейся вам куда меньше, чем бесшабашному ветру, нужно не только умение, но и соблюдение определённых правил. Пока местные метеорологи не скажут своё веское "добро", ни один из "лётчиков" не имеет права подняться в воздух. И даже когда разрешение получено, сначала в небо отпускают обычный воздушный шарик, чтобы по его поведению самим определить скорость и силу ветра. Делается это отнюдь не из-за недоверия к метеорологам, просто таков обычай, да и лишний раз подстраховаться никогда не лишне. Подъём производится плавно, медленно раскручивая канат, соединяющий шар с землёй, и лишь когда будет набрана

достаточная высота, шар отпускают окончательно. Зачем столько сложностей? Для безопасности, и только. На недавних торжествах местной телекомпании в Новосибирске надувную конструкцию никто канатами не держал, и первый же порыв ветра отнёс не набравший ещё высоты шар на ближайшую опору линий электропередачи... К счастью, всё обошлось без жертв и разрушений.

Несмотря на то, что это дорогой вид спорта (самый простенький шар стоит порядка 10000 у.е.), он очень динамично развивается. Ежегодно по всему миру проходят десятки различных фестивалей и показательных полётов. Пожалуй, самый крупный из них проходит во Франции, в провинции Лотарингия. На 10 дней сюда привозят более 1000 шаров разных форм и размеров из десятков стран мира. Действо превращается в незабываемый карнавал, притягивающий как магнит тысячи туристов.

В нашей стране подобные фестивали тоже проводятся, только они не столь представительны. Редко когда удаётся собрать хотя бы 50 шаров. Великие Луки, Минеральные Воды, Сергиев Посад — вот лишь немногие из городов, принимающих у себя эти красочные действия. Кстати, в Сергиевом Посаде в этом году выступили всего 24 надувных конструкции, но зато какие! В небо поднялись: царь-колокол, жёлтая подводная лодка, водозводная башня московского Кремля, гигантская кружка... немаловажно, что этот уже ежегодный фестиваль благословил сам патриарх. Особое место в ряду подобных мероприятий занимает зимний кубок судостроительного банка. Это экстремальные соревнования, ибо никто не гарантирует благополучного приземления, когда почти что ураганный ветер несёт шар в 10—15 метрах над землёй со скоростью 50 километров в час, а из-за интенсивных нисходящих потоков воздуха подняться выше просто невозможно.

Кто сказал, что человек не может летать? Может, и даже очень, ведь если верить Дарвину, птицы тоже считаются нашими предками, только уж очень далёкими. Так что не опозорим наших предков! Расправь крылья... ну, то есть стропы! Закрывь клапан! Подать газ! Отрыв! Полетели... ■

Полина ТЕСЛЕР

Мячом по воде

Как-то очень давно, когда я еще училась в школе, к нам в класс пришла новая девчонка, мы тут же подружились, и она предложила познакомить меня с молодым человеком. Я, естественно, обрадовалась и попросила описать его. На что она ответила кратко: он ватерполист. Что такое ватерполо или кто такой ватерполист, я тогда, к своему стыду, не знала. Предложение подруги как-то замялось и так и осталось только в проектах. Спустя несколько лет я отдыхала у моря, в пансионате. И вдруг за обедом увидела, как в столовую вошла целая компания высоких фигуристых, как на подбор, красавцев. "Кто это?" — спросила я. И услышала в ответ знакомое: ватерполисты. И теперь не могу не рассказать читателям "Молодого бульвара", что такое ватерполо и кто такие ватерполисты.

Игра в водное поло, возникла в середине девятнадцатого века в Англии и быстро завоевала признание во всём мире. Основным источником распространения этого ви-

да спорта в России стала созданная в 1908 году под Петербургом Шуваловская школа плавания (по названию поселка Шувалово). А уже в 1912 в Москве, в бассейне Сандуновских бань, проводились первые матчи по водному поло, в которых принимали участие команды Московского общества любителей плавания (МОЛП), спортивное общество "Сходня" и сборная Москвы. Чуть позже игра охватила Баку и Чернигов, Киев и Батуми, Одессу, Самару и Харьков. В 1926 году при Международной любительской федерации плавания (ФИНА) был создан Комитет по водному поло, объединяющий сто пятьдесят пять федераций. В начале тридцатых стали регулярными встречи московской и ленинградской команд, которые проводились до начала Второй мировой войны.

В советские времена на олимпиадах наши ватерполисты занимали призовые места, правда, на XV Олимпиаде в Хельсинки (1952) русские ребята уступили командам Венгрии, Югославии и Италии, но зато на следующих

фото Владимира Чейшилки

играх в Мельбурне (1956) сборная команда СССР завоевала уже бронзовые медали. На протяжении следующих трех Олимпиад в Риме (1960), Токио (1964) и Мехико (1968) сборная СССР становилась серебряным призером, а в 1972 в Мюнхене завоевала золотые медали. Мюнхенский успех советской команде удалось повторить лишь на Олимпиаде-восемьдесят, в Москве. XXVI Олимпиада в Атланте, к сожалению, не принесла России ни одной медали по водному поло — чемпионкой стала Испания. Однако в состязаниях на Кубок мира-2002 в Белграде российские ватерполисты выиграли золотые медали, обыграв в финальном матче сборную Венгрии.

Водное поло часто называют грубым спортом. Игроки хватают друг друга, зажимают, пинают, щиплют и даже стаскивают купальные костюмы, конечно, стараясь это сделать под водой, чтобы не увидели судьи. Можно сказать, что эта игра — комбинация футбола, баскетбола и хоккея. Но с той разницей, что восемьдесят пять процентов тела игрока погружено в воду. Чтобы удержаться на плаву, спортсмены пользуются особой техникой движения ног, чем-то напоминающей взбивание яйца миксером.

Игра состоит из четырех периодов по семь минут каждый. В команде семь человек (шесть в поле и вратарь). В начале каждая команда выстраивается на линии своих ворот. Мяч размещен в центре на специальном буйке. По свистку арбитра буюк уходит вниз, а мяч остается на плаву. Самый быстрый игрок устремляется к нему для того, чтобы завладеть и забить в ворота противника. Только вратарь имеет право брать мяч двумя руками, но бросать его он может лишь в пределах четырехметровой зоны. Считается нарушением удержание мяча под водой, независимо от того, намеренно это сделано или нет. Гол засчитывается в случае, если мяч пересекает линию ворот. Удар и толчок противника являются строгим нарушением, как и удар ногами и даже касание.

Выигрывает команда, забившая большее количество мячей в ворота соперника.

Игра очень быстрая, динамичная и зрелищная, несмотря на то, что основная борьба происходит под водой. Такая нагрузка требует от спортсменов разносторонней подготовки: плавательной, технической, силовой, тактической и индивидуальной. У спортсменов отличная координация. Представьте, что вам

на воде надо не только удержаться и совершать скоростные рывки, но и одновременно с этим точно бросить мяч. И не тупо бить по воротам и быстро плавать, а понимая игру, читая её и предугадывая развитие каждого момента! Поэтому ватерполисты не только красавцы, но еще и большие умники. А это, как вы знаете, для мужчин довольно редкое сочетание. Однако не подумайте, что этот вид спорта под силу только мужчинам. В 2000 в программу Олимпиады в Сиднее было включено женское водное поло. А все благодаря женской национальной команде Австралии, сыгравшей в этом решении самую важную роль. Австралийские спортсменки устраивали митинги и демонстрации протеста, считая несправедливым запрет на участие в Играх. Но, дорогие девушки, учтите, с шикарным маникюром в этот вид спорта вход воспрещен. Вернее сказать, "вплыв" или "впрыг", с которого начинается игра для каждого ватерполиста, точнее — ватерполистки.

Как выяснилось, фанаты ватерполо не менее агрессивны, чем футбольные. Чемпионат Европы по водному поло в Словенском городе Крани закончился массовыми беспорядками среди болельщиков. В финале встреча-

лись давние враги — сборные Хорватии и Сербии. Сербия победила со счетом девять-восемь, и хорватские фанаты выместили ярость в связи с этим на окружающих. Они громили трибуны и нападали на спортивных комментаторов. Их не остановил даже слезоточивый газ. Из-за такого разгула организаторы были вынуждены сократить официальную церемонию. Медали спортсменам вручались в ускоренном темпе на изолированной части стадиона. Сербские же болельщики отпраздновали победу сборной по-своему. В Белграде торжествующие фанаты колонной в несколько тысяч человек оцепили хорватское посольство. Они установили вместо хорватского флага сербский, разбили несколько окон и украли пиво и сигареты из киосков неподалеку. Полиции с трудом удалось восстановить порядок.

Если у кого-то уже возникло желание посмотреть на ватерполистов и на соревнования по ватерполо, приходите в спорткомплекс "Олимпийский". Там практически каждую неделю проходят тренировочные соревнования между московскими командами. Приходите, "Молодой бульвар" уверяет вас, — не пожалеете! Это потрясающее зрелище!

Евгения ГОРДИЕНКО

История одной рыбы

У каждого, кто хоть раз пробовал это блюдо, с ним обязательно связана какая-нибудь история. Потому что это национальное еврейское кушанье. А у национального еврейского кушанья просто не может не быть истории. У меня тоже с ним связаны свои воспоминания, когда наша старая соседка, Бетя Владимировна, взяла меня за руку и спросила: "Шо, детка, пойдём ко мне кушать фаршированную рыбку?", а когда узнала, что я никогда раньше ее не пробовала, всплеснула руками и воскликнула: "Несчастный ребенок! Пойдем, я-таки тебя накормлю настоящей фаршированной рыбой, как в лучших домах Одессы и Бердичева!" И я пошла. И с тех пор не могу забыть ни Бетю Владимировну, ни ее "фаршированную рыбку"...

Как вы уже догадались, речь пойдет о "гефилте фиш", так правильно называется

фаршированная рыба на идиш. Она уже давно вышла за рамки "просто еды", превратившись в символ еврейской кухни, наряду с форшмаком, цимесом и куриным бульоном. Если вас пригласили в еврейскую семью в гости, там обязательно будет фаршированная рыба, если вы пришли без приглашения — она все равно будет на столе. Говорят, что израильская версия Windows при вызове справки автоматически выдает рецепт фаршированной рыбы... Это, конечно, местный юмор, но суть отражает вполне точно.

Откуда появился рецепт блюда, история умалчивает, но доподлинно известно, что ныне он упрощенный, а раньше был очень сложным и трудоемким, поэтому при помощи гефилте фиш часто заманивали в дом женихов. Таким образом, девица, желающая выйти замуж, демонстрировала не

только свои кулинарные способности, но и трудолюбие.

Надо отметить, что рецептов фаршированной рыбы, как и салата оливье, примерно столько же, сколько хозяек его готовит. И каждая будет вам до хрипоты доказывать, что ее рецепт самый правильный, а остальные могут со своими "фантазиями" спрятаться подальше, чтобы не позориться!

Как вы думаете, что нужно для приготовления фаршированной рыбы? Таки да, рыба! В идеале — щука, но и судак тоже подойдет. Можно еще, конечно, взять карпа, но в нем столько косточек, а оно вам надо? Рыбу нужно примерно килограмм. Итак, ее надо очистить от чешуи. Голову отрезать, но не выбрасывать, если потом хотите красиво уложить рыбку "в целом виде" на тарелку. Не забудьте только вынуть из головы жабры. Дальше удаляем внутренности, не разрезая брюшка и стараясь не повредить кожицу. А вы думаете, так просто было девушке замуж выйти? Теперь очищенную рыбу режем на кусочки шириной сантиметров пять-шесть. Затем аккуратно вырезаем мясо и удаляем все кости. Они по рецепту не полагаются. А вот шкурку не выбрасываем, иначе что вы будете фаршировать?

Фаршируем чем? Не сомневайтесь, фаршем. Чтобы его приготовить, берем заранее вымоченную в молоке четвертинку батона без корочки и пропускаем ее вместе с вырезанным из рыбки мясом через мясорубку два раза. Можно три — будет нежнее, можно четыре или пять, но таких маньяков мне встречать не приходилось. Вбиваем яйцо, перемешиваем, солим. Если хотите — добавьте в фарш черный перец, но это не обязательно. Сама рыба должна быть пресноватой, а о соусе к ней скажу чуть позже. Теперь набиваем оставленные шкурки фаршем и берем кастрюлю. Кладем на дно "подушку" из овощей — порезанных морковки, свеклы и лука вместе с шелухой! Сверху выкладываем голову и хвост. Не забудьте, они пустые, ничем не нафаршированные, и вообще здесь для вида лежат. Впрочем, не совсем для вида. Еще и для бульона, в котором вы потом приготовите фиш-картошку. Это только

звучит странно, а на самом деле просто сварить в этом бульоне картошечку, получится обалдеть как вкусно. Но вернемся к нашей рыбе. Нафаршированные кусочки укладываем между головой и хвостом, создавая иллюзию "целой рыбы". Если не поместится — не страшно, можно положить как придется, а форму придать уже на тарелке. Сверху — снова овощная "подушка". Если рыбы получилось много и в один слой она не влезла, спокойно укладывайте второй, но потом опять прикроете овощами. Теперь подливаем воды, чтобы она слегка закрывала рыбу, солим, перчим, кладем лавровый лист, доводим до кипения, убавляем огонь до самого маленького и варим, пока не сварится, то есть часа два. Как будет готова — остудите, но не вынимая из бульона. Потом переложите рыбу без овощей на блюдо, но не плоское, а хотя бы с небольшими бортиками. Залейте бульоном и дайте застыть. Если все делали правильно, не сомневайтесь — застынет.

А теперь — главное. А главное у нас что? А вот и не угадали — не рыба. Главное — хрен к ней. Тертый. Вы когда-нибудь терли хрен? А придется, потому что пропускать хрен через мясорубку — святотатство, за которое хрен вам отомстит. Так что будете заниматься этим вручную, после чего нарезка лука покажется вам настоящим раем. Израильтянам проще, у них благодаря Саддаму Хусейну в каждом доме есть противогаз, и они могут надеть его при натирании хрена. Если вы увлекаетесь дайвингом или просто подводным плаванием, вполне подойдет маска аквалангиста. Но могу подарить и простую идею: ставите миску и терку в полиэтиленовый пакет, закрепляете его на запястье и там трете. Затем готовите хреновый соус. Я не ругаюсь, но попробуйте придумать другое название. Итак, берем четыре части хрена, две части свеклы, одну часть лимонного сока, одну часть сахара и соль по вкусу. Все смешать и закрыть в банке. Правда, соус этот долго не хранится, так что впрок готовить не советую.

Приятного аппетита! И не забудьте после обеда как следует отдохнуть, чтобы потом с новыми силами приняться за ужин... ■

МОДНАЯ МАМОЧКА
романтическая комедия

Режиссер Гарри Маршалл ("Красотка", "Сбежавшая невеста")
В ролях: Кейт Хадсон ("Почти знаменит"), Джон Корбетт ("Моя большая греческая свадьба") США, 2004 г., 116 мин.

Если за дело берется знаток женских душ Гарри Маршалл, будьте спокойны — он выжмет слезу из любого. Недаром над его "Красоткой" до сих пор рыдают домохозяйки всего мира! А уж история о легкомысленной модели, ничего не смыслящей в воспитании детей, но по зову сердца и из чувства долга взвалившей на свои хрупкие плечи заботу о троих сиротах-малышах, доставшихся ей после гибели старшей сестры, и подавно. Карьера и веселые клубные вечеринки — все в прошлом. Воспитание — непростая и ответственная штука. Но Хелен за старания воздастся — она не останется одна и встретит свою любовь...

РЫБА ФРАНКЕНШТЕЙНА
фильм ужасов

Режиссер Марк Диппз ("Спаун") В ролях: Чайна Чоу ("Вверх тормашками"), Тори Киплз ("Земля тигров"), Томас Аран ("Гладиатор") США, 2004 г., 89 мин.

Режиссер этого фильма хорошо известен в мире кино как умелый создатель спецэффектов к таким блокбастерам, как "Терминатор-2" и "Парк юрского периода". Теперь он взялся пугать нас вдвойне — и как мастер спецэффектов, и как режиссер. Надо сказать, что это ему блестяще удастся. ...В болотах Луизианы исчезают люди. Выясняется, что вследствие контрабандной транспортировки рыбьих мутантов вырвались на волю и теперь "лакомятся" местными жителями. Генные инженеры потрудились на славу, эти монстры — результат скрещивания рыбы и змеи. Им ничего не стоит преследовать жертву как по воде, так и на суше. Вкусив однажды свежей крови, они ни перед чем не остановятся, и представляют смертельную угрозу всему живому вокруг...

ТАИСТВЕННЫЙ ЛЕС мистический триллер

Автор сценария и режиссер М. Найт Шьямалан ("Шестое чувство", "Неуязвимый", "Знаки") В ролях: Хоакин Феникс, Уильям Херт ("Бессмертные"), Эдриен Броуди ("Пианист"), Сигурни Уивер ("Чужой") США, 2004 г., 104 мин.

Изысканная готическая атмосфера, завораживающий сюжет и непредсказуемый финал — вот три составляющие успеха фильмов М. Найта Шьямалана. Новая работа — не исключение. ...Жизнь в деревушке Ковингтон на самом краю леса никогда ничем особенным не отличилась от любой другой. Но не дай Бог обитателям нарушить давнее соглашение с таинственными соседями, обитающими в чаще леса, и пересечь невидимую черту! Хрупкое перемирие, нарушенное случайной кровью, неизбежно приведет к другим жертвам. Никогда не навещать в чаще — вот главное условие спокойствия хуторян...

БЕЛЫЕ ЦЫПОЧКИ комедия

Режиссер Кинен Айвори Уэйанс ("Очень страшное кино-1,2") В ролях: Шон и Марлон Уэйансы, Джейми Кинг, Френки Фэйсон США, 2004 г., 110 мин.

Как видно, у авторов прославленной экшн-комедии "Очень страшное кино" в запасе немало уместительно-смешных шуточек, раз главных белокурых героинь в их фильме играют... негры!

Два чернокожих агента ФБР, братья Маркус и Кевин после очередного провала, восстанавливая вконец загубленную репутацию, соглашаются стать охранниками наследниц гостиничной империи, сестричек Уилтон, которых готовят похитить мафия. И не придумывают ничего лучше, как выдать себя за них.

Видеогид Наталья ТЕНДОРА

"Бульвар" — видео

Давайте познакомимся:

Ваше имя, отчество, фамилия _____

Где вы проживаете: _____

Край (область) _____

Район _____

Город _____

Улица _____ дом _____ корпус _____ квартира _____

Телефон 8 (_____) _____ эл. адрес _____

О журнале:

Как давно вы читаете журнал: _____

Как вы получаете журнал: выписываю/покупаю/в библиотеке

(нужное подчеркнуть) _____ (другое) _____

Где вы оформляете подписку на журнал: почта/сбербанк/ _____ (другое) _____

По какому индексу вы выписываете журнал _____

Как давно вы выписываете журнал по этому индексу _____

По какому индексу выписывали раньше _____

Можете ли вы назвать дату получения журнала по подписке:

№ 12/04 _____, № 1/05 _____, № 2/05 _____

№ 3/05 _____, № 4/05 _____, № 5/05 _____

Собираетесь ли вы оформлять подписку на след. _____

Назовите цену одного экземпляра по подписке во втором полугодии текущего

года _____

Какую цену на журнал вы считаете приемлемой? _____

Ваше мнение о журнале: _____

Какие рубрики, на ваш взгляд, представляют наибольший интерес? _____

Какие рубрики для вас актуальны? _____

Какие рубрики вы считаете излишними, не соответствующими формату

журнала _____

Ваши замечания, пожелания _____

Что еще вы можете рассказать о себе:

Дата рождения _____

Образование (специальность) _____

Ваш социальный статус _____

Кем вы работаете _____

Чем занимаетесь в свободное время _____

Где и когда отдыхали в последний раз _____

Есть ли у вас домашние животные? Какие? _____

Есть ли у вас дача _____

Что вы предпочитаете делать на даче: отдыхать, сажать огород,

(другое) _____

Какие газеты, журналы еще вы читаете _____

Какие телепередачи вам наиболее интересны _____

Расскажите о вашей семье:

Кто еще проживает вместе с вами _____

Возраст детей (если есть) _____

Их интересы _____

Кто из вашей семьи читает журнал _____

Их мнение о журнале _____

Кто еще читает наш журнал _____

Еще о себе: _____

Информация об условиях оформления **подписки через Сбербанк**

Для оформления подписки в приведенном подписном купоне необходимо:

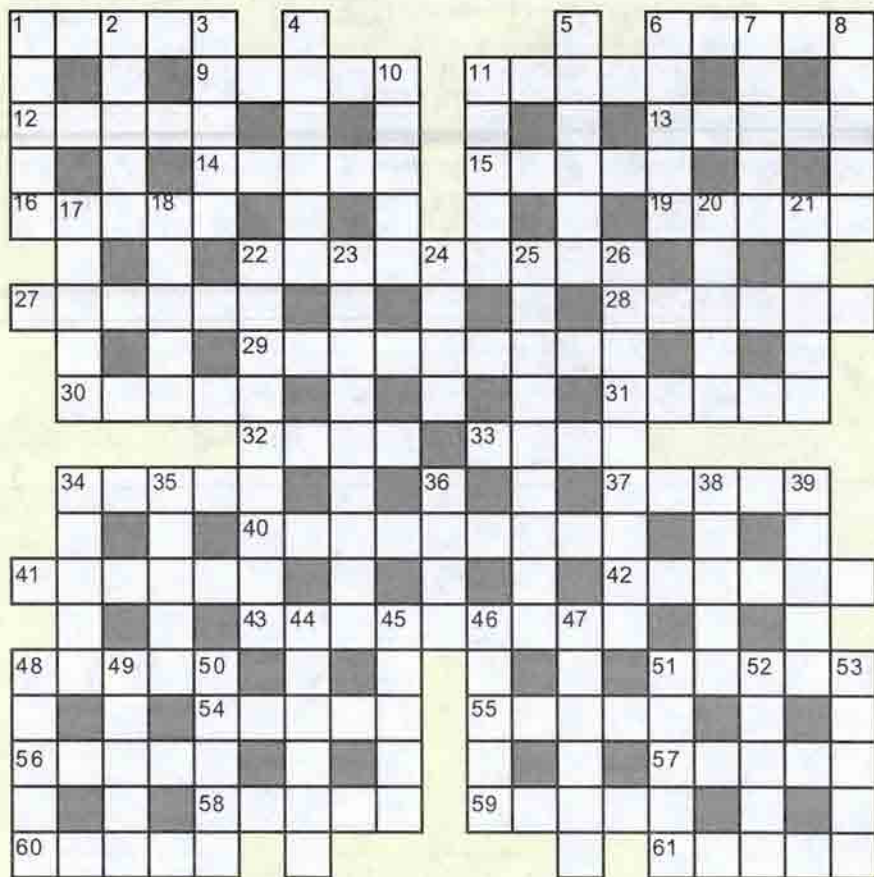
- Указать фамилию, И.О., почтовый индекс и полный адрес, на который будет производиться отправка выписанных изданий, а также телефон (по желанию).
- Заполнить графы "Подписной индекс", "Период подписки" и "Сумма" в соответствии с указанной информацией. (Например: СМ0534; 7-12 мес. 2005 г.; 375 руб. 30 коп.),
- Вырезать купон и оплатить его в любом филиале Сбербанка в удобное для вас время.

Наименование комплекта	Периодичность выхода изданий	Подписной индекс	Подписные цены на 2-ое полугод. 2005 г.		
			1 мес.	3 мес.	6 мес.
Журнал "Смена"	1 раз в месяц	СМ0534	62,55	187,65	375,30

Все суммы включают в себя НДС, стоимость услуг Сбербанка по перечислению денежных средств и услуг по доставке изданий заказными бандеролями по почте.

По вопросам подписки через Сбербанк и отправки изданий обращаться: Адрес: 125284, г. Москва-284, а/я 25, ООО "С-инфо", отдел подписки; e-mail: stimulu9@si.ru, тел.: (095) 363-42-62

Извещение	ИНН 7719036520 ООО "С-инфо" р/сч № 40702810338000110229 в Центральном ОСБ № 8641 Сбербанка России г. Москва к/сч № 30101810400000000225 в ОПЕРУ Московского ГТУ Банка России БИК 044525225		
	(ф.и.о., адрес плательщика)		
	Назначение платежа		
	Подписной индекс	Период подписки	Сумма (в том числе НДС-10%)
Кассир	С условиями приема банком суммы, указанной в платежном документе, ознакомлен и согласен _____ " " _____ 200__ г. (подпись плательщика)		
	ИНН 7719036520 ООО "С-инфо" р/сч № 40702810338000110229 в Центральном ОСБ № 8641 Сбербанка России г. Москва к/сч № 30101810400000000225 в ОПЕРУ Московского ГТУ Банка России БИК 044525225		
	(ф.и.о., адрес плательщика)		
	Назначение платежа		
Квитанция	Подписной индекс	Период подписки	Сумма (в том числе НДС-10%)
	С условиями приема банком суммы, указанной в платежном документе, ознакомлен и согласен _____ " " _____ 200__ г. (подпись плательщика)		
	ИНН 7719036520 ООО "С-инфо" р/сч № 40702810338000110229 в Центральном ОСБ № 8641 Сбербанка России г. Москва к/сч № 30101810400000000225 в ОПЕРУ Московского ГТУ Банка России БИК 044525225		
	(ф.и.о., адрес плательщика)		
Кассир	Назначение платежа		
	Подписной индекс	Период подписки	Сумма (в том числе НДС-10%)
	С условиями приема банком суммы, указанной в платежном документе, ознакомлен и согласен _____ " " _____ 200__ г. (подпись плательщика)		
	ИНН 7719036520 ООО "С-инфо" р/сч № 40702810338000110229 в Центральном ОСБ № 8641 Сбербанка России г. Москва к/сч № 30101810400000000225 в ОПЕРУ Московского ГТУ Банка России БИК 044525225		
(ф.и.о., адрес плательщика)			

КРОССВОРД

По горизонтали. 1. Древнее изобретение человека, помогающее не надорваться. 6. Существо, посаженное в "Евгении Онегине" в салазки дворовым мальчиком, "себя в коня преобразив". 9. В одно время шутили: "Ешь морковь, лук и хрен — будешь как Софи...". 11. И поэт-фронтовик, и знаменитый советский скрипач, и критик-марксист, душивший критиков-идеалистов. 12. Место подвига Моськи. 13. Друг икса. 14. "Прошляпил!" по отношению к шахматисту. 15. Титул "маленького" героя сказки, написанной военным летчиком. 16. Забота "мужичка с ноготок" и его отца в "Крестьянских детях" Н. Некрасова. 19. Величавая архитектура. 22. Купец, за которого Лукич в поэме И. Никитина "Кулак" выдал на невеселое житье дочь Сашу. 27. Жительница теплых краев. 28. Внутренняя оболочка стенки кровеносных сосудов. 29. Центр добычи железной руды в Кустанайской области. 30. Съёмка портного с клиента. 31. Коллектив актеров, мечтающих сниматься в кино.

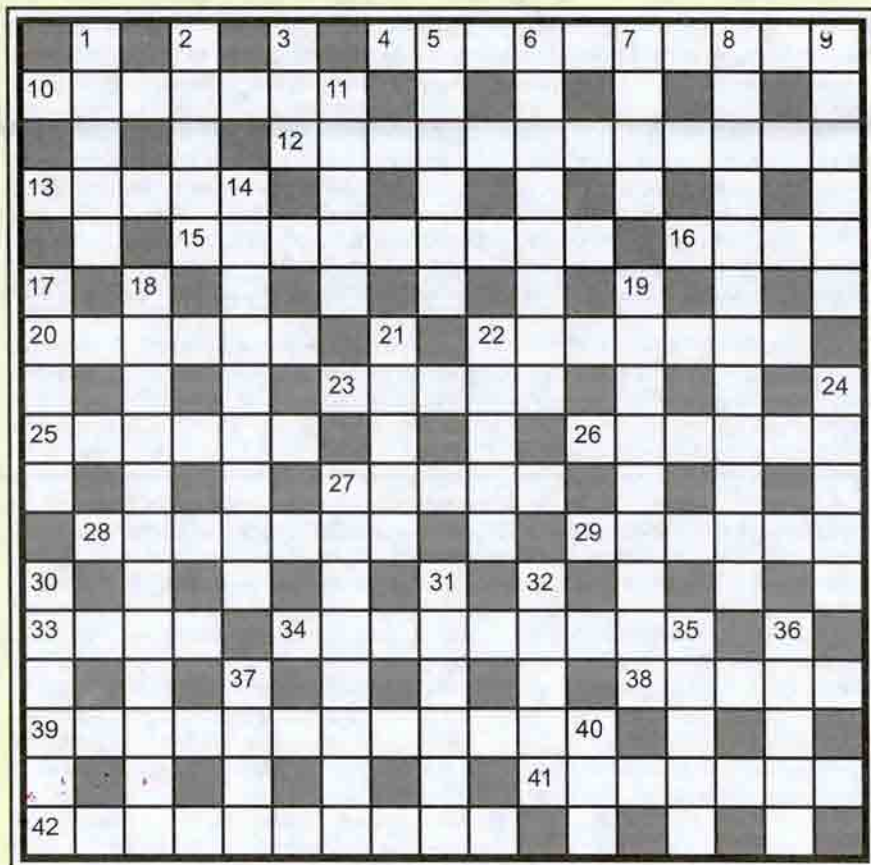
32. "Плачущий богач" Альберто. 33. Одна из двух "ученых муз". 34. Самолетная "обувь" навывпуск. 37. Кремлевская драгоценность на высоте. 40. Греческий полуостров с горой Афон. 41. Американский журналист и путешественник, дважды пересекший Африку. 42. Металл, с блеском отражающий коррозию. 43. Опухоль на проводнике импульсов в организме. 48. Азиатская страна, где местные жители не купят у вас банку говяжьей тушенки. 51. Краска в арсенале женского кокетства. 54. Игрок в японские шашки. 55. Суша, со всех сторон окруженная периферией. 56. Живописно-потолочное произведение. 57. Роман Н. Златовратского. 58. Горьковский герой, чье сердце-светоч толпа втоптала в грязь. 59. Поверхность, на которой видны как успехи, так и недостатки киноискусства. 60. Птица, символ Англии, истребленный там. 61. Живописное изображение, "песня души" (митрополит Питирим).

По вертикали. 1. Единица спортивного времени, отмеряемая гонгом. 2. Книга ни уму, ни сердцу. 3. Орган, способный разбежаться. 4. Оппонентка кривды, не ночевавшая в Кремле. 5. Основоположник рода зажигалок. 6. Здоровенная колхозница с серпом, вышедшая из мухинской мастерской. 7. Терем мысли. 8. Часовая вилка. 10. Русалка в немецкой реке. 11. Предмет, без которого трудно представить Ю. Лужкова, как без него трудно пока представить Москву. 17. Спортивное вето на мирские удовольствия. 18. Представитель европейского народа, совершившего в 895-896 годах Обретение родины. 20. Царица улья. 21. Сущность долгой осады. 22. Летчик-герой, одним из первых таранивший фашистский самолет в ночном небе Подмосковья. 23. Великоморавский князь, пригласивший из Византии ставших знаменитыми Кирилл и Мефодия. 24. Антрацит, побывавший в пекле. 25. Средневековый памятник итальянской прозы с бродячими сюжетами, повлиявший на Дж. Боккаччо. 26. Игра в ответы на вопросы. 34. Медведь, страдающий бессонницей. 35. Зимнее транспортное средство мощностью в одну родительскую силу. 36. Подмосковная деревня, где М. Кутузов принял решение отдать Москву Наполеону. 38. Рядовая в алфавитном строю. 39. Рыба, в обратном чтении становящаяся итальянским городом. 44. Австралийское сумчатое, несущее яйца. 45. Вчерашний день в нынешней моде. 46. Японская скульптурка с функцией брелока. 47. Образ действия, поведения. 48. Изнанка. 49. Аквариумная рыбка, для чьих мальков идеальный корм — инфузории или измельченные коловратки. 50. Нашего поля ... (о человеке, схожем по привычкам, поведению, положению). 51. Русский живописец родом из Милана, соученик К. Брюллова. 52. Лимонад по-французски. 53. Жена Лукича в поэме И. Никитина "Кулак". ■

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 4

По горизонтали. 1. Вдова. 6. Эпиграмма. 9. Хулиган. 10. Фрейд. 14. Бомба. 15. Щипцы. 16. Насос. 21. Практика. 22. Эрбий. 23. Отцы... 26. Есть. 27. Браун. 28. Чиновник. 31. Азарт. 32. Жачев. 33. Кулик. 36. Хвост. 37. Инерция. 39. Дискуссия. 40. "Задиг".

По вертикали. 2. Догматик. 3. Врач. 4. Шприц. 5. Умора. 7. Суббота. 8. Айван. 11. Романтизм. 12. "Мцыри". 13. Гортензия. 17. Юппер. 18. Якорь. 19. "Лидия". 20. Дымка. 24. Цукат. 25. Полуниин. 29. "Браво". 30. Теннесси. 34. "Остин". 35. Оргия. 38. Икра.

Э Р У Д И Т

По горизонтали. 4. Живописец XVI века по прозвищу Венето, учившийся у Дж. Беллини. 10. Князь, больше 20 лет верой и правдой защищавший Московское государство от литовцев, шведов, крымских татар и других врагов, после чего постригся в Нероцком монастыре, но и тут не избежал подлости Ивана Грозного и умер от страшных пыток. 12. "Добродетель порока" (Ж.Ж. Руссо). 13. Приставка в XVIII веке к званию генерала, соответствовавшему званию фельдмаршала. 15. "Сын фантазии чудесной" в стихотворении Н. Языкова "Мое уединение". 16. Французский историк, знавший, что для государств "нет иного гения, они не знают иной судьбы, кроме хорошей или дурной администрации". 20. Затвор, прикрывающий отверстие для стрельбы из орудий в борту корабля. 22. Самоцвет, связанный у древних египтян с охраной детворы. 23. Шнур с кистью на кивере. 25. Отверстие у видеоискателя для выбора фотографом кадра. 26. Тресковая морская рыба, способная не-

реститься при нулевой температуре воды. 27. Совокупность носителей наследственности в одинарном наборе хромосом. 28. "Личное" помещение актера в театре. 29. Состояние, охватившее чеховскую Каштанку после сытного ужина у незнакомца. 33. Бедуинский поэт конца VII века по прозвищу Маджнун, чья любовь к Лейле вдохновила многих поэтов и прозаиков Востока. 34. Богач, которого можно назвать королем лир. 38. Крупнейшее подразделение стратиграфической шкалы. 39. Русский скульптор с эволюцией от натурализма до слащавой салонности. 41. Щипковый грузинский инструмент, на котором раньше играли только женщины. 42. "История для глупцов" (Оноре де Бальзак).

По вертикали. 1. Баснословная находка петуха в навозной куче. 2. Одно из того, что, по А. Пушкину, омрачило "начало славных дел Петра". 3. Навес над клетками с норками. 5. Человек, в сфере своего таланта показывающий более тонкий и проникновенный ум, чем в повседневности. 6. Индийский поэт, утонувший в "море подвигов Рамы". 7. Глупость тела. 8. "Господин, принимающий вас за дурака, поскольку вы не приняли его за обманщика" (П. Декурсель). 9. Байкальский остров, где, по преданию, пасли стада Чингисхана. 11. Один из символов, украшавших фронтон дома Е. Энгельгардта в Царском Селе. 14. Винтики, колесики, пружинки, спирали, стрелки на языке часовщика. 17. Актер-кукловод, в 1909 году получивший титул Бунгоро III, а в 1955 году ошастливленный званием "национальное сокровище Японии". 19. Казарма-дворец в коммунах утопистов. 21. Посуда для сивухи в повести Н. Гоголя "Вий". 22. Человек из "секты духов", как считала Екатерина Великая. 24. Первое кустодиевское повествование о народной жизни. 27. Советский летчик, таранивший горящим самолетом скопление фашистских танков и бензоцистерн. 30. Титул главы болгарской церкви. 31. Селение близ Калькутты, где англичане разбили бенгальскую армию, начав завоевание Индии. 32. Представитель славянского племени, жившего, согласно летописи, "яко звери, ядуще все нечисто". 35. Недуг, свирепствовавший, пока люди не знали о витаминах. 36. Имя красовского "милорда глупого". 37. "Птенец гнезда Петрова" в повести В. Одоевского "Саламандра". 40. Астат, бром, фтор, хлор (еще один галоген). ■

ОТВЕТЫ НА ЭРУДИТ, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 4

По горизонтали. 1. Воин. 5. Нигилизм. 9. Собака. 10. Репа. 11. Скорость. 12. Удмурт. 13. Аден. 14. Уважение. 20. Шкура. 21. Эскадра. 22. Царствие... 24. Кил. 25. ...Адоннай. 27. Ровере. 28. Гро. 30. Приштина. 31. Фюзеляж. 32. Уклад. 34. Домбрист. 39. Юмор. 40. Оденсе. 41. Щелкалов. 42. Ясон. 43. Кудеяр. 44. Частушка. 45. Тьма.

По вертикали. 1. Варвар. 2. Импрессионизм. 3. Сорди. 4. Мазурка. 5. Настурция. 6. Гроза. 7. Леоне. 8. Затеи. 15. Ваал. 16. Жостовец. 17. Невменяемость. 18. Еремей. 19. Характер. 20. Шри. 23. Распад. 26. ...трактовка... 28. Гнус. 29. Рюд. 31. Фазенда. 33. Бронза. 35. Опера. 36. Букет. 37. Иллеш. 38. Осляк.

Алексей Слаповский

Алексей Слаповский — один из самых интересных современных прозаиков. Известный драматург. Модный сценарист. Четырежды лауреат премии “Бу-кер — Открытая Россия”.

Недавно вышел новый роман Алексея Слаповского “Они”. О новинке, об особенностях развития современной прозы и о многом другом с писателем беседовал наш корреспондент.

— Вы — лауреат многих премий. Что для вас эти награды? Факт признания? Суета, отвлекающая от творчества? Приятная неожиданность?

— Премии театральные и телевизионные приятны тогда, когда видишь в них признание коллег. Премии литературные важны в первую очередь тем, что привлекают интерес читателей к моим книгам. Больше мне ничего не нужно.

— Почему, на ваш взгляд, сериал “Участок” пользуется такой популярностью?

— Добрый потому что. Я много раз говорил: из 100 ментов в наше время только 1 (один) честный. Вот мне такого и захотелось изобразить. И повторял при этом: главный герой сериала и книги — народ.

— О чем ваш новый роман “Они”? Название сразу ассоциируется с замятинским “Мы” — есть ли параллели или это случайное совпадение?

— Параллель осознанная, но совпадений нет. Просто вот такая мысль: если в XX веке самым опасным было местоимение “мы” (мы лучше них), то сейчас акцент на “они” (они хуже нас). На самом деле, просто другой ракурс, а проблема та же: вражда, отчуждение. Плюс экспансия.

Но роман только отчасти об этом. Сначала название было — “Оккупация”. Главным героем был некто М.М., вообразивший, что страна кем-то оккупирована. Его терзает вопрос, кто он сам, оккупант, оккупированный или прислужник режима? Поэтому и живет, как в тылу врага, называя самого себя инициалами. В результате приходит к выводу, что налицо факт “самооккупации”. Что он имеет в виду, об этом в книге.

Но потом все больше места стал занимать человек высокого полета, спустившийся случайно из своих заоблачных высей на рынок и чуть не прибивший М.М. до смерти, приняв его за вора.

Потом понадобилось подробнее описать приключения мальчика, который почти случайно украл у этого человека бумажник. Так оно все и завертелось.

Это еще роман о Москве, это мое освоение Москвы с помощью романа. В Москве много Москв, извините за неуклюжее слово. Они существуют, часто не пересекаясь друг с другом. Тому же человеку высокого полета давно уже гораздо лучше знакома жизнь курортов Синайского полуострова, чем житие обычной московской не очень обеспеченной семьи. И вот он с нею сталкивается, и для него это абсолютная экзотика, чуднее кораллов и древних гор.

А еще в романе — о Москве гастарбайтеров, милиционеров (на этот раз не благостных, как в “Участке”), а еще о загадочном явлении “флэш-моба”. Много о чем, но сюжет получился почти приключенческий. Надеюсь.

— Вы смотрите сериалы, сценарии к которым пишете? Какие ощущения возникают во время просмотра?

— От чувства глубокого удовлетворения до чувства глубокой печали.

— Сколько на данный момент написанных вами пьес? По одним данным, их около 50, по другим же — "более 30". Кому верить?

— Много. Суть в том, что на каждую новую написанную пьесу у меня приходится две одновременно выкинутых, запрещенных для постановки: разонравились. Когда-то я в самозабвении писал по пьесе в месяц, вот их и скопилось, наверное, около полусотни. Потом осталось 30. Сейчас считаю пристойными около 15-ти. Тоже немало.

— Ваш следующий роман будет называться....

— Очень возможно, что следующим будет роман с названием "Мы". Опять-таки, кроме названия, с Замятиным — ничего общего. Не антиутопия, о нас нынешних. Офисных, корпоративных, монопольных, коллективных и т.п. О том, как строят маленькие квази-коммунизмы в отдельно взятых структурах. Хочу, чтобы получилось смешно. А потом, быть может, роман "Я". Автобиографический, но в жанре сериала. И с музыкой: присобачу к нему диск MP-3 с собственными песнями. Так и соединю все свои ипостаси. Сравнение с Акулиным, наладившим производство серии романов с серийными же названиями, меня не волнует: я начал раньше, и я не в жанре. Сравнение с Пелевиным (книга с диском) волнует еще менее: музыка у меня своя.

Я не хочу сказать, будто меня не волнует и то, что у них больше читателей. Волнует, врать не буду. Любой нормальный писатель хочет, чтобы читателей у него было больше. Но не любой ценой.

АЛЕКСЕЙ СЛАПОВСКИЙ

ОНИ

